

Грузино-российский диалог на неправительственном уровне при
поддержке южнокавказского регионального бюро Фонда
им. Генриха Белля

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ГОСУДАРСТВАХ И ОБЩЕСТВАХ ГРУЗИИ И РОССИИ

Материалы грузино-российской конференции

Тбилиси, 23-25 января 2004 г.

Южнокавказское региональное бюро
фонда им. Генриха Белля

Роль православия в государствах и обществах Грузии и России.
Материалы конференции.

Ред. Н. Лежава. – Тб.: ФГБ, 2004. - 264 стр.

Rolle der Orthodoxie in den Staaten und Gesellschaften Georgiens
und Russlands. Materialien einer Konferenz.
Red. N.Lejava. – Tb.: HBS, 2004. - 264 S.

ISBN 99940-22-64-4

© Фонд им.Генриха Белля
© Heinrich Böll

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник является результатом конференции, организованной Фондом им. Генриха Белля, которая состоялась 23-25 января 2004 года в Тбилиси. Книга - логическое продолжение первого издания, вышедшего в рамках грузино-российского диалога, которое основывалось на материалах второй аналогичной встречи, состоявшейся 11-12 июля 2003 г. в Москве. На этой встрече, наряду с другими актуальными для общества двух государств темами, обсуждалась и роль православия в государствах и обществах Грузии и России.

Религия и ее роль в развитии общества – темы особенно релевантные для Грузии и России, однако до сих пор они не являлись предметом открытой дискуссии. Организацией встреч, касающихся роли религии в обществе и государстве устроители надеялись содействовать развертыванию общественной дискуссии.

Статьи, включенные в этот выпуск, представляют собой доклады, прочитанные на конференции «Роль православия в государстве и обществе» 23-25 января 2004 г. в Тбилиси, в которой участвовали представители научных кругов, духовенства, НПО, масс-медиа, а также либеральные эксперты Грузии и России.

Предлагаемые статьи и дискуссии раскрывают различные аспекты таких сложных областей, как свобода вероисповедания, православный фундаментализм, религиозный национализм и соотношение государства и церкви.

Каждый доклад сопровождался дискуссиями, которые были зафиксированы, и также здесь представлены читателю в отредактированном виде. Считаем необходимым подчеркнуть, что выступления участников дискуссий воспроизводятся без существенных изменений содержания. Доклады и содержание дискуссий предлагаются читателю с хронологической последовательностью.

Цель нашего проекта – содействовать конструктивному диалогу представителей грузинской и российской общественности. Мы надеемся, что такой диалог будет способствовать обмену информацией и соображениями о политическом и общественном развитии двух соседствующих государств.

Нам хотелось бы выразить благодарность дирекции **Института Гете** в Тбилиси, которая предоставила возможность устроить трехдневную конференцию в здании Института, и особенно всем сотрудникам Института, которые помогли создать хорошую рабочую атмосферу для участников и устроителей конференции.

Мы благодарны **Николаю Митрохину** и **Людмиле Кабановой** с российской стороны, а также **Левану Абашидзе** и **Нодару Ладария** с грузинской стороны за их большую помощь при организации конференции.

Мы надеемся, что сборник окажется интересным в первую очередь для читателей в Грузии и России.

Тбилиси, май 2004 г.

Вальтер Кауфманн
Директор

Нино Лежава
Координатор программ

*Южнокавказское региональное бюро
Фонда им. Генриха Белля*

ПРИВЕТСТВИЕ

Вальтер Кауфманн

Меня зовут Вальтер Кауфманн. Я являюсь руководителем регионального бюро Фонда им. Генриха Белля на Южном Кавказе, в Тбилиси. Сегодня я особенно рад, что вы все приехали на эту встречу после того, как мы перенесли ее с декабря на новый срок в связи с важными и интересными политическими событиями, о которых у нас пойдет речь в дальнейшем. Эта встреча, как я уже сказал, третья по счету в целой серии. Первая была в прошлом году в марте у нас в тбилисском офисе. На ней присутствовало приблизительно 16-18 человек. Темой той встречи было советское прошлое в сегодняшних Грузии и России. Потом все участники собирались в Москве в июле прошлого года, и там уже обсуждали вопросы религии, общества и государства, а также некоторые актуальные проблемы российско-грузинских взаимоотношений. Нынешняя конференция — самая большая встреча начатого диалога, и, согласно нашему решению, она также посвящена актуальной для обеих сторон теме: роли православия в государстве и обществе.

Задача Фонда им. Генриха Белля — способствовать контактам и сотрудничеству на неофициальном и неформальном уровне между странами, которые в политическом смысле находятся в очень непростых отношениях, но, как нам кажется, имеют взаимные интересы не только в отрицательном, но и в положительном смысле.

В связи с большим значением нашей встречи, обусловленным не только данной темой, но и недавними внешними обстоятельствами, мы решили добавить еще один день для обсуждения актуальных событий и свободного обмена мнениями о том, что произошло в Грузии и в России в последние два месяца. Конечно, и в России имели место важные события, но они не были столь позитивны, как в Грузии. В России прошли парламентские выборы, начато дело Ходорковского. Многие из присутствующих активно следили за происходящим, поэтому мы посвятим сегодняшний день актуальным событиям, а на основную тему мы перейдем завтра.

Важность нашей встречи обусловлена также акцией, которая была задумана в марте прошлого года, когда г-н Леван Бердзенишвили рассказывал, что Национальной библиотеке Грузии уже все находящиеся в Тбилиси посольства подарили книги. Все, кроме посольства Российской Федерации, и Национальная библиотека остро нуждается в хорошей современной русской литературе. После этого наши российские друзья из «Мемориала» предложили и, в конце концов, провели акцию по сбору книг у разных московских и питерских издательств. Российские участники вчера увидели, насколько успешной оказалась акция, потому что им пришлось перетаскивать более 600 книг. Сегодня вечером состоится официальная передача этой литературы в дар Национальной библиотеке. Признаюсь, когда я и мои коллеги в офисе распаковали книги, нам стало жалко отдавать в Национальную библиотеку, настолько замечательные и интересные издания. Я очень надеюсь, что они теперь будут находиться в хороших и надежных руках — у вас, Леван, в Национальной библиотеке.

До того как передать слово нашим первым докладчикам, я хочу выразить благодарность всем, особенно заместителю директора Института Гете господину Бику. Он предоставил нам как этот прекрасный зал, так и другой, в котором мы будем работать, что значительно облегчит нашу задачу. Хочу также поблагодарить своих коллег Люсю Кабанову и Нино Лежава: они являются координаторами грузино-российского диалога в Москве и в Тбилиси и очень много сделали для того, чтобы эта встреча могла состояться. Им особая благодарность.

А теперь просьба ко всем выступающим, которые участвуют в дискуссиях: пожалуйста, пользуйтесь микрофонами, так как мы все записываем, чтобы потом документировать письменно не только доклады, но и ход дискуссии.

Мы сейчас перейдем к теме дня: актуальные события в Грузии и России и как они влияют на взаимоотношения обеих стран. Первый доклад у нас на тему *«Революция роз» и выборы президента: обзор событий и оценка новой внутривнутриполитической ситуации в Грузии*. У нас на эту тему два докладчика: Давид Дарчиашвили — историк, политолог и очень известный в Грузии аналитик Кавказского института мира, развития и демократии. Рад, что вы согласились, Дато. Второй докладчик — Паата Закареишвили, участник этого диалога с первого дня его появления, тоже политолог, независимый аналитик, наш давнишний друг, и партнер на Южном Кавказе.

«РЕВОЛЮЦИЯ РОЗ» И ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА ГРУЗИИ

Сегодняшний день нашей конференции посвящен событиям в Грузии на современном этапе: «революция роз». С одной стороны, можно говорить о вопросах, связанных с изменениями в Конституции Грузии, с другой — о прошлых или будущих парламентских выборах, о том пути, на который Грузия вступит после того, как будет избран парламент. Но это явится правовым анализом фактов, которым заниматься я не собираюсь, несмотря на его важность. Я, скорее, хотел бы попытаться дать оценку социально-политической ситуации Грузии и поставить несколько вопросов, касающихся текущих процессов.

Во-первых, являлись ли известные события действительно революцией? Об этом уже не раз спрашивали, и, я знаю, многие в России убеждены, что это был в некотором роде дворцовый переворот. Второй вопрос состоит в следующем: насколько фундаментально то, что произошло? В-третьих, насколько революционные события необратимы? И, наконец, четвертый вопрос: куда идем, что делать дальше и чего ожидать в будущем?

В первую очередь насчет революции: что касается ленинского определения революционной ситуации, — это когда «верхи не могут, а низы не хотят» — оно мне кажется очень схематичным и ненаучным, ибо вряд ли кто-нибудь попытается придумать объективный барометр того, когда верхи не могут, а низы не хотят. Но элементы такого положения дел, мне кажется, все-таки были налицо, и грузинские события не являлись просто заговором, тем более заговором США, как об этом много говорилось. Во-первых, нет никаких надежных документов, подтверждающих это, а все остальное — просто досужие разговоры.

Во-вторых, в революции участвовали десятки, если не больше, тысяч человек, и я не думаю, что заговор способен обеспечить такие выступления, которые в эти дни происходили в Тбилиси и не только в Тбилиси. И, в-третьих, насколько мне известно и насколько я пытался на протяжении нескольких месяцев как-то выяснить позицию политических, государственных и академических кругов США по отношению к грузинскому политическому спектру, лидер нынешней революции никак не пользовался авторитетом и доверием у них. Если и делались ставки, то совсем на другие лица. Где-то с 2000-го года минимальное доверие к Шеварднадзе стало стремительно падать, и если бы не сентябрьские события 2001-го года, то Вашингтон и другие западные столицы раньше отвернулись бы от Шеварднадзе, и все из-за той же коррупции и неправомочно использованных сотен миллионов долларов и евро. Но потом сентябрьские события и борьба против терроризма затормозили эти процессы. Однако если американцы и доверяли кому-либо вместо Шеварднадзе, этим лицом не был Саакашвили.

Являлась ли «Революция роз» внутренним переворотом? Пришел ли на место одного клана другой? Наверно, элементы подобного рода есть во всех революционных событиях, но мне не кажется, что это было главным тогда, и можно назвать четыре основных игрока в тех событиях. Это, в первую очередь, гражданское общество, гражданский сектор, который был очень важен и сумел показать и объяснить населению, в чем суть несостоятельности того режима, который существовал на протяжении нескольких лет в Грузии. Второй важный игрок — массы, обездоленные люди, которые больше не могли жить без зарплат, без света и газа. В-третьих, это люди, оскорбленные тем, что Грузия теряет территории и проигрывает войны. В-четвертых, это лидер. В любом движении нужен лидер, и в данной ситуации он появился. Не стоит, наверное, вступать в бесцельные разговоры о том, что его сделали лидером, или он сам стал им. Это, скорее, философский вопрос. Но факт, что лидер появился и он начал свою деятельность с 2000 года, когда также назревал кризис в грузинском государстве. С того момента он весьма эффективно использовал и первого, и второго игроков, шел сам и вел за собой. Но особенно это проявилось во время ноябрьских событий, потому что любые события, будь то революция или переворот, или что-либо еще, требуют хорошей организованности лидера и его окружения, которые спланируют конкретные шаги на уровне получасовых временных отрезков, а именно: где совершать митинги и куда пойти, когда входить в парламент и когда не входить. Оказалось, что Саакашвили это сделал очень эффективно, может быть, импульсивно, может быть, это не было заранее задумано, но он чувствовал момент, и люди ему верили. У него была некоторая харизма. Люди ему поверили с 2000 года, когда он был министром юстиции и зарекомендовал себя единственным человеком среди верхушки бюрократии и тогдашней политической элиты как человек смелый в гражданском плане. Он не побоялся назвать некоторых преступников, очень влиятельных преступников, что было чревато многими опасностями, рискованно, но он на это шел.

И четвертый игрок, конечно, — сама Грузия, тот постсоветский мир, где существовали какие-то кланы, мафиозные группировки; все совершившееся совершилось против них, против их власти, и я надеюсь, что это и в дальнейшем будет так. Но как часто бывает, особенно гибкие люди почуяли, что

время перебежать в другой лагерь. И это происходило в каждом шагу, это было видно на улицах: какие лица появлялись, где, когда... Немножко грубо будет сказано, но крысы чуют, когда тонет корабль. У этих людей есть большие ресурсы, большой опыт, и они тоже повлияли на то, что совершилось именно так, как совершилось. В классовом плане они были бы против всего этого.

Насколько изменения фундаментальны? Если представить иерархию игроков в виде пирамиды, то я бы поставил наверх лидера, потом гражданское общество, которое было очень тонким, но очень активным, потом кланы со своими организационными планами и, наконец, массы. Не знаю, насколько все это фундаментально, но элементы фундаментальности есть даже в смене государственного флага, хотя, на первый взгляд, это может показаться игрой. Но мне кажется, форма не просто отражение действительности, а она влияет на суть, и в изменении флага тоже можно увидеть что-то фундаментальное.

Направление же будущего движения зависит от того, как сложится баланс в этой пирамиде, то есть останется ли лидер наверху, будут к нему ближе мафиозные кланы или гражданское общество. На это ответит время. И многое зависит от того, как поведут себя игроки, какую тактику они выберут, насколько будут политически зрелые в каждом конкретном поворотном моменте.

Что делать дальше? Я сказал, что есть некоторые внешние признаки изменений в том плане, что в Грузии сможет укрепиться демократия и верховенство закона. Это, в первую очередь, видно в том, что коррупционная практика немного — не то что бы исчезла, сдала позиции и изменилась, нет — она затаилась. Многие, например, говорят, что инспекторы ГАИ на улицах побаиваются брать взятки. Это может превратиться в систему, а может и не превратиться. Кто знает? Но то, что они побаиваются, мне кажется фундаментальным изменением действительности. И то, что «воры в законе» опасаются действовать, как они действовали, тоже мне кажется началом фундаментальных изменений. Будут они укреплены или нет — другой вопрос.

Многие говорят, что средства, употребляемые против существующих нарушений, не всегда вмещаются в правовые рамки. Но это можно, полагаю, скорректировать. Если не прозвучит очень цинично, эмоции, к сожалению, тут могут перехлестывать через край. Не без этого и в любой цивилизованной стране. Но коррективы возможны, если дело пойдет в сторону развития демократии, гражданской подотчетности и верховенства права, хотя есть и другие элементы, которые косвенно подсказывают, куда мы идем. Точно не туда, куда указывали лозунги революции. Это, наверно, в первую очередь проявляется в области, которой посвящена наша конференция, я имею в виду отношения религии и государства. То есть, я не исключаю, что будут сделаны шаги, которые вместо движения в сторону гражданского общества, уведут в сторону какого-то «квазифундаментализма», хотя пока так говорить очень рано, и я бы не хотел судить избранного президента или его окружение, как если бы они окончательно определились в этом вопросе.

Что нужно сделать? Нужно, наверно, появление в описанной пирамиде игроков грузинского политического спектра. Это еще только в зачатке.

Затем должны укрепиться и взять на себя важную общественную роль гражданская бюрократия и политические партии. Если эта бюрократия сформируется, если будет профессионализм в этом плане, то изменения могут быть более стабильными, и страна сможет более стабильно развиваться.

Конкретно, что делать? — То, что еще во время Шеварднадзе всегда декларировалось, но никогда не было доведено до конца: нужна серьезная координация усилий, с одной стороны, внешних доноров и, с другой стороны, гражданского общества Грузии, чтобы государство как «реципиент» внешней помощи и поддержки, снизу доверху прослеживалось гражданским обществом, и доноры бы максимально кооперировались в этом плане.

Вчера состоялось выступление нашего президента в Давосе, и были также комментарии внутри Грузии — государственный министр выступил по телевидению и заявил, что уже выделено 2 миллиона долларов, и намечается еще больше, чтобы платить высокую зарплату 2000 главным чиновникам. Кто под этими чиновниками подразумевается, как будет производиться мониторинг, насколько эти чиновники заняты делом строительства государства, основанного на верховенстве закона, здесь, как мне кажется, не до конца ясно, но у внешних доноров и у неправительственных организаций есть все механизмы, и над этим следует серьезно поработать. Вот все, что на данном этапе я хотел сказать. Спасибо еще раз за предоставленную возможность.

Вальтер Кауфманн

Спасибо, Дато Дарчиашвили. У нас сейчас перерыв. Продолжит Паата. Может быть, Паата, ты мог бы еще и затронуть вопросы конфликтов, а именно Абхазии — вопросы, которые очень важны для грузино-российских отношений?

«РЕВОЛЮЦИЯ РОЗ»: ОБЗОР СОБЫТИЙ И ОЦЕНКА НОВОЙ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГРУЗИИ

Спасибо. Приветствую наших друзей. Для меня большая честь выступать перед вами в такое важное для Грузии время. В самом деле, оценки еще долго будут делаться, как в самой Грузии, так и за ее пределами. Материала накопилось очень много, и я думаю, что в ближайший год каждый день будет происходить что-то новое. Это как после большого землетрясения, когда потом происходят маленькие толчки, пока все не оседет на месте. События, развернувшиеся в Грузии, стали для всех неожиданностью. Никто, по-моему, не мог предсказать их заранее. Я очень тесно связан с теми людьми, которые постоянно анализировали общественные процессы в Грузии, но никто не мог вот так смело утверждать, что нечто подобное произойдет. Я уверен, не могли предсказывать даже непосредственные участники событий и их главные герои.

Я считаю, что это, несомненно, была революция. Народные массы повлияли на власти, на общественных лидеров, а политическое руководство и выдающиеся фигуры гражданского общества почувствовали движение этих социальных пластов. И очень хорошо отреагировали победившие, и абсолютно не поняли что произошло проигравшие. Мне кажется, сегодняшняя встреча - продолжение той первой встречи, которая проходила под эгидой Фонда Генриха Белля, где мы говорили о роли гражданского общества, и все оправдалось. Я смело могу повторить мои прежние слова. Гражданское общество имеет особое влияние на грузинское общество в целом и на политиков в частности. И активность гражданского общества является для меня значительным показателем, причем не обязательно количественным, но качественным. У нас были большие внутренние ресурсы как для объяснения населению наших ценностей и стремлений, так и для того, чтобы убедить власти в том, что с нами действительно надо считаться. И нечто подобное реализовалось очень быстро, в течение года во всей Грузии. Я добавил бы в перечень этих четырех игроков, о которых говорил Дато, пятого: это - Запад. Запад сыграл не последнюю роль. Конечно, она не являлась решающей. Но это был значимый, очень серьезный вклад в процессы. Запад передавал информацию как с одной, так и с другой стороны. Он ясно выражал, чего ждут от этих событий. Кто как мог понимать эти «месседжи» с Запада, тот и выигрывал.

Один из ключевых моментов, и я вполне согласен с анализом Давида, - роль Шеварднадзе. Можно сказать, это он определил судьбу того, что произошло: и его безответственная неготовность, и то, что в нем всегда видели человека, который остро чувствовал настроение общества и всегда использовал его в свою пользу. Но как раз этот нюх Шеварднадзе и потерял. Он стал похож на хищника, который уже не может охотиться. Он явно не понял, что происходит на улице и что процессы пошли не в его пользу. Именно Шеварднадзе определил судьбу революции, полностью доверившись людям, которые были совершенно не компетентны в делах государства. Не только не компетентны, но и ненавистны народу. Человек, имевший огромное влияние в мире и постоянно гордившийся тем, что его друзьями были выдающиеся люди: президенты, премьер-министры и т. д., и т. п., опустился на уровень самых типичных люмпенов, выскочек, которых уважают и любят только близкие и власть предержащие - из-за собственной алчности. И они думали не о развитии Грузии. То, что Шеварднадзе исчерпал собственные ресурсы и ограничился подобным окружением, сделало его режим опасным. У самого населения страны до последнего времени не было ненависти к Шеварднадзе как таковому, он в народе даже пользовался славой некоего доброго царя, который все исправит. Он считался даже мудрецом из-за связей с Западом, но его окружение всех беспокоило, все боялись именно того момента, когда Шеварднадзе уйдет. Никто не предсказывал его столь быстрый уход, но полтора года, которые ему оставались, вселяли в людей страх: ведь после них мог наступить настоящий мрак, скажем так: обскурантизм, примитивная диктатура и какое-то средневековье.

После Шеварднадзе у грузинского общества не было бы выбора, пришлось бы оставить все, как было; без Шеварднадзе существовал другой выбор: или демократия, или фашизм, точнее, какая-то серо-коричневая перспектива, которая полностью разрушила бы как Грузию, так и все общественные связи, которые у страны складывались. Вот перед таким выбором стояло общество, и именно потому люди вышли на улицу. Мне кажется, это был инстинктивный страх того, что на нашу голову еще что-то может произойти. Поэтому в тревожном ожидании грузинское общество, а именно гражданское общество поставило перед собой две задачи: программу-минимум и программу-максимум. Программа-минимум состояла в том, чтобы каким-либо образом не дать возможности победить этим силам в парламентских выборах, чтобы в парламенте не было перевеса в пользу сил шеварднадзевского окружения, чтобы потом на президентских выборах можно было с помощью Запада повлиять на события, более или менее безболезненно убрать Шеварднадзе и вместо него поставить настоящего демократа или либерала, такого человека, чья деятельность не привела бы к скорому наступлению авторитарного режима. Но именно непонимание Шеварднадзе того, что

подобное заигрывание с западными ценностями, с демократическими институтами может привести к его краху, его невосприимчивость к зрелости общества, привели к тому, что произошло. В Грузии практически полностью отсутствовала культура политических дебатов. Существовало общество и общественные интересы, разные, скажем так, группы, которые хотели и могли реализовать свои интересы, в том числе кланы, о которых говорил Давид, а также гражданское общество и различные структуры, но среди них не было никакого желания начать культурный диалог. Вот это отсутствие политической культуры и привело к тому, что конфликтующие стороны в какой-то момент перешли границы дозволенного, подобно борцам, которые в пылу поединка выходят за пределы ковра, и судья должен возратить их на место. Шеварднадзе не хотел уступать — он, вместо того чтобы отступить и укрепить свои тылы, наступал и оголял арьергард. И полностью стал уязвимым. Он даже связался с Асланом Абашидзе, человеком, которому никто не доверяет даже в Аджарии.

Однажды Ивлиан Хаиндрава, анализируя самые последние выступления Эдуарда Шеварднадзе, обратил внимание на то, что из его словаря исчезло само слово «Запад». Я не ошибусь, если скажу, что он полностью потерял всякие связи. Вспомним хотя бы тот позорный факт, когда ему звонил его друг, бывший государственный секретарь США, Бейкер: когда Бейкер звонил, Шеварднадзе абсолютно по-советски вешал трубку, его не было. Он говорил, мол, меня нет, но в тот же день три раза разговаривал с Путиным. Подобные факторы показывали, насколько глубоким был кризис, и что Шеварднадзе совершенно не контролировал ситуацию. Соответственно, на этом фоне другие актеры, которые тоже не имели политическую культуру диалога и не имели даже желания вести диалог с ним, перешли в решительное наступление, и этот инстинкт победы, конечно, стер всякое желание обсуждать, предлагать что-то. Не было стратегии победы, то есть никто не рассуждал так: сделаем один шаг и посмотрим, что будет, потом второй шаг, и опять посмотрим, что будет, чтобы хоть как-то спасти лицо государственности. Вот на таком фоне, конечно же, разворачивались события; главным было, чтобы ушел этот человек. В грузинском фольклоре есть такая поговорка: «Пока арба не перевернется, дорога не появится». Мне она не нравится, но поговорка существует в Грузии. Было ощущение, что пока Шеварднадзе не перевернется, дорога не появится. И в самом деле, он заслонял всю дорогу, всю перспективу Грузии, и как только он «перевернулся», как только это произошло, оказалось, что дорога очень широкая, у Грузии огромные перспективы. А наши новые политики, которые были очень скованы и ограничены политикой Шеварднадзе и не имели никакой возможности реализовать свои амбиции, свои желания, теперь растерялись, потому что не могут полностью освоить перспективу, открытую грузинским народом. К сожалению, если промедление затянется, перспектива может навсегда закрыться для Грузии.

Конечно, если ограничиться оценочным уровнем, все происшедшее очень хорошо, но если смотреть в будущее, жаль, что не все так благополучно может закончиться, как грузинский народ ждет от новой власти. Я имею в виду странности кадровой политики, когда люди назначаются по принципу личной верности, или желание изменить Конституцию. Ведь перед президентскими выборами Саакашвили ничего не говорил о том, что он намеревается изменить Конституцию, но как только оказалось, что за него проголосовало 96% избирателей, он собрался внести изменения в основной закон. Таким образом, я хочу сказать, что это опасная тенденция — на ходу менять ситуацию, то есть писать Конституцию для себя, ведь из-за этого критиковали самого Шеварднадзе. Поэтому ответственность сильно повысилась, и трудности, которые мы сейчас замечаем, заставляют нас тревожиться за довольно широкую и ясную перспективу, вставшую перед Грузией, которая может немного потускнеть, стать несколько сероватой, и я доволен, что у грузинского общества есть возможность об этом говорить не только на таких собраниях. Мы можем доказать, что гражданское общество имеет свой вес и с ним считаются, что когда мы реагируем на подобные шаги новых властей, они стараются корректировать свои действия. Это, конечно, не успокаивает, потому что, корректируя одно действие, сразу же возникает другое, отрубим одну голову, сразу же вырастает новая голова. То, что гражданское общество подразумевало под лозунгами, которыми пользовались новые власти, к сожалению, так и осталось незадействованным, иначе говоря, власть не боится этим, не мыслит теми ценностными категориями, ради и с помощью которых они стали у руля государства. Я думаю, что у нас впереди еще много работы, и тот дух, значение той темы, о которой мы говорили на первой встрече здесь в Тбилиси - о роли гражданского общества - еще больше возрастает. У нас нет времени успокаиваться, говорить, что все хорошо, пришла наша власть, и мы добились желаемых результатов.

В Грузии появилось очень много перспектив, очень большие возможности, но они могут не реализоваться. Я хотел бы очень коротко сказать о роли и месте России во всем этом. Я стараюсь разобраться в российской политике и понять, что там происходит. Очень часто мне кажется, что многие шаги, которые предпринимает российская - как внешняя, так и внутренняя - политика, в первую очередь, направлены против самой России. Совершенно не понятна для меня поддержка Россией Аслана Абашидзе. Или это какой-то не состоявшийся демарш — собрать в Москве лидеров

автономий и конфликтных зон Грузии? Весьма неуклюже выглядела попытка сделать какое-то сообщение, и явно было видно, что у России совсем другие, отличные от Запада, стандарты и другие ставки в Грузии. Нельзя закрывать глаза и не видеть, что Запад делает акцент на развитие общества. Не в поддержку властей или каких-то группировок, а именно на развитие общества. Посольство США, посольство Великобритании, посольство Германии тратят деньги на то, чтобы состоялся гражданский сектор, чтобы он был самодостаточным и устойчивым. Россия же ни копейки не тратила на это. Главные приоритеты России в том, чтобы в политических целях использовать экспорт энергоносителей в Грузию. Я очень люблю эту страну и считаю, что Россия могла бы быть хорошим партнером Грузии, но, к сожалению, Россия так и не смогла понять, что в Грузии происходит. Было смешно слушать, как с русской стороны высказывались мнения, будто в Грузии происходит финансируемый Соросом заговор. Я сам член Фонда Сороса и знаю, сколько денег было потрачено на эти события, — сумма мизерная по сравнению с другими затратами. Мне кажется, если Россия действительно хочет иметь на своих южных рубежах стабильный, устойчивый мир и надежного постоянного партнера, то она должна пересмотреть, по крайней мере, если не переделать свою политику.

Я уверен, что ресурсов для нахождения общего языка с Грузией хватит. Я уверен, что между нашими странами возможны и должны состояться хорошие партнерские отношения. Это касается и конфликтных зон. Мне почти не известно, что происходит в Южной Осетии, но я очень хорошо знаю, что происходит в Абхазии. После этих революций прошли три серьезные встречи на разных политических уровнях. Абхазы ждут от Грузии каких-то серьезных шагов, но Грузия пока не готова к этому, и мне кажется, что из-за отсутствия политической культуры, о чем я уже говорил, стороны не хотят уступать друг другу. Но то, что сработало здесь, не сработает в Абхазии. Если у Шеварднадзе и Саакашвили были одни и те же цели — прийти к власти, если они оспаривали один и тот же объект, то у Абхазии и Грузии совершенно разные цели. Они не оспаривают один и тот же объект, поэтому если наши политики не пересмотрят не только свою политику в Абхазии, но и свою политику вообще, саму культуру политики, то при любом наступлении в сторону Абхазии, к сожалению, будет срабатывать именно та опасная российская политика, о которой я уже говорил. Спасибо.

ДИСКУССИЯ

Вальтер Кауфманн

Большое спасибо, Паата. Вам всем предоставляется возможность для комментариев и вопросов.

Ивлиан Хаиндрава

Вопросов у меня нет, но я бы хотел добавить два-три штриха к сказанному моими коллегами и друзьями. Первое: почему был и продолжается такой большой интерес к Грузии. Думается, что на мировом уровне возникло понимание и осознание того, что на постсоветском пространстве (о странах Балтии не говорим) пресловутый переходный период задержался на разных ступенях. Можно говорить, что этот переход был везде, но тем не менее образовалась так называемая серая зона, и постсоветские страны застряли или, я бы даже сказал, увязли в ней. Грузия явила собой пример, или, во всяком случае, возможность того, что может произойти какой-то прорыв. Может быть, кому-то еще удастся вырваться из этой серой зоны, и на данном этапе Грузия рассматривается как лаборатория, где ставится соответствующий опыт: получится что-нибудь или не получится. Если не получится, то вообще все могут махнуть рукой на эту серую зону. Но если получится, то будут опробованы какие-то сценарии, возможности, шансы и прочее, и прочее. Так что это может быть в дальнейшем использовано и имплементировано и в других постсоветских государствах. Это первое.

Второе, что я хотел сказать: почему все-таки происшедшее называют революцией. С моей точки зрения, об этом преждевременно говорить, ибо революция подразумевает системные изменения. Будут эти изменения таковыми или нет, пока не совсем ясно...

Мне кажется, что это название укоренилось благодаря фигуре Шеварднадзе: мол, вот грузины свалили Шеварднадзе. Отношение к нему было разным. Внутри Грузии он давным-давно был совершенно обанкротившимся политиком. О нем даже перестали слагать анекдоты. Он перестал быть интересным. Но для Запада он оставался какой-то глыбой. И тот факт, что грузины его свалили, и при этом не поубивали друг друга, видимо, и подтолкнул назвать произошедшие перемены революционными, а сами события - революцией. Хотя я повторяю, что с системной точки зрения давать такое определение преждевременно.

И еще один момент, связанный с тем, что Дато говорил о массах. Да, массы были задействованы, но, тем не менее, с моей точки зрения, лицо этих митингов, манифестаций и демонстраций было достаточно человеческим... Люмпенизированная масса, мне представляется, не играла определяющей роли (какую-то естественную функцию наполнителя или заполнителя, она, безусловно, играла), но повторяю, внешний облик происходящего значительно отличался от любых других массовых акций и выступлений, которые имели место в Грузии на протяжении, ну скажем условно, пятнадцати лет. Это был довольно городской облик, и, если угодно, облик не существующего в стране среднего класса. Может быть, вот те люди, которые непосредственно участвовали в событиях и выстаивали часами под дождем, смогут стать этим средним классом в Грузии. Спасибо.

Григорий Шведов

У меня несколько вопросов. Мне хотелось бы больше узнать о том, что говорили докладчики о роли гражданского общества. У нас очень мало информации. Второй мой вопрос: связана ли роль и активность гражданского общества с таким сращиванием первого и третьего секторов с традиционной политической маркированностью ряда общественных деятелей. И мне так же хотелось услышать вашу оценку о югославском опыте, югославском сценарии. Наши коллеги из Югославии много делились с нами информацией о тех технологиях, включая даже те бренды, которые были использованы в Грузии. Ваш взгляд на эти технологии. Как они были использованы? Спасибо.

Игумен Иннокентий

Я хочу задать, прямо скажу, провокационный вопрос нашим грузинским коллегам. Я внимательно слушал двух докладчиков и в дополнении, и у меня сложилось впечатление, что в этих событиях не было никакой роли Грузинской Церкви. Но ведь у нас конференция о роли православия в государстве и в обществе. Так вот, какова была его роль в этих событиях?

Михаил Габович

Меня интересует примерно та же самая тематика. Вопрос: на чем основана ваша надежда — на том, что гражданское общество и даже средний класс будет продолжать как-то проявлять себя, потому что одно дело, когда люди выходят на улицу и даже добиваются каких-то фундаментальных политических изменений? Но в моем понимании гражданское общество — это все постоянные структуры, которые действуют не только на политическую систему. Меня интересует, что именно в нынешней Грузии можно назвать тем самым гражданским обществом, которое будет выполнять эти функции?

Давид Дарчиашвили

Очень коротко я постараюсь как-то объединить первый и второй вопрос, потом уже коллеги меня дополнят. Конкретно, я сам не участвовал в этих технологиях, как должны действовать представители гражданского общества в плане применения югославского примера, но некоторое представление имею. Об этом можно говорить долго. Да, были «NDI», это Американский национальный демократический институт и Фонд Сороса. Единственное, чем он был вовлечен в плане финансирования, — то, что люди поехали в Белград, на семинаре познакомились с ребятами из движения «Отпор». Потом были тренировки волонтеров, чтобы создать такую же структуру, и несколько сот человек участвовали в этих тренировках еще летом, до революции, до выборов. А под целью подразумевалось, конечно, все, что угодно, кроме революции. Иначе говоря, подразумевалось, что парламентские выборы должны пройти более или менее открыто, что надо бороться с коррумпированными чиновниками. Но вдруг получилась революция, и эти флаги с кулаком тоже, конечно, сыграли очень большую роль.

Что еще мы подразумеваем под гражданским обществом... По-моему, очень важную роль в революционных событиях сыграла телекомпания «Рустави 2». Это была трибуна, возможность мобилизации. Есть ли надежда, что это гражданское общество еще покажет себя? Не обязательно, мне кажется, тем более в Грузии, где люди не очень-то и привыкли к педантичным организационным работам, чтобы создавать какие-то организационные структуры. Главное — корректировка ценностей. Если десятки тысяч молодых людей в школах, в университетах поймут, что быть Свидетелем Иеговы не значит не быть грузинским гражданином, тогда, мне кажется, гражданское общество победит. Это как пример, можно говорить и о других ценностях. И касательно роли церкви: она до последнего момента была очень негативной, контрреволюционной. Под конец церковь села в лодку победителя.

Паата Закареишвили

О роли НПО: неправительственные организации были самой главной оппозицией в начале, пока не состоялась триада политиков. До того, как они объединились — Саакашвили, Бурджанадзе, Жвания — роль НПО была более значимой именно в качестве интеллектуальной поддержки Саакашвили; все, что делалось, они вырабатывали вместе. Был создан специальный комитет неповиновения. Ребята, которые ежедневно участвовали в акциях, молодые интеллектуалы, творческая интеллигенция непосредственно влияли на действия лидеров. Но если кто и оказывал самое сильное влияние на лидеров, мне кажется, это были представители НПО.

О роли церкви сейчас принято говорить все лучшее. Говоря по правде, церковь повела себя нормально. Накануне изменили решение, то есть все силы были потрачены на то, чтобы Патриарх не пришел на заседание парламента. Именно НПО сделали это, убеждали постоянно, ежечасно, была настоящая атака на его мировоззрение, и, наконец, он поверил, что начинается все новое и не пришел на заседание парламента. Это имело огромное значение, подобное тому, какое имел приезд и вмешательство министра иностранных дел РФ. Этот маленький эпизод свидетельствует о положительной роли России.

На чем основана наша надежда? На одном: мы не работали на Саакашвили, на его режим; мы хотим, чтобы победила демократия, поэтому что бы он ни делал, мы с ним больше будем бороться и больше с него спрашивать, чем с Шеварднадзе, потому что Шеварднадзе знал, что такое демократические институты, и играл ими, а Саакашвили не имеет права ими играть. Ему не простят то, что можно было бы не то что бы простить, но позволить и вытерпеть от Шеварднадзе. Я считаю, что надежда есть, ибо общество более зрелое, чем политические руководители.

Ивлиан Хаиндрава

Если можно, несколько слов добавлю, потому что это невероятно важная тема. Я уже сказал, совершилась ли революция или нет, говорить еще рано, но какие-то революционные тенденции, скажем так, прослеживаются. Как мне представляется, одна из важных, может быть, самая важная из

тенденций, - это появление действительно настоящих зачатков гражданского общества, ибо до сих пор гражданское общество в Грузии уравнивалось с неправительственными организациями. Вот такое было восприятие: неправительственные организации и есть гражданское общество. Но на самом деле понятно, что гражданское общество - явление, так сказать, иного плана, и если проследить динамику процессов, получим, что первые митинги проходят буквально на следующий день после выборов второго ноября. Собираются люди и их спрашивают: зачем вы пришли? Люди говорят: мы пришли защищать свой голос, вот, мол, мне не дали проголосовать, меня не было в списках, а там мою политическую волю исказили. На этой волне потом все начало нарастать. Как мне думается, то, что произошло, представляет собой прорыв принципиального качества. Одним словом, народ этой страны сделал не просто какой-то шаг, но убрал негодное, обанкротившееся во всех планах правительство. Народ действительно проявил серьезную политическую волю и сумел, так сказать, защитить свое святое право избавляться от негодного правительства. Тем самым он сделал очень серьезный шаг в сторону формирования будущего ответственного правительства. До сих пор у нас было безответственное правительство.

Сейчас возникает такой феномен, что новые власти, может быть, начнут опасаться того, что если мы окажемся неадекватными, нас тоже уберут. Мне тоже представляется, что это тенденция. Может быть, еще не прорыв, но если осмысление обществом самого себя пойдет в таком русле, то это окажется основным завоеванием ноябрьских событий прошлого года. Спасибо.

Созар Субелиани

Ивлиан полностью выразил мои мысли, но я хочу добавить: говоря о гражданском обществе, не надо забывать, что в те дни были очень активными певцы, артисты, которые ходили по университетам, по селам, по городам Грузии и говорили, что настало время, когда мы должны создать наше государство. Вот сейчас надо, чтобы все мы были активными и встали на защиту наших идеалов. Понятие гражданского общества расширялось в те дни. Раньше, когда говорили «гражданское общество», все подразумевали только неправительственные организации.

Александр Солдатов

Я в таком журналистском стиле хотел бы задать вопрос, который, может быть, чуть-чуть оживил бы ход обсуждения итогов последней революции. Когда в Грузии происходила предыдущая революция, свергали Гамсахурдиа, мы помним, что одним из плодов было появление такого церковного раскола, который, правда, довольно быстро исчез из поля зрения, ушел куда-то вглубь, но как будто продолжает существовать и до сих пор. Раскол был связан с тем, что вокруг Гамсахурдиа образовалась фракция духовенства звиадистов во главе с архиепископом Амвросием Катамадзе, который потом оказался вместе с Гамсахурдиа в эмиграции. Потом, в конце концов, оказался в Москве и создал какую-то свою церковную группу представителей грузинской диаспоры, проживающих в Москве. Я знаю, что здесь в Грузии есть и рядовое духовенство, которое по-прежнему не скрывают своих симпатий к Гамсахурдиа. Почему, по-вашему, нынешняя революция не породила никакой, так сказать, дискуссии среди духовенства, почему не оказались у Шеварднадзе и его сторонников свои социальные базы внутри Грузинского патриархата, или, может быть, мы чего-то не знаем, может быть, есть какая-то группа «шеварднадзистов» в Грузинской патриархии? Спасибо.

Давид Дарчиашвили

Мы уже как-то посоветовались и сказали, что по двум вопросам еще все впереди. Более конкретно, все церковные расколы, в действительности, затрагивают малое количество людей. Что касается дискуссии или свободного мнения, это сейчас происходит, и есть два очень приятных лично мне священника, которые были вместе с революционерами и до сих пор продолжают их поддерживать. Это отец Заза и отец Василий. По-моему, отец Василий завтра будет выступать. В остальном Грузинская Православная Церковь представляет собой малочисленную группу православных фундаменталистов и 90% прагматиков, то есть людей, которые ничего общего с религией не имеют. Они, как и другие гражданские мафиозные группировки, стараются подстраиваться ко всему. Но если их очень глубоко затронуть, то, может, какое-то сопротивление будет. Дело в том, что пока их никто не трогал. Куда пойдет процесс, посмотрим.

Паата Закареишвили

Церковь, конечно, проблема серьезная, и вопросы в будущем возникнут. Что касается социальных программ, Запад готов их поддержать, потому что здесь дело касается государства. Все это зависит от выполнения государственного бюджета, от успеха в борьбе с коррупцией и так далее. В

зависимости от результатов, есть надежда, что социальные программы будут задействованы. Что касается церкви, здесь сложно... Один из тех моментов, которые настораживают лично меня и многих моих друзей, это заигрывание с религиозными символами: с числами, с церковной символикой - со стороны первых лиц государства. Еще год тому назад наши политические лидеры не чувствовали ни церкви, ни христианства. Явно видно, что здесь сделаны какие-то политические ставки, и это, в конце концов, обязательно приведет к кризису и напряженности в церкви. В первую очередь масса священников-временщиков обязательно переметнется туда, где власть, чтобы урвать лучшее. Есть, однако, и достойные уважения священники, об этом сказал Давид. Их, может быть, где-то 8-9 человек, не больше. Будет, наверно, в самой церкви и раскол, если начнутся серьезные реформы, а они должны произойти, потому что демократическое общество не потерпит обскурантизм. Грузинская Церковь сегодня представляет собой гнездо самого махрового национализма, и поэтому, если общество перейдет на демократические рельсы, раскол в церкви неминуем. Это нормальное явление, ничего страшного в этом нет. Начнется процесс демократизации церкви, мне кажется, потому что там большинство священников недалекие люди. Для них демократия то же самое, что антихрист.

Николай Митрохин

ЛАВОЧКА ЗАКРЫВАЕТСЯ... НАРОД РОССИИ НЕ ВИДИТ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ БОГАТСТВОМ И ДЕМОКРАТИЕЙ

Арест Ходорковского, главы четвертой нефтяной компании мира и самого богатого человека России, возбудил общественность как в России, так и на Западе. Что там с иностранными инвестициями? Начнут ли отбирать собственность? Означает ли это, что российские реформы кончились? Правда ли, что в Кремле берут верх «силовики» - выходцы из КГБ? Пора ли говорить о «советизации» современной России? Итоги парламентских выборов 2003 г. добавили беспокойства – конституционное большинство пропрезидентской партии, провал либералов, успех умеренных националистов из блока «Родина», отсутствие каких бы то ни было альтернатив на президентских выборах.

Меж тем пора согласиться с утверждениями самого президента Путина, что арест Ходорковского действительно – частный случай - частный в ряду других инцидентов подобного рода, ознаменовавшегося серией «ударов по штабам» того, что именовалось прежде демократической оппозицией, сторонникам реального политического реформирования России.

Огонь, вода и медные трубы

Во второй половине 1990-х российская власть - и шире российская политико-деловая элита - взяла на вооружение старый, но не применявшийся дотоле в брутальном СССР метод. Зачем, собственно, кого-то убивать или гноить в тюрьме, когда можно купить? А необходимые порой «силовые» методы легко маскируются под «споры отечественных субъектов». Да, собственно, сила применяется, как правило, тогда, когда надо понизить цену сделки.

Согласно русской поговорке, настоящая проверка человека (или явления) лежит через «огонь, воду и медные трубы». Для российских демократов двадцать лет назад «огнем» была коммунистическая ортодоксия и тогдашний КГБ, которые не смогли подавить диссидентскую фронду. «Водой» стала «перестройка», где демократы, особенно сильные в крупных городах, смогли взять верх в политической борьбе и провести «почти своего» человека на пост первого лица в стране. Однако испытание «медными трубами» - деньгами, которые обрушились в 1990-е годы на политические круги (включая журналистику и экспертное сообщество), не выдержал почти никто. Не нашлось никаких ценностей, способных компенсировать потрясающий вакуум морали, возникший в обвалившейся империи. Брутальность, цинизм и деньги – знамена российских 1990-х, хотя трудно осуждать людей, которые с открытием границ и появлением западных товаров осознали, насколько они были бедны в эпоху «развитого социализма».

Западные гранты еще на ранней стадии подавили civil society, точнее трансформировали его в сообщество профессиональных НПО, умеющих искать деньги лучше, чем реально работать в помощь кризисным группам. Деньги «новых русских», которые стремительно становились олигархами, уничтожили журналистику, телевидение и экспертное сообщество, превратив «четвертую власть» в источник систематической дезинформации. Ныне серьезные российские газеты не занимаются даже таким жанром, как расследование – настолько он дискредитировал себя в эпоху «информационных войн» 1997-1999 гг. Число же читателей ежедневных политических газет – не более полумиллиона. Мизерное количество для 140 с чем-то миллионной страны.

Гусинский и Березовский, скупившие телевидение и заставившие уважаемых в эпоху перестройки телеведущих едва ли не драться на глазах у зрителей ныне – в политической эмиграции. Но телеведущие – снова в эфире. Им не хочется уходить в пустоту с любимой работы, да и огромные зарплатy им выплачивают новые олигархи. И какая разница что говорить, если интеллектуалы выключат телевизоры, а «простой народ» в провинции верит всему, что говорят «по ящику».

Такой же финт и с политическими партиями. Реальные доходы их руководителей огромны – бизнесмены охотно платят за нужные депутатские запросы в министерства и лоббирование необходимых законов. Реальное влияние на исполнительную власть у депутатов парламента – мизерное. В регионах то же самое. Надежд, что в современной России партии, позиционирующие себя как демократические, всерьез повлияют на политическую ситуацию – никаких. Роль «Яблока» за четыре года путинского правления сводилась к тому, чтобы критиковать Министерство атомной энергии и Чубайса. Роль «СПС» - поставлять предложения и людей для проведения экономических реформ и безуспешно пытаться осуществить военную реформу, над которой смеялись в Министерстве обороны. То, что этих партий не будет представлено в Думе, – вещь обидная, но не принципиальная, что с печалью приходится признать мне – человеку, некогда за СПС голосовавшему.

И гарант Конституции, сам, еще в С.-Петербурге, многократно участвовавший в сомнительных сделках, поднимает палец и, тыча в любого, кто выступает в защиту ли Ходорковского или по иному

другому демократическому поводу говорит: ты куплен, Ходорковский за это заплатил. И что самое печальное, во многих случаях оказывается прав. Люди Ходорковского, организовавшие общественную кампанию в защиту своего босса, пытаются в настоящее время обещать деньги всем, кто готов их слушать. Единственный кандидат в президенты от либералов – Ирина Хакамада – конечно же, строит свою кампанию на деньги соратника Ходорковского – Невзлина.

Ходорковский, равно и как другие олигархи, строил свои корпорации, но не только как бизнес-проекты, а и как системы влияния на власть и общество. Газеты, депутаты, региональные правительства, университеты, рекламные агентства, исследовательские центры покупались на корню и за смешные деньги. Однако, когда «продающиеся» договаривались с покупателем, мало кто реально предполагал, что вместо симпатичного Иван Ивановича, поддерживающего демократический взгляд на мир, может вскоре прийти малосимпатичный Иван Петрович, с государственноческими, а то и с ксенофобскими идеями. И потребует, чтобы трудовой коллектив доставшейся ему организации – «соответствовал». А того, кто откажется – даже не будут увольнять, а просто понизят зарплату в три раза и отправят снимать сюжеты о выставках кошек для эфира в 6.30 утра.

Пример центрального и наиболее либерального телеканала НТВ, в настоящее время воспевающего тоталитарный режим Туркменбаши в угоду своим хозяевам из «Газпрома», никого не научил. Уже в 2003 году компания ЮКОС Ходорковского купила Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Это один из крупнейших московских вузов – возможно, самый либеральный и демократический по своим политическим взглядам. Его ректор – Юрий Афанасьев, политический лидер эпохи перестройки – был фактически удален от дел. Новый ректор – представлявший ЮКОС – продержался на своем посту два месяца, после чего вынужден был срочно эмигрировать в Израиль. Коллектив РГГУ в условиях давления со стороны Министерства образования сумел избрать его преемника, но сделано это было в обстановке, далекой от демократии, главное было – в краткий срок избрать «своего».

Кого не купили, того съели

Лишь немногие структуры могли препятствовать установлению контроля государства (в том числе через полугосударственные компании) над политической жизнью страны. Именно в отношении их чаще всего и разыгрывались «силовые» сценарии. Атака на ЮКОС, который решил самостоятельно «поиграть в политику», и который могли приобрести только иностранцы – находится в ряду других акций, предпринятых за последнее время против тех, кого не купишь.

Самый яркий пример последних месяцев – нападение и изъятие всей документации, в том числе архива, Фонда Сороса в России. Псевдокоммерческая структура, имеющая финансовые претензии к Фонду, совершила нападение на охрану и за ночь вывезла в неизвестном направлении все найденные в помещении бумаги и компьютеры. Фонд уже закрывался – Сорос потерял надежду, что-либо изменить в России. Однако в архиве и в текущей документации находилось досье за 15 лет практически на все организации третьего сектора, действующие в России. Это не только заявки проектов и описания организаций, но и отчеты по выделенным средствам. Как будут использоваться эти бумаги, какие претензии, например, по уплате налогов могут быть предъявлены прокуратурой (не сейчас, так через полгода-год) крупнейшим НПО и в столице и в провинции – не знает никто. Не вызывает сомнения одно: за этой акцией стоит ФСБ. Другой пример – открытие уголовного дела против директора музея А.Д.Сахарова Ю.Самодурова за организацию выставки «Осторожно, религия!». Экспозиция современного искусства была уничтожена православными погромщиками, однако правоохранительные органы, проведя расследование, приняли решение закрыть дело против уничтожителей и заняться расследованием деятельности организаторов выставки.

То, что политический сыск в России возрождается, не вызывает никаких сомнений. До открытой слежки дело пока не доходит, но выражение «нетелефонный разговор» снова стало устойчивым паролем для обсуждения любой политической темы. Западные профессора жалуются, что с российскими коллегами стала весьма затруднительна даже переписка по электронной почте. Серия уголовных дел по обвинению в шпионаже в 2000-2003 гг. напугала многих. Причем, помимо ФСБ и прокуратуры, мыслями граждан заинтересовалось и МВД, где недавно был создан отдел по борьбе с экстремизмом. Ходорковский не является даже первым политзаключенным. В Москве и провинции сейчас сидит уже десяток правозащитников и журналистов, арестованных за последний год по крайне сомнительным обвинениям. Следующим логичным шагом для недовольных станет эмиграция по политическим мотивам десятков, если не сотен людей. Причем миллионеров среди них будет немного.

Даже странно, что праздник демократии (пусть и относительной) продлился в России столь долго. Путин не был худшим персонажем на президентских выборах 2000 г. Подавления демократических свобод со стороны его ближайшего конкурента – мэра Москвы Ю. Лужкова можно было ожидать еще быстрее. Однако впереди у Путина только четыре года, и он еще не решил, уйдет ли в отставку

полный сил, назначит преемника или, быть может, останется. В любом случае этот вопрос ему удобнее решать в одиночку – без реальных политических конкурентов и гласного обсуждения его действий.

Экономика или демократия

Самое печальное, что в этом с ним согласны подавляющее большинство представителей политической и бизнес-элиты. Либералы слишком заняты (и дорожат) экономическими реформами, остальные не ценят демократию как таковую. Реальных конкурентов президенту с 70% рейтингом в настоящее время нет.

При этом все понимают, что новая версия российской власти, основанная на «жестком» президенте, будет стремиться к перераспределению собственности. Если при Ельцине предприниматели отчисляли «процент» сначала мафии, а затем региональным начальникам, то теперь за свою «долю» успешно борются «силовики» - представители правоохранительных органов. Конфискация собственности ЮКОСа (а она на пороге), приведет к тому, что визита к главе региональной компании помощника районного прокурора или младшего лейтенанта областного управления ФСБ будет достаточно для перевода части ее акций в пользу какого-нибудь фонда помощи бывшим военнослужащим.

Однако это отнюдь не означает, что экономическая жизнь остановится. Издержки у бизнеса высоки, но и прибыльных направлений развития (или «тем», на бизнес-сленге) хватает. Экономика без демократии, но с относительно стабильными условиями работы пока их устраивает.

Более того, правительственная (точнее, президентская) пропаганда, в первую очередь телевизионная, всерьез меняет умонастроения. Проимперский синдром все сильнее охватывает политический класс, а этническая ксенофобия, направленная как против мигрантов, так и любых чужаков вовне – низшие классы. Парламентские выборы 2003, где «чистые» националисты (Жириновский и «Родина») в сумме получили больше 20% голосов, отразили путь, который в политическом отношении проделала Россия за 4 года. Несмотря на декларативную «прозападность», точнее «роевропейскость», Россия стала за этот период менее европейским государством, и с Европой ее объединяет разве что бурно расцветший антиамериканизм. Да и «роевропейский» путь остается лишь декларациями, примером чему служит бурная деятельность Рогозина на посту представителя России в разрешении калининградской проблемы. Борьба за безвизовый проезд для российских граждан через территорию присоединяющейся к ЕС Литвы был послан яростный противник «прибалтийского сепаратизма».

Хотя «простому народу» политическая жизнь все более становится «до фонаря». В России сейчас – эпоха накопления капиталов, роста среднего класса, постройки домов и обучения детей. Лучше, чем слушать про выборы (все равно – врут) – смотреть спорт. Лучше, чем мерзнуть на улице с плакатом – сходить в новый супермаркет. Лучше заплатить (если потребует) на улице милиционеру сто рублей – чем попасть в больницу из отделения милиции.

А что до демократии – так этот вопрос будут разрешать подросшие дети, которых будет тошнить от супермаркетов, спорта и пузатых ментов.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ: ЧТО ПРОИСХОДИТ В РОССИИ?

Я хотел, во-первых, сказать, что привез для всех участников экземпляры двух номеров нашего журнала: это 32-й номер, который вышел на этой неделе и особенно интересен тем, что примерно половина этого номера посвящена теме социологии религии и, в первую очередь, православию. В частности, в этом номере представлены авторы, которые участвуют в нашей конференции: Николай Митрохин, Александр Верховский и другие. Кроме того, есть и первый номер за прошедший 2003 год, который я привез, потому что здесь две статьи о Грузии, сопровождаемые довольно подробными биографиями нескольких грузинских интеллектуалов, некоторые из них присутствуют в зале. У меня очень большая просьба, я привез по одному экземпляру на каждого грузинского участника и очень прошу российских участников и авторов этих номеров не брать. Если что останется, я лучше подарю грузинской Национальной библиотеке и другим местным организациям, а вы в Москве все получите. Что касается доклада, я напечатал небольшую сводку о результатах выборов в Государственную Думу и хотел бы представить не столько мой личный доклад, но просто довольно поверхностное видение того, что произошло непосредственно перед выборами, собственно результат выборов. Я постараюсь все это изложить очень коротко, потому что в зале присутствует большое количество аналитиков, и они, наверное, смогут рассказать о многих аспектах гораздо интереснее меня. Я предлагаю это как начало дискуссии.

Парламентские выборы в России в декабре 2003-го года: Интересный вопрос, с моей точки зрения: что вообще отражают эти выборы? Что они нам говорят о российском обществе, российской политической и партийной системе и что не говорят? Если начать с кампании, которая предшествовала выборам, одним из главных итогов является то, что лишний раз подтвердилась абсолютно фундаментальная роль телевидения в российском обществе, и тот факт, что телевидение - практически единственный медиум, который играет объединяющую роль и влияет на все слои российского общества. В этой связи становится особенно важным то, о чем уже говорил Николай Митрохин и все вы знаете: сейчас независимых телеканалов в России не осталось. Единственные два телеканала, которые можно смотреть практически по всей стране, это основные государственные каналы, которые теперь называются «Первый канал» и «Россия». Интересно, что, с одной стороны, проводились на очень многих каналах телевизионные дебаты, — как бы выражение некоторого политического плюрализма, — но с другой стороны, в этих дебатах довольно мало касались сути каких-то политических проблем. В основном, обсуждались личности. И, во-вторых, в дебатах не участвовала основная политическая сила «Единая Россия». Если посмотреть на анализ телевизионного эфира, который как количественно, так и качественно был проведен разными независимыми организациями типа ОБСЕ, то мы увидим, насколько диспропорционально освещалась «Единая Россия»; в частности, представителям «Единой России», которые занимают государственные посты, уделялось больше времени, чем остальным партиям вместе взятым, практически во всех случаях и почти без исключения о них говорилось в положительном ключе. Сравнительно много времени, хотя все равно гораздо меньше, чем полагалось бы по отдельному весу, отводилось Коммунистической партии Российской Федерации, но тут тон освещения был практически отрицательным. Что касается более мелких партий, по тем же результатам, абсолютно отрицательным было освещение «Яблока» и иногда отрицательным, иногда положительным — освещение деятелей, представителей Союза правых сил СПС. И тут совершенно очевиден административный ресурс, который влияет на поведение и роль телевидения как политического фактора, но я думаю, что во многих случаях это и инициатива сходящихся с ними тележурналистов, которые просто понимают, что от них требуется со стороны новой политической власти и вполне готовы этому отвечать. Тем не менее, телевидение не являлось единственным фактором в этой политической кампании. Были некоторые другие способы общения между политическими силами и населением. В частности, если посмотреть плакаты политических партий, то тут тоже вырисовывается довольно интересная картина, потому что некоторые очень мелкие партии были представлены практически повсюду огромным количеством плакатов, что говорит о хорошем финансировании. Можно привести пример партии «За Русь святую», получившую 0,49%, но она была представлена, я сам видел, в очень многих российских регионах, где буквально на каждом углу висели их плакаты, их рекламой было почти полностью заполнено московское метро. То же самое можно сказать и о других, совершенно мелких партиях: «Партия жизни», «Партия двух спикеров» и т. д. Это, с одной стороны, говорит о том, что основная финансовая поддержка таких партий исходит, естественно, не от общества, а от каких-то владельцев финансовых ресурсов. В некоторых случаях можно предполагать, что эти люди связаны с Кремлем, тем более что большей частью партии

открыто выступали в поддержку Путина, даже если они не входили в «Единую Россию»; в основном, это люди, которые говорят, что они согласны с президентом. Но вместе с тем говорят о том, что массированная реклама абсолютно не обеспечивает реальный успех на выборах. Одновременно эта кампания проходила, я бы сказал, в атмосфере страха, потому что предшествовали ей как раз те самые аресты, о которых говорил Николай Митрохин, и кампании против независимых институтов. Это дело Ходорковского, это телевизионные каналы, газеты, РПЦ. Потому теперь практически ни одна крупная или средняя партия открыто не критиковала президента Путина. Даже в выступлении Григория Явлинского слишком явно были видны опасения: каждый раз, когда ему задавали открытые прямые вопросы по согласию или несогласию с президентской политикой, он пытался от этих вопросов уйти. А уж тем более представители Союза правых сил: если они излагали какие-то политические предложения, которые очень резко расходились с нынешней политикой президента, президентской администрации, правительства, то от критики самого президента они воздерживались. А поскольку кампания, пусть даже парламентская, проходила, в основном, вокруг личности президента, была т.н. гонка: кто ярче выразит свою любовь к Путину. Это, конечно, привело к тому, что те, кто автоматически ассоциируются с президентом России, получили гораздо больше процентов. Известно, что Путин несколько раз выражал абсолютно открытую поддержку «Единой России». Он выступал на съезде этой партии, то есть, можно сказать, тот относительный нейтралитет, который он сохранял, еще будучи премьер-министром на выборах в конце 1999-го года, был полностью нарушен.

Теперь о самих выборах. Перед вами их результаты. Существовала ли систематическая фальсификация? Я сам был наблюдателем на выборах в Москве. Наблюдения велись и многими другими представителями разных организаций, результаты обсуждались во время круглых столов и семинаров по этой теме. У меня осталось ощущение того, что систематических фальсификаций в таких масштабах, которые полностью изменили бы результаты, не было. Естественно, происходили громкие случаи, типа Башкирии, где были напечатаны фальшивые бюллетени, были какие-то мелкие нарушения, но в основном то, что я сам лично видел, говорит о том, что те, кто участвовал в проведении выборов, действительно соблюдали демократическую процедуру. Очень много говорилось о том, что офицеры заставляли солдат голосовать, я беседовал с очень многими солдатами: да, действительно, такие случаи были, но в большинстве случаев офицеры просто сгоняли солдат на участок и приказывали голосовать, но не говорили за кого. По крайней мере, не в этот момент. Понятно, что давление оказывалось раньше, и поэтому я думаю, что те результаты, которые мы имеем, естественно, более или менее отражают состояние умов и политическое настроение на момент выборов и в основном, конечно, оказание давления стоит искать в той кампании, которая проводилась при поддержке телевидения, и практически никакого внимания либеральным партиям не уделялось. И это отчасти объясняет поражение.

Если мы проанализируем эти результаты, то увидим, во-первых, что реклама не обязательно равнозначна успеху, то есть реклама должна быть определенного типа и соответствовать ожиданиям населения, сохраняя какие-то черты демократии. Далее: в тех партиях, которые в результате прошли в Думу, могут быть представлены совершенно разные люди. Лучший пример этому — Глазьев, который, как вы знаете, был видным деятелем КПРФ до сравнительно недавнего времени. Значит, в этом же блоке представлены совершенно разные личности, лидеры разных частей русского националистического движения. Стало быть, если говорить о партийной системе, то очевидно, что партийная система в традиционном — западноевропейском — понимании в России очень слаба. Другими словами, не партии выражают или формируют какие-то общественные интересы, а сама партия — это такая достаточно аморфная масса.

Основные итоги выборов — поражение Коммунистической партии Российской Федерации и успех блока «Родина». Это можно трактовать как первый главный результат. Второй — поражение так называемых либеральных партий и, как следствие, то, что получила «Единая Россия» и что иногда называют конституционным большинством, позволяющим при желании менять Конституцию, хотя это не совсем понятно. Вы знаете, что независимый депутат Владимир Рыжков сейчас отправил запрос в Конституционный суд, чтобы узнать, имеет ли право одна партия, даже если у нее есть формально необходимое для этого большинство, без участия других политических сил менять Конституцию.

Если мы попытаемся объяснить эти результаты, то, я думаю, безусловно, в первую очередь надо рассматривать поражение КПРФ. Вы знаете, что КПРФ на каждых думских выборах до сих пор получала все больше и больше голосов, хотя каждый раз была довольно ожесточенная кампания сначала в ельцинское, потом в путинское время против этой партии. Я думаю, что на этот раз успех антикоммунистической кампании связан с тем, что кремлевским технологом удалось, наконец, по крайней мере

во время выборов, создать такое объединение, которое озвучивало главные темы КПРФ. КПРФ в какой-то момент прозевала возможность стать социал-демократической партией. Ее основные

лозунги всегда носили некий националистический оттенок, даже когда говорилось о природной ренте, то есть о реформе в ЖЭКах и т.д. Всегда в этом звучали абсолютно отчетливые националистические и имперские нотки, и именно они были с большим успехом взяты на вооружение разными представителями блока «Родина», которые переманили к себе огромную часть электората КПРФ, и вместе с тем им удалось создать имидж более современной партии.

Что касается либералов, то тут дело обстоит гораздо сложнее. Было очень много разных версий, с чем связано их поражение. В основном, говорилось о том, что либералы не смогли объединиться, то есть главная задача, которая стояла перед партией «Яблоко» и «Союзом правых сил» была в том, чтобы объединиться перед лицом, с одной стороны националистической, с другой стороны, бюрократической авторитарной угрозы. Объединиться им не удалось. И это связано в первую очередь с амбициями лидеров. В основном, вся кампания была посвящена междоусобной войне между верхушками СПС и «Яблока». Наверняка вы слышали о кампании «Яблоко» без Явлинского».

Я склонен придерживаться немного другого мнения, и считаю, что действительно есть и были очень серьезные идеологические различия между этими двумя партиями, и их социальные базы, в общем, разнятся. Если бы эта кампания проходила в несколько иной политической системе, то обе партии имели бы свое вполне законное место в Думе. «Яблоко» — как социал-демократическая партия, представляющая интерес, грубо говоря, обедневшего преподавателя, врача и т.д., СПС — как представитель крупного бизнеса. Но другое дело, что в реальной политической системе России наверняка все обстоит именно так, и в этот момент не стоило создавать какой-то объединенный фронт, и то, что им это не удалось, означает, что партии в том виде, в каком они существуют сейчас, наверное, исчезнут в ближайшие годы.

И еще один итог, о котором говорили некоторые аналитики: то, что на выборах присутствовало и получило если не большой, то все-таки не совсем ничтожный процент довольно внушительное количество мелких партий. Один наш автор говорит о так называемых сетевых партиях и называет партию «Единение» — это такая коалиция сумасшедших. Есть еще две секты — Анастасийцы и Последователи великого предиктора (по-моему, он себя именно так называет). Они издают очень много газет и журналов, эти люди верят в какой-то масонский заговор, считают, что Россия спасет мир путем каких-то мистических операций типа выращивания кедров на всей территории страны и т.д., и т.д. И интересно не то, что они получили половину или один процент, интересно то, что это действительно организации, которые так же, как и средние и крупные партии, представлены практически по всей стране, и им так или иначе удалось поучаствовать в политическом процессе. Очень может быть, что нынешнее разочарование в большой политике и некоторая политическая апатия российского населения приведет, с одной стороны, к укреплению авторитарной власти, которая представляется Путиным и «Единой Россией», а с другой стороны, может быть, приведет к усилению сект и других нетрадиционных организаций, которые тоже надо причислять к гражданскому обществу. Гражданское общество далеко не только сплошные положительные явления или организации, которые создают демократию, позитивно влияют на политические процессы и т.д. Я считаю, что как раз некоторый сектор существующего в России гражданского общества во многом несет ответственность за такой откат в сторону авторитаризма, который мы сейчас наблюдаем.

Ну и если говорить о том, какое государство, какую политическую систему мы имеем теперь в результате этих выборов накануне президентских выборов, можно вспомнить разные классификации, которые использовались западными политологами для описания советской системы. Спорили о том, является ли советская система корпоративной. Можно говорить о том, что есть некоторые элементы какого-то мягкого корпоративизма, но я думаю, что скорее имеет смысл говорить о некоторой разновидности авторитарного режима, который потихоньку складывается, и поскольку этот авторитарный режим складывается не на основе тоталитаризма, как это было после 53-го года в Советском Союзе, а на основе некоторой протодемократической анархии, которую мы имели в 90-ые годы, то наверняка этот авторитаризм будет выглядеть совсем иначе, чем тот, который существовал в постсоветское время. Но тем не менее, все именно так, и мы имеем некую разновидность авторитарной системы, но на которую будут влиять процессы глобализации.

Факт, что Россия сегодня в гораздо большей мере зависит от мировых процессов. Естественно, как только упадут цены на нефть, давление на нынешнюю политическую верхушку будет гораздо больше; я думаю, что это авторитарный режим, но авторитарный режим, который находится под большим давлением и в большей зоне риска, чем авторитарный режим, имевший место в Советском Союзе и в других странах в более ранние периоды.

ДИСКУССИЯ

Вальтер Кауфманн

Спасибо вам за глубокий анализ российских выборов и свой собственный взгляд на то, что происходит на наших глазах.

Прежде чем задавать вопросы, я хотел бы сейчас дать слово для краткого сообщения Григорию Шведову. Дело в том, что, как вы знаете, в России существует круглый стол, клуб или гражданская организация, Народная ассамблея. Этот клуб в прошлые выходные проводил заседание, на котором попытались осмыслить создавшуюся на данный момент ситуацию. Григорий там участвовал в дискуссии, и коротко сообщает нам об этом.

Григорий Шведов

Конечно, мы собирались и обсуждали этот вопрос. Мы четко осознаем, что кризис политической системы в целом в России – это вызов, вызов для гражданских организаций. С этим был связан мой вопрос к докладчикам с грузинской стороны. Роль гражданских организаций у вас сейчас, по-моему, тоже является большим вопросом, а для нас тема участия коалиции гражданских организаций, гражданских лидеров в новой политике, вопрос очень болезненный, именно поэтому для нас очевидно, что целый ряд политических деятелей будет сейчас направлен в гражданское поле, и для нас не совсем ясны ответы на вопрос, какова степень нашего взаимодействия. Уже сейчас такие лидеры, как Хакамада, заявляют о своих президентских амбициях, не забывают подчеркнуть, что хорошо относятся к «Мемориалу» и «Мемориал» их поддерживает, в то время как «Мемориал» ничего подобного не заявлял, и мы понимаем, что сейчас наступил кризисный момент, и мне хотелось сказать два слова о деле Ходорковского.

Для нас очевидно, что Ходорковский — это не невинная жертва, но также ясно, что он представлял независимый бизнес, который хотел быть прозрачным и становился прозрачным, социально ответственным, а становясь им, он уже автоматически выходил из схемы, в которой существует весь олигархический бизнес в России. Эта схема и формирование черной кассы вокруг Администрации президента, откуда финансируется большое количество кампаний и не только предвыборных, о которых говорил Михаил, но и много других кампаний, проходящих в России. Для нас ясно, что Ходорковский и та компания, которую он возглавлял, была пионером в выстраивании диалога с обществом, при поддержке гражданских организаций, и несомненно, что развитие независимого бизнеса напрямую связано с развитием гражданского общества в России. Все это мы понимаем и понимаем также, что Ходорковский — это не фигура невинной жертвы, которая пострадала случайно, но осознаем и политические амбиции этого лидера. Как любой бизнесмен, он злоупотреблял законом, правда, подобным образом, как Ходорковского, можно посадить порядка несколько миллионов человек. Вот это наша организация и обсуждала очень активно. Нас пугает избирательное применение права, нас пугает, когда лидер государства заявляет о том, что не будет пересмотра приватизаций, но и говорит, что все ответят по закону, потому что, к сожалению, в России отвечать по закону означает массовые репрессии.

Поэтому перед нами стоит очень большой вопрос, а мне лично было бы важно знать позицию грузинских представителей гражданского общества: как вы оцениваете реакцию по делу Ходорковского? Народная ассамблея (а это организация, в которую входят лидеры крупнейших гражданских союзов и сетей) заявляет об активной позиции. Вместе с этим формируются периодические издания, трижды в неделю выходит «Дайджест» — электронное издание, посвященное делу Ходорковского, формируется фонд, который связан с защитой прав жертв генеральной прокуратуры — по существу, нового репрессивного органа в стране. Но вопрос участия в предвыборных программах, в открытой политической борьбе, очевидно, не поставлен сегодня перед гражданскими союзами, он не решен и, конечно, для нас очень важно понять, что сегодня созданы все инструменты для того, чтобы Россия стала более авторитарным государством, для того, чтобы путь реформ окончательно был перечеркнут. Сегодня даже были выступления аккредитованных от правительства представителей в Государственной Думе, которые просто сказали, что теперь парламент не будет писать законы. Законы теперь будут готовиться в правительстве. Даже на уровне риторики есть такое базовое непонимание важности демократических институтов, и главный вызов – собственно участие гражданских организаций. Вот такой вопрос поднимался в этой организации.

А что будет после выборов в Грузии? В выступлении докладчиков звучала следующая мысль: что есть позитивный результат, но не надо переоценивать эту первую ступень, и предстоит еще длинный путь.

Для нас было бы очень важно видеть, какие выборы проходят у вас, потому что в России гораздо меньше возможности, несмотря на то, что был создан достаточно мощный ресурс, и мы ведем достаточно активную деятельность. Мы очень внимательно следим за опытом наших южнокавказских коллег, например, за проведением гражданского форума в Азербайджане. Анализ этого опыта позволил нам скорректировать наши отношения к гражданскому форуму, который организовывался еще 7 лет назад в Москве и был призван достичь тех же результатов, что и гражданский форум в Баку. Для нас очень важно сейчас увидеть возможность влияния, возможность работы гражданского сектора, остающегося гражданским сектором, не уходящего в лице своих лучших представителей во власть, потому что мы понимаем, что у нас сейчас значительно меньше возможностей влиять на общество, чем было раньше, и мы уже не можем воспользоваться целым рядом технологий, которые здесь были задействованы. Поэтому мне хотелось просто заострить внимание на том, что говорили Михаил и Николай. Этот вопрос безумно важен для нас, представителей гражданских организаций, которые по существу сейчас находятся в состоянии, когда нужно просто создавать и разрабатывать новые стратегии. Мы понимаем, что может быть очень полезен опыт наших коллег, которые находятся здесь и активно вовлечены в политический процесс, и могут поделиться с нами своим видением ситуации. Спасибо.

Отец Иннокентий

Я думаю, наши грузинские коллеги знают такой термин в современной российской политологии, как «административный ресурс». Я думаю, что они знают его и по своему собственному опыту в Грузии. Так вот, административный ресурс на выборах обычно всегда в пределах где-то пятнадцати процентов и очевидно, что на этих выборах он был задействован, и вот сейчас коммунисты вели альтернативный подсчет и выявили то, что «Единству» было что-то подкинуто, у СПС, «Яблока» и коммунистов было что-то отнято. Другое дело, что в разных регионах было по-разному. Понятно, что в Москве так не «порезвишься», как в Башкирии или в Татарстане, но это было.

Еще один интересный вопрос: а что же представляет собой путинский режим? Я прочел в журнале «Власть» статью, где дается историческая аналогия. В свое время отечественные политехнологи хотели создать Путину имидж русского Бонапарта. Ну понятно: после проворовавшейся директории пришел Наполеон и всю собственность, кто что там ухватил, оставил, но безобразие прекратил. На самом деле, Путин - это не российский Бонапарт, это российский Гитлер, но не в плане идеологии национал-социализма, а в плане экономической политики, и вот как раз эта статья в журнале очень четко показывает, что сделал Гитлер в 33-ем году. Он тоже посадил ряд видных немецких бизнесменов с формулировкой за экономический эгоизм. Вот что говорили о его соратнике: собственность есть привилегия, которую государство дает для того, чтобы ее использовали на благо государства.

Теперь относительно перспектив. Понятно, что будут усилия с авторитарной тенденцией, но, конечно, они ограничены двумя моментами. Как сказал господин Габович, когда упадут цены на нефть, это не будет коллапсом российской экономики, но есть еще один очень интересный момент: Россия - это страна отложенных технологических катастроф, потому что когда проводилась индустриализация, думали, что это строится на века, а извоз основных фондов уже совершенно жуткий и вот, пожалуйста — город Владивосток сидит без воды. В любой момент в таком же положении может оказаться Санкт-Петербург. Что-то прогнозировать трудно и нельзя исключить, что, так сказать, до второго срока Путин может и не дотянуть, потому что он не справится с ситуацией в стране.

Ивлиан Хаиндрава

У меня есть вопрос к господину Габовичу. Анализируя результаты выборов, вы сказали, что неудачу коммунистов и успех «Родины» можно как-то рассматривать в связке. То ли в одном аспекте: так сказать, качели - и все. У меня было несколько иное впечатление, и мне представлялось, что успех «Единой России» и неудачу коммунистов можно рассматривать в одной связке, потому что, это опять же мое мнение, на внешний взгляд представляется очевидным, что в каком-то плане «Единая Россия» выступила в роли коммунистической партии зюгановского толка. «Единая Россия» предстала в виде правящей организации 70-80-ых годов, когда в Советском Союзе Компартия была уже в значительной степени де-идеологизирована, и где на массовом уровне коммунистические идеалы были уже забыты. Причем, может быть, даже чуть-чуть более успешная организация, чем коммунисты застойных времен, потому что какое-то учение, видимо, в России действительно есть, и на этом фоне Зюганов просто потерял всяческую функцию, хотя и сохранил какую-то часть преданного электората. Все остальные или просто отказались от голосования, или ушли, увидев нечто похожее, знакомое, так

сказать, мирно застойное, патриархальное, лишенное проблем и т.д. То есть просто сняли с себя всякую ответственность. Хотелось бы услышать ваш комментарий.

Вальтер Кауфманн

У меня вопрос к грузинским и российским участникам: не кажется ли вам, что часть этой беды в России связана с тем, что политика слишком централизована и все гражданское общество сосредоточено только на центральном уровне власти? Таким образом, все партии, структурированные сверху, а не снизу, структурированы с центром. Есть ли возможность рассредоточить эту структуру хотя бы на муниципальном уровне? Это довольно понятно, но долгосрочно, может быть, все-таки удастся укрепить связи с муниципалитетом и с местными структурами и действительно захватить, так сказать, повысить интересы людей на местах? Может получиться другая картина, и в принципе такой же вопрос к грузинам: какие есть шансы децентрализовать политику и сделать ее более доступной людям?

Леван Абашидзе

У меня вопрос к господину Митрохину. В конце вашего очень интересного доклада вы сказали что перспективы не очень радужные, но для среднего класса, который не интересуется политикой, ситуация благоприятная, рано или поздно, наверно, средний класс со своими интересами вступит в противоречие с авторитаризмом. Возьмем хотя бы такую мелочь, как независимая судебная система. Нужна ли она среднему классу?

Либо остается независимая судебная система, которая на среднем уровне не особенно политизирована, либо я не знаю...

Давид Дарчиашвили

Можно ли сказать, что все те нечистоплотные методы, благодаря которым богатели российские олигархи, хотя бы отчасти являются виной неправительственного сектора?

Вальтер Кауфманн

Я предлагаю сначала ответить, а потом посмотрим, есть ли дополнительные вопросы.

Михаил Габович

«Единая Россия» играет или пытается играть ту роль, которую играла руководящая и направляющая Компартия в 70-е годы, и мы видим, что некоторые исторические инстинкты и рефлексyы либо возвращаются, либо они никуда не исчезали. Практически вся элита, как политическая, так и культурно-телевизионная, грубо говоря, сразу устремилась в ряды «Единой России», это говорит о многом, но если говорить о Коммунистической партии разлива 90-ых годов и до начала 2000-го, то это, конечно, совсем другая организация. Я думаю, что нарастание национализма, которое произошло не только в идеологии коммунистической партии, но и в общественной дискуссии вообще, начиная с середины 90-х годов, было подхвачено отчасти и «Единой Россией», может быть, во второй половине ельцинского режима. Но в первую очередь наиболее явно - именно блоком «Родина» на этих выборах, и то, что Коммунистическая партия, и в первую очередь Зюганов, сделали такой выбор: националистическое крыло подмяло под себя Коммунистическую партию РФ - это, конечно, привело, к очень большой живучести националистических идей.

И вместе с тем, это заведомо означало что Компартия, скорее всего, не сохранится в нынешнем облике, потому что она, с одной стороны, многими ассоциировалась с коммунистическим прошлым, и на этом была построена вся ельцинская кампания 96-го года, а с другой стороны, по своей идеологии она все эти годы являлась национальной партией. Что касается централизации политики и муниципалитетов, я тут настроен очень скептически, потому что в России, как вы знаете, муниципалитеты вообще никакой роли не играли и не играют, в частности, после реформы. Поэтому, чтобы гражданские организации гражданского общества могли что-либо сделать на муниципальном уровне, надо хоть что-то решать на муниципальном уровне. Да, если мы возьмем любую страну, где гражданское общество имеет сильные корни на муниципальном уровне, как, например, в Германии, там это связано с тем, что на муниципальном, на земельном уровне и т. д. принимаются действительно очень многие реальные решения. А когда мы имеем ситуацию вроде российской, когда все принципиально важные решения - особенно после путинской рецентрализации - принимаются именно на уровне Москвы, то этот идеал сейчас практически недостижим.

Кратко я бы хотел сказать два слова по вопросу, который был адресован к Николаю Митрохину. Я уверен, что такой взгляд на средний класс полностью адекватен тому, что сейчас происходит в российском обществе, то есть, несомненно, возрождается или зарождается некоторая новая прослойка людей. Особенно, конечно, в Москве и в гораздо меньшем объеме в других больших городах. Такой класс действительно заинтересован в независимой судебной власти. Я не уверен, что это средний класс, и тем более не уверен в том, что этот средний класс подобен тому среднему классу, который существует сегодня в Северной Америке и в Западной Европе, потому что этот средний класс уже не похож на тот, который в этих же странах существовал 30, 40, 50 лет назад, то есть он очень сильно изменился под влиянием глобализации. Сегодняшний представитель среднего класса во Франции, или в Испании, или в Канаде, это человек, который нормально чувствует себя в глобализованном мире, у которого имеется сеть контактов в разных странах, то есть он уже новый образец среднего класса. Если даже в России и возникает что-то отдаленно напоминающее средний класс, например, в Америке после Великой депрессии, это не означает, что он будет нести ту же самую политическую функцию. Да, в частности, все происходит в стране сильно провинциализирующейся, которая практически отрезала себя от основных мировых процессов, а без взаимодействия с ними практически невозможно сегодня построить гражданское общество или демократическую систему современного типа. Относительно того, что гражданские организации сами навели на себя удар, дали возможность Путину осуществить задуманное... Последнее время вошло в моду такое понятие, как «unstable society». Я думаю, что это не очень удачный термин, но он выражает следующую мысль: достаточно большой сектор гражданского общества вовсе не поддерживает демократические реформы, являясь как бы самоорганизацией, но созданной не в целях усиления, укрепления демократии, и, несомненно, подобным фактором также обусловлено то, что произошло в России. Сколько в России организаций националистических, помимо собственно политических, да сколько всяких объединений за спасение национальных традиций, которые реально занимаются разрушением того, что раньше понимали под гражданским обществом?!

То же самое можно сказать и о бизнесе. Как бизнес вел себя на протяжении 90-х годов, свидетельствует о том, что это, конечно, не тот бизнес, который является частью позитивного гражданского общества и строит демократию. Что в этой ситуации делать, не знаю, это скорее вопрос к Григорию Шведову.

Николай Митрохин

Российский средний класс - это не средний класс в европейском понимании, но, тем не менее, как-то нужно обозначить группу людей, которые не все свои доходы тратят на покупку продовольствия, минимального набора одежды и имеют возможность отдыхать за рубежом. Это число людей, превышающее несколько миллионов. Они владеют какой-то собственностью или копят деньги для того, чтобы купить собственность. По всей стране распространяются банковские кредитные карточки, растут показатели общества потребления и, соответственно, на мой взгляд, среднего класса в России, как, например, «Макдональдс», супермаркеты и прочее. Практически ежедневно появляется в газетах информация об открытии подобных мест, где традиционный средний класс тусуется.

А если затронуть тему судебной системы, то я не говорил в своем выступлении, что мы возвращаемся в советское прошлое, когда абсолютно все было подавлено, находилось под жестким единым контролем, нет, конечно, у нас там вполне может быть сюжет, который разыгрывался на прошлой неделе, что интернаты, передаваемые Министерству обороны, объявили голодовку. Сюжет показали даже по телевидению, туда даже приехала правительственная комиссия. В результате детский дом решили сохранить, а Министерство обороны отступило. Но Министерство обороны не является таким сверхвлиятельным ведомством, которое реально могло бы полностью решить эти проблемы без общественного сопротивления. Если бы этот детский дом передавали бы управлению ФСБ или Администрации президента, как было с некоторыми зданиями в российской провинции, тогда бы там тихо все как-то решили, и никто бы ничего не узнал.

То же самое касается судебной системы. С одной стороны, судебная система коррумпирована, и некоторые вопросы решаются просто с помощью взятки, с другой стороны, созданся какой-то институт, более или менее независимая адвокатура, которая может использовать судебную систему для принятия решений, я не говорю правильных, но таких, которые признаются обеими сторонами, и судебная система в принципе работает. Хотя в случаях политической важности или еще в каких-то случаях она может принимать неправовое решение, то есть не существует системы тотального противостояния между обществом и властью. Власть контролирует те пункты, которые считает ключевыми. А не в ключевых пунктах, под видом Конституционного суда могут быть приняты решения, которые в принципе власть не устраивают. Принятие таких решений допускает активное противодействие.

А что касается вопроса об олигархах и гражданском обществе, то я склонен считать, к сожалению, что гражданское общество в России в целом не состоялось. В России оно росло не снизу, а сверху. В Европе или США гражданское общество выросло из групп самопомощи, самоорганизации, члены которых готовы были в свободное от своих занятий время что-то полезное вместе, сообща сделать для себя или для окружающих, для города, для страны. И потом когда проходил некоторый этап и они уже не могли все свое время посвящать этому, они искали средства для реализации каких-то проектов. Но это не было основным условием их деятельности. К сожалению, российское гражданское общество очень быстро перешло от таких альтруистических движений конца 80-х-начала 90-х, к этапу профессионализации деятельности, и в этом отношении западная фондовая политика и российское налоговое законодательство с обеих сторон сыграли свою роль в уничтожении реального гражданского общества в России. Сейчас активист гражданского общества - это человек, который бегаёт по фондам, пишет заявки, и, найдя деньги, набирает штат и начинает проект, хотя, на мой взгляд, это должно быть не так. И в этом отношении плоды деятельности Ходорковского и других олигархов напоминают ситуацию противоположную мифологической, ибо если царь Мидас превращал в золото все, к чему только ни прикасался, у таких персонажей все, к чему они прикасаются, превращается в предмет других качественных свойств. Это началось со средств массовой информации, которые первыми были поставлены под контроль, в общем, не государства, а собственно олигархии и тем самым полностью дискредитировали себя в России. В период с 1994-го по 1999-й год СМИ были тотально скуплены металлургическими и нефтяными компаниями, потом их использовали в политических целях для сведения счетов между группировками. Когда в 1999-ом году и до 2000-го года власть начала ставить все под свой контроль, защитников не оказалось, потому что народ считал, что журналисты врут, и это было правдой.

Теперь о налогах. Российская налоговая система ужасна. По российскому налоговому законодательству, когда сотрудник едет в регион, он не может нанять такси, так как чеки такси не принимаются. Это самый яркий пример. Соответственно, существует масса кошмарных ограничений, особенно по сравнению с западной практикой. Предприниматель среднего уровня не может пожертвовать 1000 долларов, положив их на счет, это надо оформить с таким количеством бумаг, что получается дороже. Потому вся российская система отношения с деньгами и с государством должна легко обходить эти запреты. Спасибо.

Вальтер Кауфманн

Сейчас Ивлиан Хаиндрава хотел бы сделать свой комментарий.

Ивлиан Хаиндрава

Мне запомнилось одно словосочетание у первого докладчика: гражданское общество оказалось в «возмущенном спокойствии», — такая у вас была фраза, и мне сразу захотелось увидеть поле, на котором произошло это возмущенное спокойствие, и понять, в чем же оно выразилось. И в случае с Россией мне показалось достаточно сложно это увидеть, потому что касательно того же дела Ходорковского, я гораздо чаще наблюдал возмущение в различных кругах на Западе. В чем собственно само возмущение в России? Опять же, это взгляд извне и, может быть, он неправомерен в данной ситуации. И все-таки хочется сказать вот о чем: несмотря на большую разницу между нашими государствами, все эти постсоветские страны находятся в состоянии разбегания или убегания друг от друга.

Нодар Ладария

НЕСКОЛЬКО РАЗРОЗНЕННЫХ МЫСЛЕЙ О МЕСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОБЩЕСТВЕ НА ФОНЕ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Ad finem vitam suam theologus pravoslavus factus est.
(К концу жизни сделался православным богословом)
Учебник по истории восточного богословия об Алексее Хомякове.*

Настоящий текст не может претендовать на сколько-нибудь серьезное изложение поставленного в заглавии вопроса. Но с самого начала, очевидно, что этот вопрос можно разделить на две части:

- 1) *как осознается место православной церкви в обществе самим обществом?*
- 2) *какое место с точки зрения беспристрастного наблюдателя занимает в обществе православная церковь?*

Конечно же, необходимо оговориться, что беспристрастного наблюдателя в природе не существует, и под этим словосочетанием мы подразумеваем наблюдателя, который считает, что не разделяет или, по крайней мере, способен рефлексировать наиболее распространенную в социуме мифологию.

Первый вопрос тоже можно разделить на две части, ибо реальность отражается как формализовано, так и спонтанно. Наиболее формализованным осознанием реальности будем считать законодательные тексты, не забывая о том, что в нашу компетенцию не может входить их рассмотрение с юридической точки зрения. Поэтому ограничимся наиболее общим примером.

В статье Девятой Конституции Грузии сказано, что государство признает особую роль Грузинской Православной Церкви в истории Грузии. Признаваемый факт является метаюридическим. Подобные заявления общего характера возможны, например, в преамбуле. Именно по этой причине указанная фраза не вызывает тревоги даже у западных экспертов. В личном разговоре со мной апостольский нунций на Южном Кавказе, архиепископ Цурбринген спокойно заметил, что государство может признавать, что хочет. Это спокойствие присуще человеку, выросшему в обществе, где формальное и неформальное, юридическое и метаюридическое четко разделены между собой, и никому не придет в голову придавать подобным общим заявлениям законодательный смысл.

Но наше общество организовано хоть и по-иному, но все-таки иным образом. Поясним на примере.

Папа Геласий в послании императору Феодосию, которое датируется 494 годом, писал, что «этот мир... в основном, упорядочивается двумя началами: священной властью (auctoritas) понтификов и властью (potestas) царской». Аналогичный пример можно привести из Жития Св. Григория Ханцтийского, основоположника киновиального монашества в южной Грузии в X веке. В Житии рассказывается, что монах Савва, которого царь Баграт упрекнул в опоздании, ответил ему, что царь есть владыка смертных, преходящих вещей, тогда как сам Савва, прежде всего, подчиняется Христу, владыке вечному и бессмертному. Как видим, папа Геласий и монах Савва выразили одну и ту же идею. Но есть существенная разница. На латинском языке понятие власти передается двумя разными терминами: potestas, когда речь идет о царской власти, и auctoritas, когда речь идет о власти церковной. Здесь не место разбираться в тонкостях этой дихотомии, отметим только, что она есть и она сформулирована на терминологическом уровне. Подкрепленная внутренней природой языка жесткая терминологическая структура позволяет свободно менять ее участников, наполнять ее новым содержанием и легко перемещать по практически любым семантическим полям. С некоторой не очень малой долей уверенности можно утверждать, что из этой зачаточной структуры, путем сложных исторических и культурных процессов, вытекла идея о разделении власти и множество других принципов, на которых зиждется современное общественное устройство. Что же касается эпизода с монахом Саввой, он не поддается никаким структурным преобразованиям, его невозможно обработать в перегонном кубе цивилизационного процесса, он никогда не сможет порвать путы окружающей его конкретной действительности и обречен вечно соотноситься с неизменными протagonистами — царем Баграта и монахом Саввой. Единственное, что остается из этой истории, это невнятное эмоциональное переживание, что церковь является чем-то несравненно более значительным, чем любая мирская власть...

Таким образом, мы установили, что одним из основных способов осознания церкви в нашем обществе является осознание ее в контексте прошлого, восприятие ее как некоего связующего звена, на котором держится ни много ни мало сама идентичность нации. Но здесь трудности только начинаются. Эмоциональный комплекс, связанный с «исторической ролью церкви» в Грузии, взят на вооружение не только Патриархией, но и политическими силами. В этом русская реальность путинского периода не очень отличается от грузинской. Можно вспомнить, например, выступление Патриарха Алексия Второго перед самарской общественностью 11 декабря 1999 года: «Часто

раздаются голоса, что нам нужно найти национальную идею. И ищут национальную идею где-то за океаном или в Западной Европе. Но я убежден, что наша национальная идея — в трудном, но славном прошлом, в том, что пережила Россия за тысячелетний период своей истории. Важно вернуться к тем основам жизни, которыми жил наш народ, будучи народом-богоносцем, верующим, нравственно чистым».

Этот голос звучит почти в унисон нашими грузинскими настроениями. Но отметим также и различия. В этом смысле, можно прибегнуть к одному набившему оскомину стереотипу. Как известно, в русской истории четко выделяются три условных периода — киевский, московский и петербургский. Исходя из этого, как историки, так и публицисты тоже делятся на три основных типа: классификация внешней реальности всегда означает выбор места для себя самого. Для Грузии же не существует возможности классифицировать прошлое: оно должно быть единым, в этом его главное достоинство. Своей цельностью (которая не может иметь ничего общего с научной точкой зрения) прошлое контрастирует с пугающим разнообразием настоящего и становится выдвинутым вперед идеалом. Об этом свидетельствуют и известные лозунги «вперед к Давиду Строителю», «вперед к Илье Чавчавадзе». В этом усматривается известная парадигма всех церковных реформ: возвращение *ad vere vitam apostolicam* — к истинно апостольской жизни. Эта парадигма в Грузии представлена гораздо более сильно, чем в России. Если простой российский интеллигент еще может при случае неуместно съязвить и вспомнить, как вешали трехлетнего сына Марины Мнишек не без влияния письменного воззвания канонизированного Патриарха Гермогена («Маринкина нам не надобно!»), то в Грузии не только простому интеллигенту, но и профессиональному историку невозможно без внутреннего содрогания цитировать слова кахетинского царя Александра («хоть бы персы Кахетию разграбили, а то так люди расплодились, что не осталось мне охотничьих угодий»). Множественность исторических ситуаций, и, следовательно, множественность функций, которые в прошлом могла брать на себя церковь, сведена к одной функции и одной роли, которая характеризуется одним единственным словом — «важная».

По этой причине историческая ретроспектива теряет свои законы и пропорции, прошлое буквально стучится в дверь, и в учебниках по экономике, изданных Тбилисским государственным университетом, можно встретить сетование о том, что в эпоху царицы Тамары Грузия питалась собственным хлебом, тогда как в наши дни вынуждена завозить зерно. А в университетском учебнике географии без тени иронии (иронии вообще нет места в столь серьезном издании), наша страна названа уделом Пресвятой Богородицы. Можно сказать, что в Грузии самым дешевым и распространенным материалом для построения разнообразных дискурсов является сусальное золото.

Прошлое присутствует и в иных, более скрытых и не менее значимых формах. Всем ясно, что истории православия неизвестен процесс постепенной, плавной секуляризации. Отношения церкви и мира развивались в восточном крыле христианства весьма ухабисто. При этом то, что на Западе было двумя четко разделенными мечами, на Востоке оборачивалось просто палкой о двух концах. Такая же история и с гонениями на церковь в течение советского периода. Если запрещение на социальное служение было одним из самых тяжких ограничений, наложенных на церковь, то можно сказать, что по причине этого ограничения духовенство сохранило присущее ему от века классовое сознание. Оно, как пробужденная поцелуем горбачевской перестройки Спящая красавица, принесло с собой и неясное, призрачное чувство средневекового мироустройства: духовенство должно быть отдельным сословием. К этому характерному обстоятельству мы еще вернемся несколько позже.

Теперь более подробно очертим тот тематический круг, внутри которого вращается сегодняшняя проповедь Грузинской Православной Церкви:

1. Основной составляющей церковного дискурса является религиозный национализм («Грузия воссияет», «Грузия — удел Пресвятой Богородицы», «Грузин и православный — одно и то же»). Эта риторика представляет собой беспорядочную смесь богословской и националистической лексики, она совершенно безответственно слагается из случайных элементов и совершенно некритично принимается населением. Иногда православный пафос достигает предела комичности, а вернее, черного юмора: «Какое счастье, что день падения Сухуми совпал со светлым праздником Воздвижения Честного Креста».

Можно сказать, что корни подобного мироощущения кроются в особенностях преподавания родной литературы в средних школах. За годы советской власти этот предмет представлял собой практически единственную базу для систематической трансляции национальной идентичности из поколения в поколение. Таким образом, мысль Шлегеля о том, что филология есть инструмент, который воспитывает критические наклонности человека, была совершенно забыта. Более того, совершенно забыт тот факт, что литература является искусством, и преподавание ее невозможно без разъяснения эстетических принципов. Литература преподается как руководство по любви к Родине. С молодых ногтей прививается некритическое отношение к текстам: каждый автор выступает лишь как

свидетель собственного патриотизма, и учащиеся в большинстве случаев не способны уловить стилистические и культурные отличия в различных текстах. Эта неспособность, соединенная с восприятием литературного канона как списка авторитетов, самым плачевным образом сказывается позже в самых разнообразных ситуациях.

Сознание православного неофита оказывается идеально подготовленным к незамысловатой идеологической обработке. Достаточно назвать ему несколько авторитетов, несколько основных понятий, чтобы по образу и подобию полученной в средней школе национальной идентичности сформировать такое же примитивное, но на редкость живучее ощущение идентичности православной.

2. Для придания религиозно-националистическому дискурсу большей эффективности, задействованы охранительные тенденции. Это естественно, ибо когда с чем-то борются, значит бороться стоит, тем более что для разрушения грузинского православия явно и тайно восстал весь мир. Помню, когда 14 лет назад я учился в Тбилисской духовной академии, по четвергам происходили собрания, на которых обличались экуменисты, либералы, масоны, гуманисты и прочие враги святого православия. По форме все это очень напоминало пятиминутки ненависти, описанные Джорджем Оруэллом, разве что продолжалось дольше. Сегодня подобные настроения зашли очень далеко и прочно укоренились в сознании и лексиконе многих депутатов Парламента.

Для насаждения подобных взглядов в Грузии нет необходимости создавать такие пространные тексты, как романы Климова, или научные трактаты Дугина. Достаточно иметь небольшой, в десять страниц текст, на котором для большей действенности следует сделать приписку: «Не для печати». Эта приписка и соответствующий ей «интимный» канал распространения создает подходящую атмосферу для полной рецепции любых неаргументированных высказываний. Таким текстом является обзор, написанный сотрудником пресс-центра Грузинской патриархии Георгием Цховребадзе, переходящий из рук в руки под прямолинейным и непритязательным заглавием: «Борьба против православия — заказчики и исполнители». Нет необходимости приводить цитаты из этого опуса: здесь мы встретим весь джентльменский набор отечественного православия — Бжезинский, Хантингтон, Сорос и даже «еврейка Мадлен Олбрайт». Сама риторика текста и его содержание не вытекают естественным образом из чисто грузинских реалий, здесь явно прослеживается «российский след». В качестве результата подобных тенденций можно привести следующее весьма распространенное в среде верующей молодежи логическое заключение: «Американцы в церквах крестят собак, следовательно, Россия лучше». Я намеренно не поставил слово «логическое» в кавычки, ибо по законам логики из ложной посылки может вытекать любое следствие. Но в море человеческих страстей, обычного контекста любых наших высказываний, кроме формальной логики необходимо учитывать еще и интенцию говорящего. Конечно же, говорящим здесь не является какой-нибудь студент юрфака — он, скорее, играет роль неграмотного переписчика, весьма распространенной в истории восточного христианства фигуры. Говорящий, или если продолжить историческую параллель уже в латинском культурном ареале, диктатор здесь некто другой, например, круг лиц, которым чисто служебные обязанности велят контролировать настроение населения Грузии и направлять его в определенном русле.

Эти настроения в среде молодежи превратили часть грузинских студентов в послушный инструмент в руках националистических кругов духовенства, когда несколько сотен молодых людей в сентябре 2003 года воспрепятствовали подписанию формального договора между Грузией и Святым Престолом. Тогда студенты несли весьма знаменательный транспарант: «Грузия без Ватикана!».

3. Для проведения в жизнь религиозно-националистического дискурса необходимо владение самыми элементарными механизмами контроля. Действие этих механизмов ощущается как в отдельных приходских церквях («Собираете чемоданы и уезжаете в отпуск?! — Без моего благословения и никуда не уедете!» — отрывок из воскресной проповеди в новооткрытом храме в одном из районов Тбилиси), так и в общенациональном масштабе (кампания против учреждения в школах предмета «сексуальное воспитание», цензура на рекламу, которую установила государственная антимонополистическая служба по неофициальной просьбе Патриархии, обструкция некоторых театральных представлений и т. д.).

Рассмотрим оба этих механизма по отдельности. Основой для действия частного контроля является институт духовников. Это монастырское установление странным образом вступило в симбиоз с распространенными в Тбилиси снобистскими тенденциями: иметь духовника на некотором этапе нашей истории стало престижным. Возможно, в настоящий момент эта престижность несколько ослабла, но это скорее можно отнести за счет слишком широкой распространенности института. Ощущение элитарности всегда связано только с редкими вещами, а когда речь идет о механизмах всеобщего контроля, элитарность можно рассматривать лишь как вспомогательное средство при внедрении того или иного установления. Вспомогательными средствами нужно легко жертвовать, иначе успеху не бывать.

Если сейчас тбилисские снобы лишь снисходительно посмеиваются над духовными отцами и их чадом, это не мешает успешному функционированию контроля, а лишь усиливает его. В этом смысле уже значительным представляется то обстоятельство, на которое указал мне Лаша Тугуши, тогда еще редактор весьма популярной в Грузии ежедневной газеты «Резонанс»: «Я не могу свободно говорить о существующих в церкви проблемах, потому что у большинства моих коллег имеется духовник; они, как сами говорят, соблазняются».

Духовники агитировали граждан не являться на парламентские и президентские выборы, говоря, что маркирование избирателей противоречит принципам православной веры. Это происходило вопреки официальным заявлениям Патриархии.

Что касается общих методов контроля, они основываются на антикультурных настроениях, проповедуемых церковью. Эта проповедь сама имеет своим основанием один знаменательный текст архимандрита Рафаила Карелина «Скрытый демонизм», который можно найти в Интернете. По существу этот текст лишь продолжение, даже доведение до абсурда писаний Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадтского и других представителей охранительной синодальной традиции. По форме же он является совершенно неприкрытой и неаргументированной бранью:

«Гуманизм, как будто бы призванный утвердить достоинство и свободу человека, на самом деле опозорил его».

«Нет ничего святого и ничто не должно быть свято! — вот девиз Фрейда и его многочисленных учеников, которые, по сути дела, оккупировали и демонизировали современную психологию».

«Философия не дала ни одного (!) ортодоксального православного философа. А те мыслители, которые считали себя православными или хотели быть таковыми... находились под влиянием платоно-гегелевской философии, и сделали они для Православия больше зла, нежели добра».

«Дарвинизм уничтожил уважение к человеческой личности, как образу Божию. Он уничтожил уважение к самому феномену жизни, представив историю земли перманентной бойней. Для дарвинизма современное поколение стоит на ступенях лестницы, сложенной из костей и черепов «человекоподобных» зверей, и само оно также должно стать «удобрением», вроде навоза, для будущих, более совершенных, всходов человечества».

«Такие развратные до мозга костей люди, как Гете, Байрон, объявляются «цветом» человечества, а их демонические писания — эталоном прекрасного. Можно ли сказать, положила руку на сердце, что среди великих писателей больше порядочных и скромных людей, чем растленных и порочных, ищущих в пороке вдохновение?».

«В театре собрано все самое отрицательное, что только имеется в каждом виде искусства... будущий священник не должен брать в жены артистку, хотя бы она была девушкой, потому что сохранять внутреннюю чистоту, исполняя роль Клеопатры или Мессалины, невозможно».

В согласии с приведенными здесь идеями о. Рафаила, организация «Союз православных родителей» назвал книгу по сексуальному воспитанию подростков, выпущенную издательством «Диоген», «инструментом нравственного геноцида грузинского народа», а британский театр, привезший в Тбилиси инсценировку сонетов Шекспира, вынужден был раньше времени закончить гастроль из-за кампании, устроенной против него пресс-центром Патриархии.

4. Для материальной поддержки религиозно-националистического дискурса православная церковь периодически поднимает вопрос о реституции материальных и культурных ценностей.

В этом пункте наиболее ярко проявилось уже упомянутое мной стремление духовенства быть отдельным общественным классом. Может быть, за время работы нашей совместной конференции мы не раз коснемся этой тематики, но мне бы хотелось обратить внимание на одну особенность. Именно это стремление к особому месту в обществе придает современному грузинскому духовенству свойство беспринципности. Слова ап. Павла о том, что нет власти не от Бога, преломляются в сознании наших клириков достаточно любопытным образом: им все равно, какая будет власть в Грузии, только бы она не касалась экономической независимости церкви. Я не могу привести ни одного примера, когда официальная церковь обличала бы правительство за невыплаченные зарплаты, за разгул коррупции, за пренебрежение гражданскими правами населения.

Взамен этому над Тбилиси возвышается строящийся пока еще кафедральный собор Пресвятой Троицы — архитектурное чудовище, символизирующее собой мирское величие церкви и ее равнодушие к насущным требованиям народа.

Чего-то не хватает всему этому... Нет Иисуса Христа! — нам очень хорошо объясняют, кто или что угрожает нашей исконной вере, но почти ничего не говорят о ее содержании. Это не обязательно, ибо и без этого можно обеспечить полное доверие со стороны населения. Вопиющее равнодушие к содержанию христианской веры настолько очевидно, что на вопрос о значении праздника Преображения один православный священник в эфире телекомпании «Мзе» («Солнце») ответил: «Согласно Евангелию, в этот день Спаситель семикратно преобразился».

Подобное пренебрежение к основному содержанию христианской веры чревато ее вырождением в хаотический комплекс бытовых ритуалов, изначальный смысл которых утрачен.

Свидетельство этому наиболее ярко выражается в одной фразе из рекламного клипа: «Постные макароны из Италии!». Конечно же, итальянский производитель совершенно не подозревает, что он производит постные макароны. Кроме того, имеется некоторый намек на существование неких «скромных макарон», которые вредоносны православному. Слово «постный» здесь не только благословляет «верующую паству» (также расхожее выражение) потреблять продукт по средам и пятницам, но и нейтрализует подозрительное, но желанное слово «Италия».

Парадигматика и синтаксис, показанные на последнем примере, очень хорошо работают во всех слоях грузинского общества. В магазинах и ресторанах появляется полный набор альтернативной, то есть постной пищи. Здесь все как будто в порядке, имеются даже постные пирожные, по вкусу не менее соблазнительные, чем «настоящие». Но именно в этой полноте ассортимента и кроется полное непонимание поста как религиозного установления, если угодно, поста как жертвы. Из жертвы пост превращается в налог, который даже не уплачивается верующим, а по старой советской традиции просто «вычитывается» православным обществом из скудной, но привычной «зарплаты».

Сходная ситуация и с хореографическим проявлением веры в виде крестного знамения в общественном транспорте. Для большинства грузинского общества это действие, которое имеет место в момент, когда транспортное средство движется мимо какого-нибудь культового сооружения, попадающего в поле зрения, приобрело совершенно независимое ритуальное значение и полностью заменило посещение храма. Здесь, конечно, следует заметить, что монашеский чин, на котором основан дневной круг православного богослужения, совершенно неприемлем для той части общества, которая живет в современном ритме трудовой деятельности. Но даже если не заходить так далеко, налицо очевидная деградация религиозного сознания в Грузии. Ведь пассажиры маршрутных такси крестятся не только на церковные купола, но и на строящиеся, еще не оконченные храмы и иногда даже на скульптуру св. Нины работы Зураба Церетели.

В своем выступлении я не случайно поставил акцент на формировании различных дискурсов. Не стоит долго доказывать, что место церкви в обществе приготавливается и сохраняется посредством языка. Язык является формой существования церкви в мире, и благодаря этому существует совершенно явная и значимая связь между строкой закона и простым бытовым словоупотреблением.

Но есть еще одна особенность, о которой мне хотелось бы упомянуть в заключение. Я имею в виду тот общий тон, несколько ироничный, в некоторых местах слишком высокомерный, которым отличалось мое выступление. Но как бы мы ни старались, этот тон всегда будет присутствовать в нашем разговоре о месте православной церкви в обществе. Иногда он будет принимать строгий вид научного подхода, иногда публицистического памфлета, но всегда будет внешним по отношению к содержанию христианской веры. Куда нам деться от ощущения, что только по-английски, по-французски или по-итальянски можно серьезно пользоваться религиозными понятиями и не терять лицо интеллектуала. По-русски или по-грузински при этом всегда есть риск впасть в «церковную посредственность» — если использовать выражение, употребленное Георгием Флоровским в одном личном письме, где он описывал прибытие на международную конференцию в Дели молодого епископа Ридигера.

СВОБОДА СОВЕСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российское законодательство гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания. Это право закреплено в Конституции РФ, ст.28 которой гласит, что

«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Таким образом, каждый постоянно проживающий или временно находящийся на территории России человек вправе самостоятельно, без давления извне, решать для себя: исповедовать ему какую-либо религию или нет, выбирать ему какие-либо убеждения, например, атеистические, распространять их и действовать в соответствии с ними.

Более того, Конституция РФ в ст.15 провозглашает приоритет принципов, норм международного права и международных договоров Российской Федерации над внутренним законодательством. Таким образом, свобода совести в России гарантируется не только на уровне такого обязательного для применения на территории России международно-правового документа, как Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» 1950 года, ратифицированная Россией в 1998 году, но и на уровне Всеобщей декларации прав человека.

При всей схожести формулировок упомянутых документов с Конституцией РФ, международные нормы права предусматривают более широкий перечень прав в области свободы совести, в частности ст. 9 Европейской Конвенции и ст. 18 Всеобщей декларации прав человека гарантируют каждому право менять свою религию и убеждения.

Международные нормы вступают в противоречие с участвовавшими в российских средствах массовой информации случаями гневных выступлений представителей Русской Православной Церкви, обвиняющих представителей иных конфессий и религий в прозелитизме на канонической территории. При этом под прозелитизмом понимаются попытки «переманить» верующих из одной конфессии, или религии, в другую, хотя попытки эти представляют собой не что иное, как осуществление верующими своего конституционного права на распространение религиозных взглядов. Единственной страной в Европе, светское законодательство которой предусматривает наказание за прозелитизм, является Греция, но наказуемым прозелитизмом считаются только такие попытки склонить верующего к перемене религии, которые совершаются с использованием обмана, тяжелых жизненных обстоятельств, зависимого положения, умственной незрелости пострадавшего и прочих недобросовестных методов, то есть совершается насилие над душой и совестью жертвы.

Свобода совести, или, проще сказать, свобода выбирать путь веры, вид веры или жизнь, далекую от религии, дана человеку от рождения и неотчуждаема, что подчеркивает Российская Конституция (ст.17). Казалось бы, в соответствии с Конституцией верующие и неверующие должны иметь равные возможности выражения своих убеждений, но, к сожалению, этого не происходит. Довольно часто на телевидении, радио, в печатных изданиях можно увидеть представителей наиболее уважаемой в России религии – православия, иногда – мусульман. Представители религий большинства предлагают широким массам путь к спасению, высокие идеалы, смысл жизни и опору для нравственности в обществе, основанную на страхе перед Богом. Да, исторические мировые религии накопили богатый опыт воспитания нравственности в человеке, но государство словно забыло, что человеческая нравственность и мораль формируются не только религиозными структурами и не только страхом адского пламени, что человек неверующий тоже может быть порядочным, если получит соответствующее воспитание.

А вот здесь, в системе воспитания личности, Российское государство испытывает серьезный кризис, так как школа превратилась в систему, предлагающую только обучение и не занимающуюся вопросами нравственного воспитания личности.

Я помню, как моя первая учительница учила нас, октябрят, культуре взаимоотношений и правилам поведения в обществе, учила заботиться о тех, кто слабее: младших и пожилых, помню, как мы «шефствовали» над одинокими пенсионерами, больше развлекая их, нежели оказывая практическую помощь, но это были добрые отношения, построенные на тепле. Теперь же подобные отношения вытеснены из стен школы, и вообще государство от этого почти устранилось, возлагая надежду на то, что воспитанием нравственности, благотворительностью и социальной помощью будут заниматься религиозные организации, для которых проявление любви к ближним совершенно естественная вещь.

К сожалению, религиозные организации не могут восполнить социальные нужды общества и не потому, что не хотят, а потому что не в состоянии, поскольку, во-первых, страдают от налогового

бремени, а во-вторых, состоят, в основном, из таких же несовершеннолетних и порой незрелых в нравственном отношении людей, что и неверующие. Разница лишь в том, что верующий сознает свою греховную природу и с Божьей помощью сопротивляется власти греха, а неверующий ее не осознает. Социальное же служение осуществляется и неверующими гражданами: в России немало молодежных организаций, добровольно занимающихся социальным служением обществу. Почему бы не дать им слово в средствах массовой информации? Почему бы их опыт, их образ жизни, основанный не на религиозных, а общечеловеческих ценностях, не освещать так же детально, как и ход церковных праздников? Если Конституция страны гарантирует всем свободу совести, значит, должно в одинаковой степени поддерживать социально-полезные и общественно-значимые начинания, как религиозных объединений, так и светских.

Возможно, одна из причин, почему этого не происходит, то, что религиозные объединения в рамках определенных, исторически сложившихся на территории России конфессий и религий, довольно легко контролировать через их иерархов или руководителей высшего звена, чего не скажешь о структурах гражданского общества, которые абсолютно независимы друг от друга и никакому контролю, кроме налогового, не поддаются.

Разумеется, самая легко контролируемая религиозная структура в стране - это Русская Православная Церковь, многие служители которой начинали свою деятельность еще в СССР под присмотром КГБ. В условиях крушения идеалов коммунизма в сознании масс, граждане России обратились к традиционным ценностям досоветского периода, прежде всего к православию, пытаясь обрести более высокий смысл жизни, нежели простое выживание. Но РПЦ, ослабленная за годы советской власти организационно и страдающая от острой нехватки квалифицированных кадров, не смогла обеспечить окормление всех, желающих познать глубины веры. В результате, вместо содействия верующим в развитии лучших духовных качеств, священнослужители порой разжигают религиозную нетерпимость, поощряя верующих осуществлять акции, направленные против инославных, иногда сопряженные с насилием и уничтожением имущества.

Большинство граждан России, около 75%, считают себя православными, хотя в существование Бога верят около 45%. Религиозная принадлежность для многих групп населения стала способом этнической самоидентификации. Так, например, считается, что если ты русский, значит, православный, если татарин, значит, мусульманин, противоположный же выбор кажется обывателю противоестественным. В словаре россиянина появилось даже новое слово: «этноконфессиональный», и государство всячески стремится защищать так называемые этноконфессиональные интересы в ущерб свободе совести. Прежде всего, от такой политики страдают религиозные меньшинства.

В начале 90-х годов, во времена массового поиска населением новых систем ценностей, основанных на религии, при поддержке единомышленников из-за рубежа активизировалась деятельность протестантских церквей и новых религиозных движений. Поскольку в годы советской власти атеистическая пропаганда была направлена, прежде всего, на православие и его атрибутику, то многие россияне инстинктивно пытались получить информацию о Боге в неправославном контексте. Поскольку проповеди представителей многих иных конфессий и религий звучали понятно и логично, то и число соответствующих религиозных объединений начало стремительно расти. В результате на Дальнем Востоке, например, количество протестантских церквей превышает количество православных.

Органы власти относятся к протестантам двойственно. С одной стороны, протестант несет личную ответственность перед Богом за свою жизнь и свое духовное развитие, что содействует повышению общего уровня нравственности в обществе, с другой стороны, протестант верит, что его Отечество на небесах, что делает его в глазах представителей властных структур в меньшей степени патриотом, нежели православного.

В отсутствие системы патриотического и нравственного воспитания населения и экономии бюджетных средств на культуре государство ждет от православия, что оно возьмет на себя все указанные функции. Средства массовой информации постоянно напоминают народу о том, что именно православие является источником культуры, нравственности и патриотизма. Вот и получается, что православных патриотов, не имеющих понятия о духовной составляющей православия, но яростно ведущих борьбу с инаковерующими, как, соответственно, космополитами, разрушающими духовные основы российской культуры и нравственности, у нас в стране более чем достаточно, а православных верующих, ведущих образ жизни, соответствующий канонам православия, в российском обществе около 1% процента.

Данное положение проистекает, прежде всего, из глубокого духовного невежества граждан и создает идеальную почву для нарушения свободы совести и вероисповедания. Так, например, рядового глубоко верующего православного шокирует заявление, что Иисус Христос был по плоти евреем, поскольку в массовом сознании православных верующих укоренено мнение, что евреи - это те, кто распял «нашего» Христа, что создает питательную среду для антисемитизма.

Объявить себя православным сейчас выгодно и престижно, все равно что быть членом Коммунистической партии при советской власти, а вот осознанно выбрать религию меньшинства, да еще не поименованную в преамбуле ныне действующего Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в качестве уважаемой, к коим относятся православие, ислам, иудаизм и буддизм, значит обречь себя на серьезные проблемы – страдание за веру.

В своих попытках продемонстрировать принадлежность к православию чиновничество порой заходит довольно далеко. Так, например, в России у православных верующих существует обычай в праздник Крещения окунаться в прорубь. В этом году многие политики и чиновники публично совершили данный обряд, например, вице-спикер Государственной Думы Любовь Слиска. Правительство Саратовской области ныряло в прорубь чуть ли не в полном составе, а мэр Нижнего Новгорода Вадим Булавинов обязал нырнуть в прорубь всех чиновников своей администрации под угрозой увольнения.

Жаль, что вместо красоты и глубины православия, россияне открывают для себя лишь его внешние атрибуты и пребывают в убеждении, что это и есть вера.

Но все это факты довольно безобидные. Гораздо хуже, когда чиновники и «силовики» пытаются доказать свой православный выбор, используя служебное положение, а именно: препятствуют регистрации неправославных религиозных объединений, пытаются ликвидировать их под надуманными предлогами, запрещают религиозным организациям арендовать помещения в общественных зданиях, в частности учреждениях культуры, в свободное от основных мероприятий время или школах в выходные дни, годами уклоняются от выделения земель под строительство культовых зданий и при этом запрещают проводить религиозные собрания в общественных местах, то есть занимаются именно тем, что нарушают Конституцию, не давая возможности верующим совместно исповедовать веру и мирно собираться.

Привлечь же к юридической ответственности чиновников за совершение подобных действий в принципе можно, но практически удается крайне редко. Иногда же наказанию подвергается пострадавшая сторона. Как гласит старая русская пословица «Тот прав, у кого больше прав».

В качестве примера можно привести случай, произошедший 29 августа 2003 г. в г. Лиски Воронежской области, где местная милиция под руководством представителей городских властей произвела силовой разгон антинаркотического мероприятия, организованного Центром Духовного Служения, относящимся к Российской Ассоциации Миссий Христиан Веры Евангельской, которая, в свою очередь, охватывает около 15 тыс. прихожан в городах России.

Как сообщил Проект «Ковчег», 28 июля 2003 г. представитель Центра Духовного Служения подал на имя главы администрации Лискинского района В. Шевцова заявку на проведение с 29 по 30 августа концерта "Ты не мишень для наркотиков" (вх. No. 1203 от 30.07.03 по учету Лискинской районной администрации). В связи с отсутствием надлежащего ответа, 26 августа 2003 г. администрация района была уведомлена о проведении акции (вх. No 1345 от 26.08.03 по учету Лискинской районной администрации).

Непосредственно в день акции зам. председателя городского комитета администрации г. Лиски Сергей Честикин издал предписание, исключающее проведение мероприятия. После этого в 13.00 к месту проведения акции прибыли городские чиновники Виктор Лискин - начальник управления народного хозяйства, Игорь Зайчиков, Анатолий Минакуров - начальник уголовно-исполнительной инспекции, Валерий Бабенко и наряд городской милиции численностью около 30 человек. Вместе с сотрудниками милиции прибыл специализированный автомобиль для перевозки заключенных ("автозак").

К моменту их появления концерта ожидали около 50-60 взрослых горожан и примерно 20-30 детей. Прибывшие представители городской власти произвели насильственный демонтаж тентовой палатки, в которой должна была проводиться акция, избили ее устроителей и некоторых из них доставили в отделение милиции. При проведении этих действий силовые меры применялись не только к мужчинам, но также к женщинам и несовершеннолетним детям.

В Лискинском отделении милиции задержанные, по их словам, были избиты и выпущены после вмешательства адвоката. В настоящий момент им вменяются действия, предусмотренные ст. 20.2 ч. 2 КОАП РФ ("Нарушение установленного порядка собраний, митингов, демонстраций и шествий").

Глава Российской ассоциации миссий ХВЕ Владимир Мурашкин, комментируя для проекта "Ковчег" события в г. Лиски сказал, что "сейчас трудно судить, насколько корректны были действия властей, но сам факт жестокого отношения к христианам говорит о возврате времен самого махрового коммунизма, когда нас притесняли подобным образом".

В России последнее время на центральных каналах телевидения участились передачи, разжигающие ненависть к сектам и подчеркивающие их опасность. А сектантами с точки зрения православных верующих являются все иные неправославные христиане, не говоря уже о новых религиозных движениях.

1 декабря 2003 г. по третьему телеканалу, в рамках программы "Времечко" был проведен интерактивный опрос с целью определения отношения граждан к религиозным сектам. Прежде чем начать опрос, телеведущий показал сюжет о церкви "Царство Божие", относящейся к Российскому объединенному союзу христиан веры евангельской (Пятидесятников) специально для тех, как он выразился, кто считает религиозные секты проявлением свободы совести.

В сюжете были показаны принадлежащие к православной деноминации женщины пожилого возраста, оскорбляющие входящих и выходящих из богослужебного здания верующих и требующие, чтобы члены церкви, официально зарегистрированной в 2000 г., "убирались в Бразилию". Кроме того, в материале было заявлено, что некое лицо, имеющее отношение к показанной церкви, публично оскорило себя, а верующие, после богослужения, напоминают невменяемых. Разумеется, обвинения были голословными, но на телезрителей впечатление произвели, и абсолютное большинство согласилось с тем, что религиозные секты представляют страшную опасность для общества.

Государственный телеканал "Культура" показал 23 декабря 2003 г. художественный кинофильм "Тучи над Борском", снятый режиссером Василием Ордынским на киностудии "Мосфильм" в 1960 г. Фильм рассказывает о страшной деятельности Христиан веры евангельской – Пятидесятников в одном из провинциальных городов, где им удалось заманить к себе обманом молодую девушку, чтобы принести ее затем в жертву. Фильм был снят в годы борьбы с религией, и его показ накануне Сочельника глубоко оскорбил чувства Христиан веры евангельской – Пятидесятников, представителей одной из самых многочисленных протестантских церквей России.

Особым притеснениям и нападкам подвергаются так называемые Харизматические христианские церкви, необычайно популярные в современной России. Численность религиозных организаций классического протестантизма в XXI веке растет довольно медленно, чего нельзя сказать о Харизматических церквях, которые призывают граждан не только думать о вечной жизни, но реально улучшать свою земную, достигая максимального успеха в бизнесе, политике, социальной сфере. Органы юстиции при поддержке прокуратуры предпринимают неустанные попытки ликвидировать Харизматические церкви, выдвигая против них обычно два обвинения: незаконное занятие медицинской практикой, поскольку они практикуют во время богослужения молитвы об исцелении, и нанесение вреда психике граждан, поскольку во время богослужений верующие впадают в экстатическое состояние.

Многочисленные судебные процессы тянутся годами, все это время средства массовой информации публикуют материалы, представляющие попавшую под подозрение религиозную организацию в самом негативном свете, а решения суда, снимающие какие бы то ни было обвинения с объединения верующих, уже не имеют в глазах общественности никакого эффекта.

Почему же государство поощряет нагнетание в обществе истерии по отношению к религиозным меньшинствам, которые само же регистрирует? Следует отметить, что процедура регистрации религиозного объединения происходит в два этапа: сначала специалисты соответствующего отдела Министерства юстиции РФ внимательно изучают учредительные документы, а также историю, основы вероучения и религиозной практики религиозного объединения, привлекая, если необходимо, к изучению бумаг заявителя экспертов высшей квалификации, лишь только те религиозные объединения, что пройдут строжайший контроль, получают право быть зарегистрированными в качестве юридических лиц.

Следовало бы ожидать, что государство будет придерживаться конституционных норм, закрепляющих его светский характер и равенство религиозных организаций перед законом, что не позволяет государственным органам оставить на усмотрение граждан вопрос выбора религии и убеждений. Международное законодательство требует этого от России. Так, ч.2. ст.9 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» подчеркивает, что свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь таким ограничениям, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности, или для защиты прав и свобод других лиц».

Российская же Конституция предусматривает и дополнительные основания для ограничения прав человека, а именно цели «обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч.3. ст.55), и равняться на демократическое общество не спешит. Действительно, в условиях чрезвычайного положения вполне допустимо ограничение некоторых политических прав человека: например, свобода мирных шествий во время комендантского часа может быть ограничена, но, согласно ст. 56 Конституции, право на свободу совести ограничению не подлежит. Тем не менее, вопреки Конституции, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ в ч.2. ст. 3 провозгласил, что

«Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Данное добавление не описка и не случайность. Еще 23 октября 1996 г. Министр внутренних дел РФ А.Куликов направил в Государственную Думу РФ письмо за №1/17464 с., к которому прилагалась **«Справка Министерства внутренних дел о деятельности в России некоторых иностранных религиозных организаций (по материалам МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуры, Минсоцзащиты, Минздрава России)»**. В данном документе утверждалось в частности следующее:

«Пользуясь пробелами правового регулирования деятельности религиозных объединений такие общины, как “Свидетели Иеговы”, “Церковь Объединения” Муна, “Церковь Иисуса Христа святых последних дней”, “Новоапостольская церковь”... и другие, обладая значительными финансовыми возможностями, помимо оказания гуманитарной помощи организациям и частным лицам, ведут активную работу по вовлечению в свои ряды граждан России, делая основную ставку на молодежь. Используя религиозное прикрытие, иностранные представители указанных организаций создают разветвленные управляемые структуры, позволяющие собирать социально-политическую, экономическую, военную и иного рода информацию о процессах, определяющих стратегическое положение России.

Полицией ряда стран признано, что саентологическими организациями создана крупная шпионская сеть, собирающая информацию законными и незаконными методами (в т.ч. военного и секретного характера). Например, ряд высших руководителей секты были осуждены в США в 1977 г. за систематическое хищение секретных документов армии, флота, таможенной службы, ЦРУ, Судебной палаты и др.

Российская доктрина о национальной безопасности уделяет религиозному экстремизму и иностранным миссионерам, как потенциальной угрозе интересам национальной безопасности, особое внимание. Соответственно, государственные органы проявляют «максимальную бдительность» и ограничивают срок пребывания иностранных граждан в России по религиозным визам».

Дискриминацию по религиозному признаку мы наблюдаем также в области законодательства, регулирующего труд иностранных граждан в РФ. Согласно действующему Российскому законодательству, иностранные преподаватели не нуждаются в прохождении сложной процедуры получения разрешения на работу в России (подтверждение права занятости), но на преподавателей религиозных образовательных учреждений данный льготный порядок не распространяется.

Одно из важнейших гарантий свободы совести – это право человека жить в соответствии со своими убеждениями или религиозными взглядами. Например, употреблять ритуально чистую пищу (кошер, халяль), одеваться соответствующим вере образом (хиджаб – платок, которым женщина-мусульманка покрывает голову). Большой победой для мусульманок России было решение Верховного суда РФ, разрешившего им фотографироваться на паспорт в платке.

Огромной проблемой для евангельских христиан-баптистов остается текст присяги при прохождении воинской службы, поскольку требует от новобранца клятвы, а вот клясться баптисты не могут, поскольку в Библии написано «не клянись». В начале 20 века царское правительство разрешало российским протестантам во время присяги произносить слова «торжественно обещаю» вместо слова «клянусь!». А во времена построения демократического общества государство почему-то не может себе позволить данной замены.

Российское государство в лице представителей органов власти не уделяет достаточного внимания проблемам и нуждам неправославных верующих и атеистов. Вместо этого оно пытается опереться на «титulyные конфессии» и в настоящее время рассматривает законопроекты, вводящие термин «традиционная религиозная конфессия» и жестко разграничивающие религиозные организации, с которыми государство установит партнерские отношения, и религиозные организации, которые оно будет просто терпеть.

К сожалению, в скором времени религиозные меньшинства и атеистов ожидают сложные времена, а Европейский суд по правам человека ждет большая работа с российскими материалами.

ДОПОЛНЕНИЕ К СТАТЬЕ Е. СМЫСЛОВОЙ

Дорогие друзья, позвольте в начале защитить честное имя моей коллеги Екатерины Смысловой, которая невольно попала под удар из-за того, что во время чтения была допущена маленькая техническая ошибка. Это леденящая душу цитата о страшных сектах типа Свидетелей Иеговы, Малой апостольской церкви, Церкви Иисуса Христа святых последних дней, которая присутствует на шестой странице доклада, принадлежат не Екатерине Смысловой, а является цитатой из справки Министерства внутренних дел о деятельности в России некоторых иностранных религиозных организаций. И она приведена здесь в качестве иллюстрации беспредела исполнительной власти в отношении действующих на законных основаниях религиозных организаций. А исполнительная власть в России, как известно, единственная власть сейчас. Теперь по существу поставленной проблемы несколько соображений...

В силу, в общем, аналогичных обстоятельств в той же Грузии так сложилось, что большинство чиновников федерального масштаба и практически все чиновники местного уровня считают ведущим экспертом в области свободы совести титульную конфессию. Как правило, это Русская Православная Церковь Московского патриархата, а в отдельных регионах мусульманские или буддистские объединения, поэтому, как правило, за справками или решением каких-то спорных вопросов представители власти обращаются к представителям титульной конфессии, господствующей в данном регионе. В связи с этим, нам очень интересно проанализировать позицию руководства Московского патриархата по вопросам свободы совести, и по вопросам принципов деятельности религиозных организаций в России. Я хотел бы обратить ваше внимание на очень влиятельную концепцию, разработанную митрополитом Кириллом Гундяевым, представителем отдела внешних церковных связей Московского патриархата, фактически главным администратором Русской Православной Церкви, особенно в условиях периодически выпадающего из общественного пространства Патриарха. Концепция эта условно называется «доктриной православных по рождению». Митрополит Кирилл еще в конце 90-х годов высказал такую идею, что паствой Русской Православной Церкви, сферой ее пастырской ответственности, являются не только сознательные прихожане православных храмов, так называемые практикующие православные (термин отца Иннокентия), но и все россияне, которые либо принадлежат русскому народу или какому-то другому народу, традиционно исповедующему православие, либо даже не принадлежат этим народам, но родились в пространстве православной культуры. Поэтому, даже получив атеистическое воспитание, мы получили его на том языке, который был сформирован, выработан в православной культуре. Это концепция православных по рождению, которая, как мне представляется, в своей основе глубоко материалистична и является основой нынешней конфессиональной политики в Российской Федерации. Государство по умолчанию соглашается с мнением руководства Русской Православной Церкви о том, что к его пастве принадлежит как минимум 85% населения России. Наверное, эта цифра коррелирует с численностью русских по данным последней переписи населения, поэтому она указывается как минимальный порог. Если понимать вообще расширительный термин православных по рождению, эта цифра будет еще больше, чем 85%.

Почему эта концепция представляется мне материалистической? Потому что критерием принадлежности к религиозной традиции провозглашается биологический, генетический признак, даже не идеологический и не культурный. Речь идет не о православной культуре, а о православных по рождению, то есть о генетических православных, что, в общем, перекликается с известными политическими теориями, которые были популярны в конце первой трети двадцатого века. Недавно на одной из пресс-конференций митрополит Кирилл несколько раз выдвигал свою идею, заявив, что в Конституции России содержится одна существенная ошибка — Россия является не многоконфессиональной страной, а православной страной с этническими конфессиональными меньшинствами, и именно православное большинство должно выступать гарантом некоторой условной ограниченной свободы этих меньшинств, той степени, в которой православное большинство готово терпеть существование этих меньшинств на своей канонической территории. Это было сказано во время пресс-конференции в гостиничном комплексе «Даниловский», когда митрополит Кирилл отвечал, казалось, на безобидный вопрос о том, почему в Омской области в самый горячий период - «Prime-Time» - на местном радио вещает некая католическая структура, а православных загнали куда-то в ночной эфир. Митрополит Кирилл был настолько возмущен этим примером, что выдал такой антиконституционный пассаж о том, что Россия является православной страной с разными меньшинствами. Интересно, что из этой концепции, поскольку она материалистическая, как я уже сказал, вытекает еще одно важное следствие — чтобы быть православным, не обязательно быть верующим. Екатерина Смылова справедливо указывает на данные различных социологических исследований,

по которым верующими людьми признают себя менее половины граждан России. В то время как с православием себя отождествляет действительно процент, приближающийся к 85. Соответственно вера в Бога не является обязательным атрибутом принадлежности к православной религии. Вот из такого расширительного понимания православия и исходит власть в своей конфессиональной политике, и это достаточно опасно... Правовым базисом для конфессиональной политики современной российской власти является принятый в 1997 году пресловутый Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Неконституционность этого закона была официально, хотя и частично, признана Конституционным судом России в 99-ом году. Конституционный суд отменил один из пунктов 27-й статьи закона, который имел обратное действие, что запрещено Конституцией, то есть действие этого пункта распространялось на деяния, совершенные до принятия закона. А именно: там было требование о том, чтобы все религиозные организации, не входящие в централизованные структуры, имели пятнадцатилетний стаж существования в России, и только если они документально могли доказать, что 15 лет назад организации действовали на законных основаниях, - а 15 лет назад был 1982-ой год, царила андроповщина, - то они могут быть зарегистрированы. Отменив этот пункт, Конституционный суд признал, что в этом законе есть неконституционное положение, но на наш взгляд, они распространяются и на многие другие положения закона и, в общем, на сам закон в целом. Тем не менее, несмотря на то, что этот закон является явно протекционистским по отношению к Русской Православной Церкви, у российских парламентариев время от времени возникают новые законодательные инициативы, которые направлены на то, чтобы статус Русской Православной Церкви сделать еще более предпочтительным, наделить ее еще большим количеством преференций перед другими конфессиями. Два самых ярких законопроекта - это проект Александра Чуева, предложенный им в бытность руководителем думского комитета по делам религиозных организаций под лукавым названием «О социальном партнерстве государства с традиционными религиозными конфессиями». Таким образом, в российском законодательстве могло появиться вполне официальное легальное деление конфессий на традиционные и нетрадиционные с разными правами, что уже никак не возможно совместить с восьмой статьей Конституции. А тем более с международными обязательствами России. Несмотря на то, что этому закону была оказана активная поддержка в разных органах власти, его активно лоббировала Московская патриархия, депутатам прежней Думы не хватило времени на то, чтобы его принять. Сейчас на смену тому проекту пришла новая законодательная инициатива депутата Сергея Глазьева — лидера, неожиданно успешно выступившего на выборах блока «Родина», которая активно использовала, кстати говоря, православную риторику в своей предвыборной кампании. Этот законопроект Глазьева представляет собой своего рода кодекс государственно-религиозных отношений. В свое время широкой публике этот проект представлял ни кто иной, как архимандрит Тихон Шевкунов, наместник царицынского монастыря на Луганке, которого в России именуют неофициальным духовником президента Путина. Так вот, представляя этот законопроект, отец Тихон заявил буквально следующее, что у всех есть свои кодексы: и у уголовников, и у милиции, только у церкви нет своего кодекса, по которому ей жить — конец цитаты. Таким образом, если это законодательная инициатива пройдет, а судя по тому, что, в общем, в нынешней Думе царит полное единовластие, единомыслие, то у этого кодекса, на мой взгляд, есть довольно большие шансы, а особый статус Русской Православной Церкви будет таким же элементом законодательной системы России, как статус Грузинской Православной Церкви в Грузии после подписания пресловутого конституционного акта, который состоялся, если не ошибаюсь, в 2002-ом году. В этом смысле грузинский опыт может быть для нас весьма поучительным. В постсоветском пространстве есть еще один прецедент подобного рода в Белоруссии, где Президент Лукашенко, в свойственной ему такой харизматической манере выступил инициатором особого договора Московского патриархата с Белорусской Православной Церковью. Интересно, какую модель выберет нынешняя российская власть в своих отношениях с господствующей конфессией — грузинскую или белорусскую. Но, я знаю, что обе модели очень внимательно и глубоко изучаются в Администрации президента.

Екатерина Смыслова справедливо указала на то, что закон о свободе совести начинается с антиконституционной преамбулы, и хотя преамбула не имеет прямого правового действия, она выражает некоторую официальную идеологию государства, идеологию власти, в этой преамбуле говорится о том, что государство признает особую роль четырех конфессий. На первом месте, разумеется, указано православие. На втором, как это ни смешно, стоит христианство, которое законодатели не отождествляют с православием. Тем не менее, преамбула, которая чиновниками воспринимается как нечто более важное, даже более существенное, более весомое, чем сам закон и его статьи, даже она не нарушается чиновниками самых разных уровней. Достаточно вспомнить проблему, на которую стараются не обращать внимания последнее время, но которая была довольно сильно раскручена в середине 90-х годов. Я имею в виду проблему так называемого альтернативного православия, которая по формальным признакам попадает под определение, содержащееся в

преамбуле закона о свободе совести. К альтернативному православию принято относить различные православные группы, сообщества, церкви, которые не состоят в каноническом подчинении Московского патриархата, но принадлежат при этом православной традиции.

В последние годы мы наблюдаем такие громкие показательные судебные процессы над представителями разных альтернативных православных церквей, которые отнюдь не свидетельствуют о каком-то особом уважении со стороны государства. Вот свежий пример: на минувшее Рождество в этом году Президент Владимир Путин отправился в древний русский город Суздаль, город-музей, расположенный в двухстах километрах от Москвы. В Суздале он посетил ряд храмов исключительно принадлежащих Московскому патриархату, а Суздаль, как известно, является центром Российской православной автономной церкви, которую возглавляет митрополит Валентин Русанцов, и у продвинутых православных россиян само слово Суздаль уже устойчиво ассоциируется с понятием «раскол». Побывав в этом городе, Владимир Путин посетил ряд храмов Московского патриархата, в том числе и храм в селе Кидевша, где служит протоиерей Андрей Ситров, который инициировал громкий судебный процесс митрополита Валентина два года назад. Этот храм в настоящее время является предметом судебного спора между двумя православными конфессиями, между Московским патриархатом и Российской православной автономной церковью, потому что по документам он принадлежит РПАЦ, а по практическому пребыванию там протоиерея Ситрова как бы находится в зоне Московского патриархата. Владимир Путин публично пообещал оказать всяческую поддержку отцу настоятелю, способствовать скорейшей реставрации этого храма.

Совершенно ясно, и представители судебной власти Владимирской области уже об этом заявили, что раз реставрация храмов будет оказывать содействие сам Президент России, то дальнейшее судебное разбирательство теряет смысл. С одной стороны, это еще одно подтверждение того, что в России есть только одна ветвь власти, дополнительно олицетворенная президентом, с другой стороны, это очень яркий пример такой конфессиональной политики государства, которая не согласуется даже с этими антиконституционными заявлениями, содержащимися в преамбуле федерального закона. С большим сожалением хочу отметить, что в России нет ни одного эффективного института защиты свободы совести. Когда-то был в России более или менее дееспособный аппарат уполномоченного по правам человека. Но после того как эта должность и, соответственно, аппарат перешли в руки зависимых от власти людей, они перестали оказывать какую бы то ни было заметную поддержку религиозным меньшинствам. Различные общественные организации, которые занимались защитой свободы совести, сейчас также крайне слабы, большинство из них живет по правилам Кремля, по правилам, установленным властью, и просто боится влезать в какие-то ситуации, где симпатии власти явно стоят на стороне Русской Православной Церкви. В общем, это большая проблема. В России нет таких сильных институтов защиты свободы совести и здесь действительно приходится уповать на какое-то вмешательство извне, но насколько оно возможно в современных политических условиях России? Большой проблемой так же является имперский реваншизм, который представляет собой одну из идеологических основ в российской политике. Я абсолютно уверен, что если бы в России установился реальный демократический режим, то Русская Православная Церковь Московского патриархата довольно быстро разделилась бы на несколько административно независимых структур, ну почти так, как это было в Украине. Хотя в Украине, мы понимаем, другие факторы, — национализм и так далее — двигали этим процессом. В России есть свои факторы. Русская Православная Церковь сейчас далеко не едина, ни по идеологии, ни по административной структуре. Есть ряд влиятельных группировок, противоборствующих друг с другом, есть либералы, консерваторы, у которых нет даже канонического общения друг с другом, поэтому единственной скрепой этого административного единства является зависимость от власти, симфония с властью, и в случае демократизации института власти, конечно, эта скрепа перестанет действовать. Произойдет некий распад, что может создать благоприятные условия для выполнения конституционных принципов свободы совести. Имперский реваншизм, который требует единой сильной национальной церкви, и гарантом которого выступает власть, конечно, не способен создать условия для свободы совести, так что мой взгляд на эту ситуацию довольно пессимистичен, но вполне реалистичен. На возможные рецепты решения проблемы я уже постарался намекнуть, но посмотрим, как будет ситуация развиваться дальше.

Нодар Ладария

Спасибо. Вы нас убедили, насколько близки наши народы друг другу. Теперь я передаю слово Эмилию Адельханову для сообщения: «Свобода вероисповедания, факты нарушения свобода вероисповедания в Грузии». Прошу вас.

Блажен атеист, утешающий адвентиста,
Когда на душе у каждого грамм по триста.

Подробно рассказать обо всех случаях религиозного экстремизма в нашей стране за 20 минут, отведенные для доклада, я не успею, придется ограничиться несколькими яркими примерами – тема необъятная, от одних только Свидетелей Иеговы в прокуратуру поступило несколько сот жалоб (и мы хорошо знаем, что на самом деле далеко не все такие случаи нарушения фиксируются, далеко не всегда люди осмеливаются жаловаться). Кстати, может быть, именно потому, что Свидетели Иеговы были практически первыми, кто отважился громко заявить о преследованиях, с подачи местных журналистов у нас всё это воспринимали (а многие и до сих пор воспринимают), как борьбу лишенного сана блудного сына нашей православной Патриархии Василия Мкалавишвили со Свидетелями Иеговы, начавшуюся где-то в конце 90-х, не раньше. То есть ничего серьезного не происходит, наоборот, это даже забавно: какой-то маргинал стал гонять других маргиналов – идут сражения между городскими сумасшедшими; а уж когда в это дело вмешиваются какие-то юродивые НПОшники – скажем, Гига Бокерия из Института свободы (у этого Института вначале еще не было такого авторитета, как сейчас) – тут уж вообще цирк.

А теперь, когда они, наконец, поняли, что все это не просто хаханьки, в газетах и даже в серьезных обзорах международных наблюдателей часто можно встретить фразу: «В последнее время в Грузии резко обострились...»

Так вот, на самом деле эта проблема как минимум на 10-15 лет старше, то есть все началось тогда же, когда и на всем постсоветском пространстве¹, и с самого начала действующими лицами были не две группировки, а гораздо больше. Просто журналисты охотно писали именно об иеговистах и их «главном антагонисте», избегая упоминать его сподвижников, союзников и покровителей. На то есть ряд причин.

1) Пострадавшие, как правило, боялись жаловаться на официальную церковь и ее представителей, на светские власти и их силовые структуры, предпочитая не портить с ними отношения.

2) Официальная церковь, поспешив низвергнуть «о. Василия» из рядов официальных пастырей (но отнюдь не отлучив его от церкви), отмежевалась от его экстремальных художеств (фактически предоставив ему полный карт-бланш; современная история знает множество подобных примеров в других православных странах) и не рекламировала аналогичные подвиги своих низверженных членов. Органы «правопорядка», неоднократно совершавшие налеты и на Свидетелей Иеговы, и на евангельских христиан, и на кришнаитов, тоже не любили вмешательства журналистов в свою «личную жизнь».

3) «Отец Василий» же, в отличие от многих своих сподвижников и союзников, не только не боялся гласности и публичности, но и сам делал все, чтобы предать свои подвиги как можно большей огласке. Более того, отправляясь на очередной ратный подвиг, он, по его собственным словам, обычно звонил в прокуратуру и сам предупреждал ее о готовящейся акции, а едва утерев пот со лба после трудов бранных, созывал журналистов на пресс-конференцию. Он охотно демонстрировал и распространял фото- и видеоматериалы о своей деятельности.²

4) Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что «о. Василий» - фигура колоритная, так сказать – фотогеничная.

5) И, наконец, все, что касается неприглядной, неофициальной роли официальной церкви – до сих пор еще сохраняется табу чуть ли не для всех журналистов; не говоря уже о том, что среди журналистов встречаются люди, считающие себя «искренне православными», мало кому хочется портить отношения с этой довольно влиятельной институционализированной силой и дразнить

¹ На самом деле все это началось даже еще раньше: вспомним, что так называемые протестантские секты и при советской власти принимали на себя гораздо больший удар, чем православная церковь. Мы знаем, что на Украине бывали случаи, когда собравшихся где-то адвентистов милиция разгоняла слезоточивым газом — об этом писала диссидентская «Хроника текущих событий». То есть разгоняли их только за то, что они молились. Чтобы православных разгоняли только за то, что молились, такого не бывало. Традиционно коммунисты считали все эти «секты» гораздо более опасными для советской власти, чем православие. Грузия тут не исключение. Напр., пастор пятидесятников Н. П. Калущий рассказывал, как их преследовали здесь в Грузии при Советской власти, как он три года сидел в тюрьме только за то, что Богу молился. Вспомним и кампанию, здесь у нас, в Грузии, против каких-то сухумских адвентистов, тоже при Советской власти.

² Когда его молодцы нападали на каких-либо «предателей православия», впереди штурмовой группы всегда бежала одна из его прихожанок – худенькая пигалица с телекамерой, снабжавшая телевидение (в основном, «Рустави-2») колоритными кадрами. В церкви, устроенной им на Нахшир-гора, висела на стенах, рядом с иконами, целая фотолетопись его борьбы с «врагами православной веры».

общественное мнение. (Не случайно во всех сообщениях о художествах «о. Василия» фигурирует выражение «отлученный от сана».)

А то, что главными героями таких сообщений стали именно Свидетели Иеговы, объясняется тем, что они первыми из пострадавших осмелились во весь голос заявить о своих мучениях – остальные вплоть до недавнего времени предпочитали помалкивать, и получилось так, что все заинтересованные лица – и обидчики, и пострадавшие – были заинтересованы в сохранении тайны.³ Но нельзя, конечно, отрицать и того, что вплоть до настоящего времени Свидетелям Иеговы доставалось больше всего. Сам «о. Василий» сначала увлекался почти исключительно этими «свидетелями», изредка отвлекаясь на евангелистов, и только после того, как публике стали приедаться однотипные сообщения о разогнанных собраниях, он спалил склад баптистской литературы и напал на баптистскую церковь, чтобы сорвать екуменическую службу.

Было бы несправедливо воспеть подвиги нашего любимца публики, не описав прежде деятельность других, более скромных героев.

Как правило, случаи преследований на религиозной почве, инициированных священниками официальной православной церкви, происходят где-нибудь в провинции, и в столице о них мало кто узнаёт.

Вот, например, сообщение, поступившее в наш Кавказский институт от Кутаисской церкви евангельских христиан:

19 апреля 2002 г., после того, как несколько прихожан этой церкви показали школьникам с. Садмели Амбролаурского р-на кинофильм "Иисус" (переведенный на грузинский язык киностудией "Грузия-фильм" – солидной, фактически государственной, киностудией), полицейские вместе с двумя местными православными священниками, о. Давидом и о. Мирианом, нагнали по дороге двух из этих прихожан, перегородили им путь своими машинами и учинили "разбор дела". При этом пьяные полицейские доходили до словесных оскорблений. Были и угрозы: "Мы вам еще покажем..." Деревенские священники, по словам евангелистов, не постеснялись объяснить причину своего гнева: "Вы что думаете, мы позволим вам запускать руку в наш карман, лишать нас источников дохода?... Да лучше бы вы эротический фильм привезли, чем такой фильм..."

В связи с этим фактом директора средней школы с. Садмели Дато Кереселидзе и директора школы соседнего села Бигеули Алеко Абутидзе (то ли кто-то заметил среди зрителей учеников и этой школы, то ли евангелисты до того показали свой фильм и в Бигеули), вызывали в Амбролаурский район, где им также нанесли словесные оскорбления и пригрозили снять с работы.⁴

История вполне типичная, и, как видите, тут целый букет: местные священники, солидарная с ними полиция и солидарное районно. В газеты она не попала.

Этим двум евангелистам повезло – могли и избить: судя по доходящим до Тбилиси сообщениям, в провинции протестантов бьют не так чтобы помногу, но довольно регулярно, но большинство этих сообщений не выходит за рамки довольно замкнутого круга их единомышленников (если не считать громких сообщений о массовых избиениях Свидетелей Иеговы в Западной Грузии). В Тбилиси более или менее слышали разве что о событиях в г. Рустави, где функции «о. Василия» с успехом выполняет неоднократно громившая Свидетелей Иеговы и пятидесятников организация «Джвари» («Крест»), членами которой является несколько православных священников – отнюдь не из т.н. Глданской епархии «о. Василия» Мкалавишвили.

В Тбилиси от деятельности официальных пастырей страдают, в основном, пятидесятники. Вплоть до сентября 2002 г. они собирались по воскресеньям на молитву в доме своего пастора – Николая Павловича Калуцкого. Но после того как в том сентябре два священника (имя одного удалось установить – о. Давид Исакадзе, служил и служит в церкви пригородного села Дигоми) обошли его соседей и попросили вмешаться, 25 сентября в дом пастора ворвалась целая толпа (во главе с тем же о. Давидом; там было еще два священника, но те – по крайней мере, один из них – не так буйствовали), и в результате ее действий жену пастора, Веру Калуцкую, пришлось госпитализировать с сотрясением мозга. После трехдневной осады пастор Калуцкий был вынужден обещать районной полиции прекратить молебны на полгода.

Весной прошлого года пятидесятники попытались возобновить свои молебны, но не тут-то было – каждое воскресенье улицу перед домом перегораживали пикетчики. О. Давида среди них не было, но дух его был с ними, и они слушали «глас его живой» по своим мобильникам (во всяком случае, консультировались по телефонам с неким о. Давидом, скорее всего, с тем самым). Когда в августе

³ Напр., Созар Субелиани – один из самых наших безотказных журналистов, храбро берущийся за репортажи на такие темы, за которые не всякий возьмется – рассказывал, что когда в сентябре 1999 г. он заступился перед Душетским районом за местного баптиста, там обещали все исправить при условии, что он не будет об этом писать. См. Media Caucasia, №5, 2000, с. 92.

⁴ Здесь и далее курсивом даны сообщения Кавказского института (Тбилиси).

прошлого года начальнику районной полиции Темуру Анджапаридзе позвонил из Лондона корреспондент правозащитной организации «Форум-18» Феликс Корли и спросил, что происходит, ответ был: «Надоели вы мне со своими пятидесятниками. Запрещу им собираться, и дело с концом!» Я было подумал, что британец не понял шуток (вот оно, хваленое британское чувство юмора!), но 26 августа пастора Калуцкого все-таки предупредили, что регистрация его благотворительной организации почему-то отменена, а значит, собираться у него пятидесятникам больше нельзя. Правда, в виде исключения полиция разрешила пятидесятникам собраться еще раз у Калуцкого в последнее воскресенье сентября – 28 сентября, в День Жатвы.

В октябре пятидесятники собирались уже не под крышей, а в лесу близ Тбилисского моря. (К сведению господ иностранцев: октябрь в Тбилиси довольно холодный.)

В последний раз пятидесятники пытались собраться в доме Калуцкого 26 октября прошлого года, чтобы отметить день рождения своего пастора. В тот день пикетчики избили не только Николая Павловича, но и его 17-летнего сына Максима. (Как сказал ему один из пикетчиков: «Если бы нам разрешили, мы бы всех вас поубивали».) С тех пор они там больше не собирались.

Считается, что Патриархия о таких случаях ничего не знает. Тем более что ей несколько раз приходилось выступать с заявлениями, публично осуждающими мкалавшвилевских погромщиков. Но от нее исходили и другие заявления. Ограничусь парой примеров из тех, которыми нас регулярно угощают на Рождество.

В рождественском послании 1993 г., опубликованном многими газетами, Патриарх призвал нас к бдительности, сообщив, что ходят, ходят среди нас волки в овечьей шкуре и что есть среди нас такие, кто готов продать свою бессмертную шкуру за банку импортной тушенки. А 25 декабря 1999 г. газета «Резонанси» сообщила, что, по данным пресс-центра Патриархии, в Грузии действует десяток «антихристианских сект» – евангелисты, баптисты, Армия спасения, Свидетели Иеговы, сциентологи и др. Самые опасные из этих сект – сатанисты и Свидетели Иеговы. Журналистка писала, со ссылкой на тот же пресс-центр, что эти секты часто действуют под маской международных НПО – например, организация «Женщины за мир» – «не что иное, как ассоциация сатанистов». Патриархия предупреждает, что секты могут особенно активизироваться в канун нового тысячелетия, писала газета.⁵ Каких-либо опровержений из пресс-центра не последовало.

Когда Христианско-либеральная партия выступила с инициативой учреждения специальной полиции для борьбы с «оккультными и мистическими сектами», тогдашний глава пресс-центра Патриархии, г-н Давид Шарашенидзе, эту инициативу поддержал.⁶

А в отсутствие такой полиции церкви приходится в экстренных случаях мобилизовывать собственный ресурс. Вспомним, что в начале 90-х во главе толпы, устроившей обструкцию и сорвавшей проповедь приехавшего в Тбилиси знаменитого Билли Грэма, были православные священники вплоть до самых высоких рангов. Десять лет спустя православные священники устроили такую же обструкцию посланцу Ватикана.

Впрочем, есть и полиция – и не специальная какая-то, а самая обыкновенная. Это она грузовиками вывозила литературу (все ту же «Бхагавадгиту»), «конфискованную» в кришнаитском ашраме в сентябре 2000 г. Это она избивала евангелистов в Глдани. Есть и спецназ – тоже обыкновенный. Это он дважды разгонял собрания Свидетелей Иеговы. Все мы видели по телевизору, как спецназовцы в масках бегут на женщин и детей, стреляя из автоматов. (Они говорят, что стреляли в воздух. Представьте, что чувствует ребенок, на которого бежит здоровяк с автоматом.)

Пионеры

Я лично впервые столкнулся с проблемой религиозного насилия весной 1991 г., и, судя по всему, пионерами этого дела в Грузии были так называемые «мхедрионовцы» – члены самой значительной из тогдашних военизированных организаций «Мхедриони». Вскоре после ареста их лидера Джабы Иоселиани,⁷ на Рейтер поступили жалобы от местных кришнаитов. Мы с тогдашним тбилиским корреспондентом агентства Рейтер – ныне покойным Гиулом Антелавой – опросили тогда с полдюжины этих кришнаитов. Это стоит описать поподробнее: шутка ли, первые шаги юного религиозного экстремизма.

В общем, все кришнаиты рассказывали примерно одно и то же: мхедрионовцы приходили к ним в дом с наступлением темноты и после обыска вели их на суд в Александровский сад, где восседал под дубом, как святой король Людовик, сам Джаба. А Джаба, в свою очередь, отправлял их на экспертизу к некоему отцу Георгию.

⁵ Мэгги Цанава, «Берегись сатанистов – они ходят среди нас». «Резонанси», 25.12.99.

⁶ «Ахали таоба», 27.01.2001.

⁷ Как вы, может быть, помните, он был арестован солдатами разведроты одной из советских частей – судя по всему, по прямой просьбе Звиада Гамсахурдиа.

Мхедрионовцы отбирали у них не только «Бхагавадгиту» и изображения Кришны, танцующего в кругу пастушек (это для нас они – просто копеечные аляповатые картинки, а для кришнаитов это ведь не просто картинки). Они требовали показать, где спрятаны деньги – забирали и деньги, и все, что плохо лежит (у одного, например, забрали дедовскую саблю)... Один парень рассказывал, что его избили на глазах у жены и маленьких детей (дети были уже не грудные, понимали, что это над папой измываются; а жена была и сама еще ребенок – до сих пор помню ее круглые от ужаса глаза). Били и приговаривали: «Ты только посмотри на него – мусульманин, да и только!»⁸

Вот типичный рассказ кришнаита об «экспертизе». Отец Георгий задал ему пару вопросов о вероисповедании и поставил диагноз: «Этот человек не православный».

Мхедрионовец: Так что с ним делать?

Отец Георгий: Делайте, что хотите – хоть зарежьте, только не у меня во дворе.

М.: А с деньгами его что делать?

О. Г.: Ну, если он согласен, может пожертвовать их на церковь.

«Я сказал: «Возьмите из этих денег, сколько хотите, а всё я отдать не могу». Тогда один из них бросил все деньги в церковную кружку. Потом они вывели меня на улицу, напоследок еще наkostenали по шее и отпустили».

Фамилии этого о. Георгия кришнаиты, конечно, не знали (они вообще боялись спрашивать у своих мучителей что бы то ни было, тем более фамилии), но по всему получалось, что о. Георгий – не кто иной, как о. Георгий Гамрекели, ректор Духовной академии. Я сказал: «Гиул, не может быть – я знаю этого Георгия, он человек вполне широких взглядов, не мог он такого сказать». Что ж, пришли мы к о. Георгию, и он с застенчивой улыбкой показал нам с полдюжины экземпляров конфискованной «Бхагавадгиты», пылившейся у него на подоконнике, и подтвердил все остальное – кроме одной детали: в его передаче его ответ на вопрос: «Что делать?» выглядел так: «Поступайте, как велит вам ваша совесть, но помните, что церковь не одобряет насилия». Мне кажется, о. Георгий догадывался, как им велит поступить их совесть, но «Мхедрионы» боялся не меньше, чем кришнаиты.

В результате Тбилиси – чуть ли не единственная столица на постсоветском пространстве (вторая такая – Ереван⁹), где вы не услышите на улицах кришнаитского пения.

А репортаж в эфир не пошел: по словам Г. Антелава, Рейтер почему-то передумало – то ли им показалось, что широкую публику такие пустяки не заинтересуют, то ли сработало какое-то табу. Я даже не знаю, хранится ли репортаж до сих пор в рейтерских архивах или был сразу выброшен за ненадобностью.

К чему я рассказал эту историю? В частности, к тому, что на протяжении последующих лет это табу работало по-прежнему – ни тогда, ни впоследствии местные и зарубежные журналисты не написали об этом случае практически ничего. Да и сами пострадавшие просили не поднимать шума – как бы еще хуже не вышло.

То же самое повторилось, когда Грузию принимали в Совет Европы. Сюда приезжал некий дяденька из Совета Европы выяснять, как у нас обстоят дела со свободой совести, с религиозной терпимостью и т.д. Я потом читал его доклад. Доклад был большой, там о других свободах говорилось много, а о свободе совести – всего один абзац, и в нем было сказано следующее: встретился с главами трех конфессий, а именно православным патриархом, еврейским верховным раввином и епископом Армянской Григорианской Церкви, и они мне сообщили, что с религиозной терпимостью в этой стране все в порядке. И это уже после того, как в Грузии были случаи сожжения книг. Не знаю, встречался ли он с представителями религиозных меньшинств – скажем, с протестантами, и если нет, то почему? Может, даже и не встречался. Но если даже и встречался, то «в эфир» это опять же не пошло.

Сообщения нашего Кавказского института о таких случаях как в воздухе растворялись. Но такие случаи получили, наконец, широкую огласку и «признание» ряда международных организаций – таких, как Human Rights Watch, Amnesty International, Евросовет и ООН – и удостоились внимания Госдепа США и ряда европейских МИДов, и в этом большая заслуга именно нашего о. Василия Мкалавишвили.

⁸ Спустя 10 лет лидер этих кришнаитов Якоб Джиджавадзе рассказывал, что тот парень после всего пережитого заболел психически и вскоре уехал из Грузии.

⁹ Там пик религиозных погромов пришелся на апрель 1995 г., когда отряды другой военизированной организации, Еркрапа, целую неделю громили религиозные организации, не относящиеся к Армянской Апостольской Церкви. См. Э. Аюбян, Media Caucasia, №5-6, стр. 95; М. Danielyan, War Report, Dec. 1997 – Jan. 1998, p. 18. После этого всплеска Армения уступила пальму первенства Грузии – религиозная нетерпимость в той стране перешла в латентную фазу.

Разрушение церквей

Таких случаев было два. Первой разрушили строившуюся в с. Шемокмеди Озургетского р-на церковь ИПЦ (октябрь 2002 г.). Разрушили отнюдь не «басилисты», а местные крестьяне – с благословения местного священника.

Второй случай: в ночь с 14 на 15 июня 2003 г. неизвестные лица подожгли церковь евангельских христиан-баптистов в с. Ахалсопели (Кварельский р-н Грузии). Все, что было в здании, сгорело, остались закопченные стены. Церковь служила местом молитвы для нескольких десятков семей местных баптистов. Они уверены, что это дело рук местного православного священника, о. Бесариона Зурабишвили, неоднократно угрожавшего спалить эту церковь.

Так что «о. Василий» тут ни при чем.

Избиения

Мы все, наверное, слышали о массовых избиениях Свидетелей Иеговы. Слышали и о том, как 24 января 2003 г. сотня «басилистов» сорвала экуменистическую службу в баптистской церкви (см. Приложение). Я приведу пару сообщений нашего института о других, не столь знаменитых случаях.

В воскресенье, 23 сентября 2001 г., «басилисты» (сам Василий Мкалавишвили и с ним человек 20-25) избили в Глданском р-не г. Тбилиси евангельских христиан (пятидесятников) из общины «Мадли». Вот что рассказали пасторы общины: Заал и Нино Ткешелашвили:

«Среди нападавших были учителя двух средних школ г. Тбилиси (№173 и №174). «Басилисты» били нас дубинками и палками, сшибали женщин с ног, пинали их, таскали за волосы, выхватывали у них сумки. Они не щадили даже детей. Несколько человек безжалостно избили пастора Заала. Они разбили его машину. Они кричали: «Предатели, проститутки, коррумпированные антихристы, вон из Грузии!»

По словам евангелистов, 16 из них получили телесные повреждения, 7 из них (в том числе пастор Заал) – серьезные телесные повреждения. Официальная судмедэкспертиза зарегистрировала телесные повреждения у 12 человек.¹⁰

Это далеко не первый случай нападения на общину «Мадли» в Глданском р-не.

Еще одно избиение евангелистов в Тбилиси

Тбилиси. – 23 декабря 2001 г., примерно в 1 час дня, когда в зале кинотеатра «Иберия» подходила к концу воскресная служба евангелисткой церкви «Слово жизни», к кинотеатру подходил автобус, из него выскочили с полсотни последователей ультраправославного о. Василия (Мкалавишвили), проследовали с колокольным звоном в зал, где шла служба, и принялись избивать молящихся и крушить все вокруг. Сам о. Василий в зал не вошел, остался у входа вместе со своим верным помощником, Петрз Иванидзе.¹¹ Нападавшие шарили по карманам, отбирали деньги, документы, женские сумки. Они разбили кафедру пастора, аудиосистему (магнитофон, микшер, усилитель, динамики), проектор и т.д., унесли синтезатор «Ямаха», микрофоны, а также деньги из церковной кассы, разорвали несколько экземпляров Библии, Ветхого Завета и другой религиозной литературы.

По словам пастора, Мамуки Джебисашвили, двое из его прихожан – Каха Чхаидзе и Бадри Мачиташвили – были избиты самым зверским образом. Среди избитых есть не только мужчины (Рамаз Джеладзе, Георгий Мачитадзе, Джемал Сакуашвили, Важа Джабанишвили и др.), но и женщины (Энди Мамателашвили и др.). Пострадали не только евангелисты – налетчики избили одного из служащих охраны кинотеатра и разбили телекамеру оператора аджарского телевидения, снимавшего все происходящее (но его коллеги не подкачали, и в тот же день это побоище было показано по двум каналам грузинского ТВ – «Аджария» и «Рустави-2»). Они пытались ворваться и в другую комнату, где шло занятие воскресной школы для детей, но одна из женщин, проводивших занятие, успела запереть железную дверь.

Тем временем охрана кинотеатра позвонила в районное отделение полиции. Прибывшие полицейские помогли эвакуировать детей и не дали налетчикам утащить из вестибюля висевшие там пальто и куртки, но наотрез отказались войти в кинозал, пока там шла свалка (по словам пастора, длилась она минут 25). За несколько минут до ее окончания еще один автобус привез налетчикам подкрепление: еще с полсотни родственных душ, но те почему-то особенного рвения

¹⁰ Вот их имена: женщины – Ламзира Абрамишвили, Лия Абрамишвили, Мари Арутинова, Лела Гурашвили и ее 12-летняя дочь, Натия Зауташвили, Нино Казишвили, Цира Сатирашвили; мужчины – Васико Басишвили, Гера Басишвили, Яго Малдзигашвили и пастор Заал Ткешелашвили.

¹¹ У них были причины вести себя осторожно: по настоянию правозащитных и религиозных организаций, против обоих тогда уже было возбуждено уголовное дело по 6-ти статьям УК (125, 150, 155, 156, 160 и 220). Следствие закончилось еще в октябре 2001 г., и тогда же дело было передано в Дидубе-Чугуретский райсуд суд г. Тбилиси, но на момент написания этого доклада дело не слушалось ни разу.

не проявили (возможно, не захотели ссориться с полицией). Их товарищи начали покидать помещение – без излишней суеты, с чувством выполненного долга – и представлять перед своим духовным отцом. Тот громогласно поблагодарил их за усердие, и после подобного случая краткого митинга все перекрестились и разошлись.

По словам одной из избитых, Энди Мамателашвили (ее избивали несколько мужчин), когда она обратилась в 1-ую горбольницу, врач нашел у нее все признаки сотрясения мозга, но присутствовавшая при их разговоре замглаврача сказала, что все это пустяки, чисто нервное, фактически запретив коллеге записать предварительный диагноз.

Сожжения книг

Литературу Свидетелей Иеговы жгли у нас часто и помногу. Один из самых ярких случаев – когда «басилисты» жгли их книги прямо перед зданием суда, где слушалось дело по иску г-на Гурама Шарадзе против их Сторожевой башни – речь шла о том, запретить или нет их вредоносную секту в Грузии. (Кончилось тем, что запретили.)

Одним из самых грандиозных дел было, когда «басилисты» спалили книги, хранившиеся на складе Библейского общества – тысячи экземпляров Библии на нескольких языках – грузинском, армянском, осетинском – и детские книжки о жизни Иисуса. Интересно, что, выступая по телевидению, Мкалавишвили описывал этот свой подвиг как уничтожение «вредных сочинений иеговистского епископа Сонгулашвили». Как вы, наверное, знаете, присутствующий здесь среди нас епископ Малхаз Сонгулашвили – баптист, но В. Мкалавишвили, очевидно, считал, что если о допустимости сожжения баптистской литературы еще можно спорить, то уж за иеговистов ни один нормальный человек не заступится.

Но книги жжет не только Мкалавишвили. Грузинские переводы «Бхагавадгиты» и «Махабхараты» (академич. издания) были сожжены под руководством и по инициативе совсем другого духовного лица. Это лицо не было лишено сана ни до, ни после сожжения книг – наоборот, было повышено в сане.

Школьный учебник «Религия и культура» (автор Резо Тварадзе) был сожжен Ассоциацией православных родителей за то, что в нем употреблялись такие выражения, как «католическая церковь» и «лютеранская церковь», а не «так называемая католическая церковь» или «лютеранская ересь». (В результате Министерство просвещения было вынуждено изъять эту книгу из учебных программ и заказать новый учебник.)

В прошлом году кутаисские учительницы рассказывали, что учителя и священники велели школьникам, у кого есть изданные протестантами книжки с картинками о жизни Иисуса, снести их на школьный двор и сжечь собственноручно – что и было исполнено.

Раз уж зашла речь о Кутаиси, вспомним и о старинном органе, стоявшем в Кутаисском соборе. Раньше этот собор был католическим, в советское время он стал православным, но орган в нем оставался католическим (по мнению наших богословов, орган православным быть не может) – вот за это его разнесли вдребезги.

Конфискация книг

Книги конфискуют на таможне; книги, прошедшие через таможню, конфискуют по дороге в Тбилиси пикеты «о. Василия» – по-видимому, с подачи таможни. Иначе откуда бы он узнавал? С таможни ему звонили и говорили, что идет транспорт с литературой.

Погромщики и СМИ

После того, как газета «Резонанси» опубликовала статью Гии Якобашвили с осуждением погромов свидетелей Иеговы, 25 сентября 2000 г. толпа «басилистов» ворвалась в редакцию, вытолкала оттуда журналистов и заварила железную дверь редакции автогеном (приварила к железной раме). Тут уж полиции пришлось их разогнать (как-никак, журналисты – не иеговисты).¹²

«4 мая 2002 г. телестудия "Стерео-1" ("Пирвели стерео", "Stereo One") получила по факсу следующее предупреждение (мы постарались сохранить в переводе особенности стиля оригинала):

«Президенту телекомпании "Стерео-1"

¹² Лаша Тугуши, «Грузия – страна, заблудившаяся в пустыне», «Резонанси», 26.09.2000.

Несмотря на неоднократные предупреждения, вы по-прежнему упорствуете, освещая по вашему каналу мучительные передачи (sic!), отравляющие нацию.

Мы вновь наставляем вас: не продавайте веру отцов и дедов ваших за доллары, знайте, что все блага земные, добытые таким путем, пребудут без всякой пользы.

Мы категорически предупреждаем вас: если мы еще раз увидим на вашем экране сектантскую передачу, руководство телекомпании будет предано анафеме и тем самым обречено на вечные муки.

Учтите, мы еще раз устроим перед вашим офисом многолюдную акцию, и в таком случае на крыше вашей компании ни останется никакой передающей аппаратуры.

Лучше одумайтесь.

Пресс-служба Гдланской православной епархии

[Печать (по-греч. и почему-то по-англ.)¹³: "Гдланская православная епархия"] »

«Группа православных семинаристов напала сегодня, 28 января 2003 г., на работников кутаисского радио «Дзвели калаки» («Старый город»).

История такова.

25 января кутаисский суд постановил прервать вещание этой радиостудии (единственной независимой радиостудии в Кутаиси) – официально, на основании жалобы горожан на вредное излучение, исходящее из ее передатчика. Как оказалось, у студии не было т.н. санитарного паспорта. Такого паспорта нет ни у одной грузинской радиостанции, утверждают работники студии. Они также утверждают, что у них есть веские причины подозревать, что жалобщики находятся под влиянием местных церковных (православных) властей, которым не нравятся еженедельные 20-минутные передачи этой студии, рассказывающие о жизни и истории местной католической общины (а иногда о ее проблемах). Как говорят радиожурналисты, кутаисский епископ Каллистрат неоднократно публично предостерегал свою паству от этих передач.

Возмущенные постановлением суда журналисты (они говорят, что никакая санитарная служба никогда не предъявляла им никаких претензий по поводу их радиовещания) вышли на акцию протеста. Вот тут-то на них и напали семинаристы».

Митинги и демонстрации

Говоря об актах насилия, нельзя обойти вниманием и митинги. Правда, они наносят не физические, а только душевные травмы потенциальным жертвам насилия, но зато служат отличным средством для «мобилизации масс» и взвинчивания аудитории. Еще совсем недавно на центральных улицах Тбилиси можно было увидеть толпу «басилистов», с хоругвями и колокольным звоном идущую от памятника Руставели к зданию парламента или Госканцелярии. Они несли не только хоругви, но и плакаты. И рядом с плакатом: «Объявить православие государственной религией!» можно было увидеть плакат: «Искореним иеговистскую секту!»

Один из таких митингов завершился торжественным сожжением портретов того же Гиги Бокерия прямо перед зданием парламента. При этом «о. Василий» громогласно пообещал: «Сегодня мы жжем только его изображения, но скоро сожжем и его самого!»

После описанного выше избиения евангелистов из «Мадли» «басилисты» устроили перед зданием парламента митинг, на котором торжественно провозгласили врагами нации и православия множество членов НПО и официальных лиц, включая тогдашнего министра внутренних дел Кахи Таргамадзе, которого, казалось бы, никак невозможно было заподозрить в симпатиях к вражеским сектам.¹⁴ Чтобы нация знала своих врагов в лицо, перед этим они с колокольным звоном пронесли по центральной улице их портреты. Полиция не вмешивалась.¹⁵

Там, где не доходят руки у «о. Василия», его функции охотно берет на себя парламентарий Гурам Шарадзе, возглавляющий общественное движение «Наша Грузия» (раньше оно называлось «Грузия превыше всего», но накануне выборов 2001 г., г-н Шарадзе, устав объяснять населению, что «фашизм – это не ругательство, а идеология», был вынужден зарегистрировать его под новым названием).

Вот еще пара сообщений (все не поместятся) нашего Кавказского института:

В пятницу, 3 мая 2002 г., предводитель движения "Наша Грузия" ... парламентарий Гурам Шарадзе провел митинг в с. Зурговани (в окрестностях Тбилиси), где баптисты строят приют

¹³ Объяснить такое явное нарушение правил жанра моих скромных умственных способностей не хватает. Единственное разумное объяснение, которое я смог придумать: может, печать эта – дар греческого владыки Киприана, почему-то решившего, что о. Василию Мкалавишвили английский язык понятнее греческого.

¹⁴ По-видимому, его обвиняли в преступном бездействии: за все время своего пребывания у власти он ни разу не повесил ни одного злодея-сектанта.

¹⁵ Как объяснил потом по телефону один из полицейских, «они («басилисты») ведь шли по тротуарам и не мешали уличному движению».

для престарелых, и объявил собравшимся местным жителям: "Ничего построить мы им не дадим".

31.07.03, Тбилиси. У украинского посольства состоялся митинг протеста против намеченного на 7-10 августа в Киеве всемирного слета Свидетелей Иеговы. Среди участников митинга было много прихожан авантюриста о. Василия Мкалавишвили, но роль самого Мкалавишвили, по сложившейся уже традиции, исполнил парламентарий Гурам Шарадзе... Он рассказал собравшимся, как в свое время пресек попытку Свидетелей Иеговы собраться в Тбилиси («Они хотели собраться на стадионе Динамо, но мы им не разрешили»), затем огласил письмо к Президенту Кучме, в котором призвал его спасти украинское православие от смертельной угрозы. Выступивший затем отец Габриэль (из мкалавишвилевской Глданской епархии) подтвердил, что съезд иеговистов будет «катастрофой страшнее Чернобыля». Выступавшие поклялись не выпустить из Тбилиси на съезд ни одного сектанта и поругивали НПО, Институт свободы и Кавказский дом – «покровителей иеговистов», но в целом митинг прошел не так бурно, как бывало раньше.

Итак, действующие лица: официальная церковь (Патриархия и приходские священники), полиция и суд, а затем уже Глданская епархия, «Джвари», «Грузия превыше всего», «Мдзлевели», Ассоциация православных родителей...

Произошел ли перелом? Что впереди?

В последнее время погромщики заметно приутихли. Начиная с августа, в Тбилиси не было ни настоящих погромов, ни «антисектантских» митингов. Чуть ли ни единственное исключение составляет молитвенный дом пятидесятников в т. н. Санзоне: воскресные молитвенные собрания там так и не возобновились. Правда, перед домом уже не собираются пикетчики – но они потому и не собираются, что собрания не возобновились. Пастор Калуцкий вовсе не уверен, что если на его единоверцев снова станут нападать, то новые власти будут их защищать лучше старых.

Я сказал: наступило затишье. Это, конечно, еще не значит, что наступило благорастворение воздуха: адвокат Манучар Циминтия, например, сообщает, что под Новый год кто-то опять оскорблял Свидетелей Иеговы в г. Сенаки. А вот это уже посерьезней: в декабре кто-то угрожал облить бензином и сжечь молитвенный дом евангелистской общины г. Самтредиа.

Но вернемся к затишью. Чем оно вызвано? Тут, по-видимому, сыграли роль два события.

Приезд из ООН спецдокладчика по религиозной нетерпимости в августе прошлого года. Во всяком случае, с тех пор как прошел слух, что он приезжает, наши «герои» присмирели. Может, это случайное совпадение, но у меня такое впечатление, что кто-то, наделенный властью, сказал им: «А теперь – ша!»

Неудачное выступление Мкалавишвили и Шарадзе в поддержку Шеварднадзе за день или два до его свержения. Теперь их сторонники притихли и думают: «Что-то будет?»

Однако точно предсказать ситуацию пока трудно. Меня, как и многих, сильно смущает приверженность новых властей православной символике и риторике.

К сожалению, у меня нет сейчас времени высказывать свои предположения о том, насколько наш православный фундаментализм подпитывается официальными церковными структурами России. Сколько-нибудь точных данных об организационном или финансовом вкладе этих структур – тем более, спецслужб – в происходящие у нас процессы нет ни у кого, и все рассуждения на эту тему носят, мягко говоря, чисто умозрительный характер. Единственное, что я могу сказать с достоверностью – это то, что наша церковная пресса охотно перепечатывает все шедевры российской обскурантистской мысли. В одноименной газете ярой православной организации «Мдзлевели» появился даже новый для Грузии жанр – антисемитские статьи с цитатами из «Протоколов сионских мудрецов». Невозможно себе представить, чтобы эти статьи были плодом самостоятельных «разысканий» местных энтузиастов.

Приложение

«Сазклесио мацне» – «Kirchenbote» – «Церковный вестник» (Евангелическо-Лютеранская Церковь в Грузии), февраль 2003, стр. 5

Собственно говоря, на этой странице нашего «Церковного вестника» должен был находиться отчет об экуменистическом богослужении, которое планировалось провести 24 января 2003 года. Уже в течение пяти лет дружеские христианские Церкви Грузии – Армянская, Баптистская, Католическая и Лютеранская – проводят это богослужение в конце января каждого года. Так делается во всех экуменистически настроенных Церквях мира.

Наше богослужение, однако, было сорвано из-за очередного акта религиозного террора. Бывший священник Б. Мкалавишвили с более чем сотней хулиганов блокировал подступы к Баптистской Церкви на ул. Кедия. Они ворвались и в саму церковь, учинив там акты вандализма, а также напали на прихожан Церкви и гостей, ранив некоторых из них. Как известно, это был не первый случай религиозного террора со стороны этой ортодоксальной секты: год назад руководитель группы и его приспешники разгромили склад Грузинского Библейского общества и сожгли десятки тысяч Библий и другой христианской литературы. Тот факт, что господин Мкалавишвили до сих пор не предстал перед судом и не понес наказания за свое криминальное действие, доказывает, что он находится под защитой высоких властей.

Мы очень опечалены продолжающейся религиозной нетерпимостью и насилием в Грузии и ожидаем, что компетентные органы, наконец, примут решительные и энергичные меры. Ущерб, который наносится Грузии, велик, и, прежде всего, в международном смысле. Но, возможно, именно это и является скрытой целью данной секты, т.к. похоже, что ее поддерживают силы, заинтересованные в сохранении нестабильной ситуации в Грузии и использующие ее как инструмент в осуществлении своих целей.

СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ **ОТДЕЛ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ**

Пресс-релиз

11 июня 2001 г.

Нападения, организованные православными священниками, продолжаются

8 июня 2001 г. группа из 30 человек, подстрекаемых православными священниками Гочей Цаава и Георгием Басилая, напала на собрание Свидетелей Иеговы в г. Мартвили. На глазах у священников толпа нанесла оскорбление двум женщинам – у одной переломали палку, а другой дали пощечину. Священники попытались заставить одну из пострадавших целовать крест. Полиция находилась там же, но отказалась вмешиваться.

В нынешнем году это уже шестое по счету нападение со стороны православных священников на Свидетелей Иеговы. Это нападение произошло именно в тот день, когда в «Дилис газети» было опубликовано заявление Патриарха Грузии: «Грузинская Церковь не выходит за допустимые православной церковью рамки – за рамки мирных призывов».

СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ **ОТДЕЛ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ**

Пресс-релиз

18 июня 2001 г.

Полиция отказывается подавлять зверское нападение

Тбилиси. – «Знали бы мы, что это на вас напали, мы бы и не подумали прийти». Вот что, по словам очевидцев нападения, Ило Робакидзе и Георгия Кикнавелидзе, сказали два офицера полиции, приехавшие на место происшествия во время последнего нападения на Свидетелей Иеговы.

В воскресенье, 17 июня, в 11.44, когда в Тбилиси в Ортачала проходило собрание Свидетелей Иеговы, на них опять зверски напала толпа из 50-60 мужчин и женщин. Пострадавшие опознали среди нападавших известных последователей Василия Мкалавишвили – Петрэ (он же Гия) Иванидзе, Нодара Асланашвили, Вахтанга Дадунадзе, Мамуку Картозия и Зураба Ломтатидзе, и раньше участвовавших в таких нападениях.

Взломав дверь и выбив окна, толпа ворвалась в дом, где проводилась встреча. Они занялись расхищением мебели, личного имущества и сотен экземпляров библейской литературы, вынесли их на улицу и сожгли. Нападавшие приказали женщинам снять обувь, а потом унесли ее вместе с другими личными вещами и деньгами. Дети с криками убегали, когда видели, как их отцов избивают дубинками. Один из налетчиков порвал на одной женщине юбку и угрожал, что разденет ее и силой проведет по улицам. Георгию Кикнавелидзе и другим пострадавшим была оказана медицинская помощь вследствие кровотечений и ушибов. Нана Робакидзе, мать троих детей, получила шок, защищая свою трехлетнюю дочь Тамуну, которая с детства страдает пороком сердца.

С октября 1999-го года это уже 77-ое нападение на Свидетелей Иеговы. В полицию поступило 314 заявлений, но никого не привлекли к ответственности. Нет никакой надежды, что будут приняты какие-либо меры и со стороны Генеральной прокуратуры или Министерства внутренних дел.

СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ ОТДЕЛ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Пресс-релиз

1 октября 2001 г.

РУСТАВИ, ГРУЗИЯ. Сегодня около 13:00 группа из 14 человек, членов экстремистской православной организации «Джвари», совершила нападение на собрание Свидетелей Иеговы в городе Рустави, избив присутствующих и похитив литературу. По словам очевидцев, предводитель группы «Джвари» Паата Блуашвили лично участвовал в избиении одного из пострадавших и при этом с гордостью говорил: «А теперь идите жалуйтесь, я не боюсь».

Это высказывание – еще один пример того, как бездействие со стороны милиции и прокуратуры вдохновляет экстремистов на дальнейшую деятельность. По свидетельству пострадавших, члены группировки «Джвари» принимали участие и в нападениях религиозных экстремистов в пятницу, 28 сентября, когда им было позволено перекрыть автомобильную магистраль в Тбилиси, избить Свидетелей Иеговы, направлявшихся на конгресс в соседний город, Марнеули, и разбить машины делегатов. Утром того же дня, 28 сентября, вооружившись обрезам и другим огнестрельным оружием, они устроили погром на месте проведения конгресса Свидетелей Иеговы в самом Марнеули, избив при этом многих делегатов конгресса.

Видеоматериалы об имевших ранее место расправах см. на www.jw-georgia.org.

**Георгий Нижарадзе, Эмзар Джгеренаи,
Яго Качакишвили, Русудан Мшвидобадзе,
Георгий Хуцишвили**

**ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГРУЗИИ О ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С РЕЛИГИЕЙ.
РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Введение

После распада СССР и обретения Грузией независимости религия играет все возрастающую роль в общественной жизни. В условиях разрушения привычных ориентиров и тяжелого экономического кризиса православие, вместе с национальностью, стало основным идентификатором для большинства населения Грузии. Выражение лояльности по отношению к Грузинской Православной Церкви (ГПЦ) стало чуть ли ни обязательным атрибутом публичных выступлений. Кроме того, наметилась тенденция сближения и отождествления уже упоминавшихся идентификаторов (грузин - православный). При молчаливом попустительстве властей и СМИ усилились фундаменталистские круги, которые от пропаганды против т.н. "сект" (особенно Свидетелей Иеговы) перешли к прямому насилию - уничтожению религиозной литературы, разгону собраний, погромам молитвенных домов.

В этих условиях Международным исследовательским центром по конфликтам и переговорам было инициировано проведение социологического опроса в крупных городах Грузии с целью выявить реальные настроения и установки населения, а также выяснить, какое место занимает религия, в частности православие, в массовом сознании. Ниже приводятся общие результаты опроса.

Методология

Опрос был проведен в июле 2003 года. Исследование проводилось методом количественного социологического опроса. Тип опроса - интервью лицом к лицу (face to face interview).

Опрос проводился в трех городских центрах Грузии: Тбилиси, Кутаиси и Гори.

Генеральная совокупность включала 1000 респондентов. В случае каждого города количество респондентов определялось с учетом соблюдения репрезентативности результатов исследования. Тбилиси – 400 респондентов, Кутаиси – 300 респондентов, Гори - 300 респондентов. Респондентами были выбраны граждане православного вероисповедания и те представители других конфессий, которые изъявили желание участвовать в опросе.

Выбор респондентов производился на основании квот, а также по принципу случайной выборки. Интервал (шаг) между респондентами определялся по принципу: по одной семье в каждом десятом доме на больших улицах и по одной в каждом пятом доме на маленьких улицах. Если контакт с респондентом по той или иной причине был невозможен, интервьюер переходил к следующему шагу. Данный принцип обеспечивал полный охват и разброс респондентов.

В пределах выбранных квот, для максимального обеспечения случайности, был избран принцип ближайшего дня рождения. В том случае, когда член семьи, избранный по данному принципу, не соответствовал квоте, интервьюер переходил к следующей семье до нахождения нужного респондента.

Интервьюерам давались географические точки выборки и количество респондентов (по квотам районов и улиц).

В полевых работах было задействовано 20 интервьюеров, которые прошли специальный инструктаж.

Данные были обработаны компьютерной программой SPSS (10-я версия).

Считаете ли вы себя верующим?

Считаю себя глубоко верующим	18.5
Более или менее	77.8
Не считаю себя верующим	5.3
Затрудняюсь ответить	0.4

Таким образом, почти 95% респондентов сочли себя верующими. Это очень высокий показатель; настолько высокий, что можно сделать вывод: сегодня в Грузии религиозность является одним из главных социальных идентификаторов (наряду с национальностью), а индивид, признающийся в нерелигиозности, в глазах общества (во всяком случае, городского) "теряет лицо". Другими словами, религиозность превратилась в социальное установление и стала практически необходимым атрибутом "нормативного" члена общества - грузина. Можно допустить, что социально приемлемое и религиозно допустимое перекрывают друг друга. Можно ожидать, что все недопустимое с религиозной точки зрения будет и социально неприемлемым.

2. К какому вероисповеданию причисляете себя?

Православный	94.0
Католик	0.3
Протестант	0.2
Другое	5.5

Опрос был ориентирован на изучение мнений в первую очередь грузинских православных, поэтому данный результат не отражает реального распределения различных конфессий в Грузии.

3. Насколько часто вы выполняете следующие обряды?

	Регулярно	Иногда	Редко	Никогда
1. Посещение духовного наставника	9.8	13.2	19.8	57.3
2. Присутствие на службе	12.6	26.6	36.6	24.8
3. Соблюдение поста	11.6	12.0	17.8	58.7
4. Исповедь, причастие	9.5	9.6	13.8	67.2

Как видим, примерно 10% верующих респондентов можно отнести к строго выполняющим предписания церкви (нерелигиозным респондентам данный и предыдущий вопросы не задавались). Из церковных предписаний наиболее часто выполняется посещение службы; по-видимому, это объясняется тем, что выполнение данного правила наименее дискомфортно и в то же время наиболее заметно для других.

Результаты подтверждают, что сегодня в Грузии религиозность является социальным установлением и не обязательно идентифицируется с "церковностью" (т.е. строгим выполнением всех религиозных предписаний).

4. Как вы оцениваете деятельность перечисленных структур?

	Положительно	Скорее положительно, чем отрицательно	Скорее отрицательно, чем положительно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
1. Парламент Грузии	1.2	4.7	22.7	71.5	0
2. Правительство Грузии	1.1	4.2	19.3	75.4	0
3. НПО	5.9	25.0	28.1	38.6	2.4
4. Патриархия	38.6	38.2	12.7	9.0	1.5
5. СМИ	25.6	41.3	18.3	14.5	0.3
6. Полиция	2.3	5.7	16.7	75.2	0.1
7. Прокуратура	3.0	5.5	17.1	73.8	0.7
8. Суд	3.1	8.0	20.3	67.6	0.7

Картина ясна - резкое недоверие ко всем ветвям власти и государственным структурам. Наибольшим доверием пользуется Патриархия, затем СМИ. Неправительственный сектор оценивается в целом отрицательно, однако гораздо в меньшей степени, чем госструктуры.

5. Какие у вас отношения с представителями следующих вероисповеданий?

		Родствен ные связи	Дружеские связи	Деловые связи	Соседи	Простой знакомый	Не знаком
1.	Католик	3.1	9.4	1.8	4.9	17.9	62.9
2.	Протестант	0.3	1.3	0.5	0.4	4.5	92.9
3.	Свидетель Иеговы	2.5	1.8	1.1	15.6	22.8	56.3
4.	Баптист*	0.5	0.7	0.1	2.2	5.4	90.9
5.	Пятидесятник	0.7	0.6	0.7	2.4	5.9	89.5
6.	Мусульманин	0.7	9.1	2.5	6.7	21.8	59.2
7.	Иудей	1.1	16.5	1.9	6.8	20.6	53.0

*Мы сочли необходимым выделить протестантскую и баптистскую деноминации по отдельности, поскольку, как показало пилотажное исследование, в грузинском массовом сознании термин "протестант", в основном, ассоциируется с жителями англоязычных стран, а "баптист", очевидно, под влиянием соответствующей пропаганды со стороны Грузинской Православной Церкви, - с т.н. сектантами.

Как показывают результаты, из перечисленных религиозных групп иудеи, мусульмане и католики сравнительно больше интегрированы в грузинское общество, хотя степень интеграции не высока. Остальные религиозные группы, в том числе давно существующие в Грузии баптисты, пятидесятники, видимо, ведут более замкнутую жизнь. Интересно, что ответ "простое знакомство" чаще всего встречается по отношению к Свидетелям Иеговы, что, по-видимому, связано с активной прозелитской деятельностью членов этой религиозной группы.

6. Как вы относитесь к представителям следующих вероисповеданий?

		Положите льно	Скорее положите льно, чем отрицате льно	Скорее отрицате льно, чем положите льно	Отрицате льно	Затрудня юсь ответить
1.	Католик	17.0	59.0	12.8	10.6	0.7
2.	Протестант	6.5	41.2	22.8	26.2	3.3
3.	Свидетель Иеговы	2.3	13.3	21.8	62.0	0.7
4.	Баптист	3.0	16.5	28.3	49.9	2.3
5.	Пятидесятник	2.4	15.5	26.6	53.7	1.8
6.	Мусульманин	8.5	40.6	22.8	27.3	0.8
7.	Иудей	11.2	47.8	17.2	23.3	0.6

Итак, наибольшей симпатией пользуются католики. Возможно, это связано с общей прозападной ориентацией населения Грузии, которая все еще превалирует, несмотря на антизападную пропаганду, исходящую из некоторых кругов. Кроме того, возможно, свою роль играет близость исповеданий. То же самое можно сказать в отношении протестантов. По сообщениям интервьюеров, многие респонденты имели смутное представление о протестантизме, тем не менее ассоциировали его, в основном, с англичанами и американцами. Заслуживает также внимания сравнительно высокая оценка иудеев и мусульман. Видимо, эти религии в обществе, где превалируют православные, не воспринимаются как угрожающие собственной религиозной идентификации. Наиболее отрицательную оценку получили т.н. секты, особенно Свидетели Иеговы. Можно предположить, что это определяется не только активной пропагандистской кампанией, ведущейся в их отношении со стороны кругов, близких к Грузинской Православной Церкви, но и тем, что образ жизни членов религиозных групп, маркируемых как "секты", и особенно Свидетелей Иеговы, резко отличается от "общепринятого". Как известно из социальной психологии, такое легко порождает подозрительность и враждебность.

7. Из приведенных парных утверждений выберите те, с которыми наиболее согласны.

а)

Для Грузии будет лучше, если все грузины будут православными христианами	79.4
Для благополучия Грузии не будет хуже, если в стране будут грузины, исповедующие другие религии	20.3
Затрудняюсь ответить	0.3

Результат отражает выявившуюся в последние годы тенденцию отождествления национальности и православия.

б)

Выбор религии является личным делом каждого человека, и общество не имеет права вмешиваться в это дело	59.1
Общество (семья, школа и др.) должно активно вмешиваться в религиозный выбор своих членов	40.5
Затрудняюсь ответить	0.4

Ответы на данный и следующий вопросы в какой-то мере выделяются на фоне общей картины, показанной опросом (имеется в виду преобладание таких мнений, как желательность объявления православия государственной религией, ограничение неправославных религиозных групп, грузины должны быть православными и т.п.). Преобладание ответов в пользу свободы вероисповедания вселяет оптимизм; возможно, полученные результаты связаны с ростом индивидуализма, либо другими факторами, требующими дополнительного исследования.

Можно обобщить полученные результаты и оценить их как проявление амбивалентности, вообще характерной для общественного мнения в переходный период. По данным различных исследований, в грузинском общественном сознании сосуществуют противоположные установки - желание "железной руки" и поддержка свободы личности, требование верховенства закона и приверженность к ценностям, характерным для неправового общества (традиции, неформальные институты власти) и т.п.

в)

В школьном курсе по истории религии желательно преподавать историю только православной церкви	50.3
Желательно, чтобы школьный курс по истории религии включал в себя историю всех основных религий	49.3
Затрудняюсь ответить	2.3

Интерес к другим религиям, проявленный почти половиной опрошенных, можно связать с предыдущим вопросом и, по нашему мнению, является показателем определенных демократических тенденций в обществе.

г)

Наличие в Грузии различных сект является показателем высокого уровня демократии и свободы личности	16.0
Секты финансируются зарубежными силами с целью поставить под угрозу целостность Грузии и стабильность	81.7
Затрудняюсь ответить	2.3

Мы намеренно включили в нескольких вопросах некорректный с научной точки зрения термин "секты", поскольку ГПЦ и околоцерковные круги уже давно ведут целенаправленную пропаганду против религиозных групп, сравнительно недавно укоренившихся в Грузии и именуемых сектами, так что термин в общественном сознании имеет вполне выраженное содержание с негативной коннотацией. Результат отражает действенность пропаганды.

д)

Предпочтительно, чтобы церковь активно вмешивалась в социально-политическую жизнь Грузии и публично объявила свои приоритеты	35.5
Предпочтительно, чтобы церковь осталась аполитичной и независимой от государства	63.2
Затрудняюсь ответить	2.3

По нашему мнению, результат можно объяснить тем, что на момент проведения опроса в общественном сознании политика и политики были дискредитированы, и потому большинство не приемлет ассоциирования церкви как института, пользующегося наибольшим доверием, с политикой.

е)

Вместо строительства новых церквей Патриархии следует направлять средства на помощь нуждающимся	52.1
Строительство новых церквей необходимо для нравственного и духовного оздоровления населения	46.9

Затрудняюсь ответить	1.0
----------------------	-----

Результат отражает тяжелую экономическую ситуацию в Грузии: в сознании большинства любые затраты, включая строительство церквей, не направленные прямо на социальные нужды, не находят поддержки. Возможно, на результат также повлияло то обстоятельство, что строительство церквей, несмотря на его интенсивность, не часто освещается в СМИ ввиду нередко сомнительных источников финансирования.

8. Насколько важны перечисленные институты в современной Грузии для того, чтобы человек сформировался в обществе как нормальная личность?

	Совсем не важно %	Не очень важно	Ни то, ни это	Довольно важно	Очень важно	Затрудняюсь ответить
Семья	0.2	0	1.5	7.5	90.8	0
Школа	0.9	1.5	10.5	23.8	63.3	0.1
Община	1.9	3.1	11.4	24.7	58.8	0.2
Вуз	3.7	7.1	21.5	25.0	42.5	0.2
Церковь	1.3	1.8	10.8	16.4	69.6	0.2

Картина ясна - после семьи церковь считается наиболее важным институтом в процессе формирования личности.

9. Поддержали бы вы или нет следующие действия в отношении религиозных меньшинств

	Поддержал(а) бы	Не поддержал(а) бы	Затрудняюсь ответить
1. Разгон их собраний	32.7	66.2	1.1
2. Уничтожение их литературы	46.9	52.6	0.5
3. Идеиную борьбу против них	78.7	20.8	0.4
4. Расследование беззаконий, совершенных против них и наказание виновных	31.9	66.6	1.5
5. Акции и демонстрации в их защиту	10.3	89.1	0.6
6. Активизация их деятельности	6.3	93.3	0.4

Результат дает пищу для размышлений. Почти треть опрошенных поддерживают физическое насилие; правда, это в какой-то мере компенсируется почти таким же числом приверженцев законности, но именно что "в какой-то мере" - количество поддерживающих чуть менее экстремистских действий, уничтожение литературы, достигает почти 50%.

10. Как вы оцениваете общественную деятельность следующих лиц?

	Положительно	Скорее положительно, чем отрицательно	Скорее отрицательно, чем положительно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
1. Нино Бурджанадзе	43.0	36.0	9.8	10.3	0.9
2. Илья II	48.2	31.7	10.1	8.5	1.5
3. Елена Тевдорадзе	21.2	33.2	23.2	20.7	1.8
4. Басилий Мкалавишвили	20.7	24.5	23.4	30.8	0.7
5. Бадри Патаркацишвили	27.6	33.3	18.3	17.4	3.4
6. Михаил Саакашвили	23.0	28.5	18.3	29.0	1.2
7. Гурам Шарадзе	29.9	30.3	22.2	16.5	1.1
8. Эдуард Шеварднадзе	6.7	12.1	15.7	64.2	1.4

9.	Зураб Жвания	8.7	19.4	25.0	45.9	1.1
10.	Автандил Джорбенадзе	3.8	11.9	24.1	59.0	1.3

Данный вопрос был включен в анкету для выявления сравнительного рейтинга Католикоса-Патриарха Илья II, а также крайне экстремистски настроенных лиц (Мкалавишвили и Шарадзе) в ряду видных грузинских политиков и бизнесменов. Как видим, Илья II получил наивысший рейтинг, а Мкалавишвили с Шарадзе заняли место где-то в середине (напомним, опрос был проведен в июле 2003 года).

11. Насколько престижными вы считаете перечисленные профессии и занятия?

		Очень престижно	Скорее престижно , чем нет	Скорее непрестиж но, чем престижно	Совсем не престижно	Затруд- няюсь ответить
1.	Врач	63.4	27.1	7.0	2.3	0.2
2.	Бизнесмен	62.7	26.8	7.0	3.2	0.3
3.	Лектор	53.7	30.5	12.3	3.2	0.3
4.	Священник	43.8	30.8	16.0	8.7	0.7
5.	Вор в законе	18.1	9.9	14.7	56.8	0.6
6.	Полицейский	6.2	14.3	22.2	56.6	0.8
7.	Учитель	49.5	32.3	11.5	6.5	0.2
8.	Военнослужащий	31.6	31.9	21.6	13.9	1.0
9.	Политик	36.7	29.0	15.6	17.8	0.9
10.	Судья	42.3	25.6	14.0	17.5	0.6

При оценке профессий несколько неожиданным для нас оказался высокий рейтинг бизнесмена (в православных странах занятие бизнесом, коммерцией традиционно оценивается негативно); возможно, бизнес ассоциируется с достатком. Если посмотреть на результаты с этой точки зрения, то можно объяснить сравнительно высокую оценку представителей структур, доверие к которым близко к нулевому (судья, политик; ср. с ответами на вопрос 4). И наоборот, представитель наиболее уважаемого института - церкви, получил среднюю оценку. О серьезном моральном кризисе, испытываемом грузинским обществом, говорит то обстоятельство, что позиция "вор в законе" получила высшую оценку почти каждого пятого респондента, что в три раза превышает аналогичный показатель для полицейского. Последний результат повторяет результаты опроса, проведенного в 1995 году.

12. Считаете ли вы необходимым, чтобы Парламент Грузии принял закон о религии?

Да	85.1
Нет	13.0
Затрудняюсь ответить	1.9

Результат особых комментариев не требует.

13. Что, по вашему мнению, должен предусматривать закон о религии?

а) В отношении "сект" (Свидетели Иеговы, баптисты и т.д.)

Запрещение их деятельности	43.6
Ограничение их деятельности	34.4
Гарантию свободы их деятельности	6.8
Затрудняюсь ответить	15.2

Данные еще раз показывают, что в результате целенаправленной пропаганды т.н. секты воспринимаются обществом как наибольшая угроза грузино-православной идентификации. Вместе с тем обращает на себя внимание высокий процент ответа "затрудняюсь ответить" (здесь и в следующем вопросе).

б) В отношении других конфессий (католики, мусульмане и т.д.)

Запрещение их деятельности	20.6
Ограничение их деятельности	38.0

Гарантия свободы их деятельности	26.1
Затрудняюсь ответить	15.3

Здесь картина несколько смягчена, однако антидемократичные тенденции, тем не менее, преобладают.

а) В отношении православной церкви

Объявление православия государственной религией	65.5
Предоставление православию преимуществ перед другими конфессиями	16.0
Уравнение православия в правах с другими конфессиями	3.2
Затрудняюсь ответить	15.4

Результат находится в согласии с ответами на два предыдущих вопроса и отражает уже упоминавшуюся тенденцию к отождествлению национального и православного. Кроме того, возможно, результат показывает стремление иметь "законные" привилегии на пути достижения социального статуса, будучи православным (а также грузином).

14. Представьте, что ваш сын или дочь (либо другой член семьи) решили вступить в брак с представителем другой религии. Какова будет ваша реакция, если последний является -

		Категорически бы запретил (а)	Посоветовал (а) бы так не поступать	Не желал(а) бы, но не стал(а) бы навязывать свое мнение	Предоставил(а) бы решать самому(ой)	Затрудняюсь ответить
1.	Католик	22.4	29.6	16.4	31.4	0.1
2.	Протестант	38.5	27.1	13.3	20.7	0.4
3.	Свидетель Иеговы	68.0	17.9	5.1	9.0	0.1
4.	Баптист	62.1	19.8	7.5	10.3	0.4
5.	Пятидесятник	64.3	19.4	6.2	9.9	0.3
6.	Григорианец	46.6	27.6	11.0	14.6	0.2
7.	Мусульманин	55.4	23.8	9.1	11.6	0.2
8.	Иудей	48.7	24.6	11.1	15.5	0.2

Картина предпочтений представителей различных религий повторяется (ср. вопрос 6). Интересно сравнительно частое обращение к ответу "Предоставил(а) бы решать самому(ой)". Можно предположить, что это связано с тем обстоятельством, что в СМИ и церковных проповедях данный вопрос затрагивается нечасто, поэтому клишированных ответов меньше.

15. Какова будет ваша реакция, если член вашей семьи решит принять другую веру и станет

		Категорически бы запретил	Посоветовал(а) бы так не поступать	Не желал(а) бы, но не стала препятствовать	Предоставил(а) бы решать самому(ой)	Затрудняюсь ответить
1.	Католик	52.8	27.5	7.8	11.8	0.1
2.	Протестант	61.8	22.8	7.0	8.4	0.1
3.	Свидетель Иеговы	75.5	15.3	3.4	5.7	0.1
4.	Баптист	73.4	16.4	4.1	6.1	0.1
5.	Пятидесятник	74.1	15.8	4.1	5.9	0.2
6.	Григорианец	68.3	18.6	5.3	7.2	0.7
7.	Мусульманин	70.4	17.8	4.8	6.6	0.5
8.	Иудей	68.5	18.9	5.0	7.2	0.5

Распределение ответов по сравнению с предыдущим вопросом здесь более "обострено", что вполне понятно – переход в другую веру воспринимается как гораздо более неконформистский шаг (измена собственной и семейной идентификации), чем брак с иноверцем; тем не менее, тенденции остаются теми же самыми.

16. Некоторые политики выступают за защиту прав религиозных меньшинств и протестуют против их дискриминации. Насколько такая позиция повлияла бы на ваше решение поддержать подобного политика на выборах?

Положительно	8.8
Не имело бы влияния	37.9
Отрицательно	53.0
Затрудняюсь ответить	0.3

Картина ясна - пропаганда свободы вероисповедания в сегодняшней Грузии непопулярна, что, кстати, хорошо осознают почти все политики самого разного толка. По-видимому, культурно-религиозный релятивизм в Грузии требует еще длительного культивирования.

17. Представьте, что вы являетесь руководителем учреждения и вам нужно взять на службу нового сотрудника. Какими бы критериями вы бы при этом руководствовались?

- 1 – Никакого значения не имело
- 2 – Скорее не имело бы, чем имело
- 3 – Скорее имело бы, чем нет
- 4 – Имело бы решающее значение
- 5 – Затрудняюсь ответить

	1	2	3	4	5
Хороший профессионал	1.9	0.6	4.6	92.8	0.1
Грузин по национальности	50.4	14.8	21.2	13.6	0.1
Православного исповедания	33.3	14.6	28.2	23.8	0.1
Половая принадлежность	83.1	8.9	6.2	1.7	0.1
Политические предпочтения	71.3	11.9	12.0	4.8	0.1
Протеже влиятельного лица	44.0	17.1	27.5	11.3	0.1
Близкий семьи	23.9	12.1	39.2	24.8	0.1
Друг или знакомый	21.6	10.0	37.1	31.2	0.1

В следующем исследовании на эту тему, находящемся в стадии разработки, мы планируем разбить данный вопрос на два: "Какими критериями руководствовались бы лично Вы..." и "Какими критериями обычно руководствуются другие...". Предположительно, в последнем случае должно возрасти количество ответов "Протеже влиятельного лица", а количество "профессиональных", "национальных" и "религиозных" ответов – сократиться. Настоящие данные показывают действенность неформальных институтов - круга друзей и родственников. Большая часть респондентов опроса, проведенного в 1995 году, признавала, что пойдет на нарушение закона, если это в интересах друзей или родственников. Вместе с тем высокий процент оценки по критерию профессионализма внушает надежду, что ориентация на формально-рациональный порядок (термин М. Вебера) имеет в Грузии какую-то перспективу.

Заключение

Подытоживая результаты, можно сказать следующее. Религиозный, вернее религиозно-национальный дискурс сегодня является доминирующим в грузинском массовом сознании. На наш взгляд, это следствие "постсоветского кризиса" - разрушения привычных ориентиров, экономического упадка, потери территориальной целостности. Нельзя исключать также социально-психологический "эффект контраста" - снятие запрета на что-либо, в данном случае на религию, в общественном сознании вызывает переоценку в противоположном направлении. Кроме того, усилению православно-национального дискурса, помимо активности церковных кругов, способствовала позиция властей и СМИ; на критику ГПЦ практически было наложено табу, зато вовсю шла пропаганда против т.н. сект, а насильственные действия против религиозных меньшинств, за редким исключением (хотя были и таковые), не вызывала противодействия со стороны правоохранительных органов и интереса СМИ.

Для людей, обладающих здравым смыслом, ясно, что подавляемая и вытравливаемая десятилетиями советского репрессивного режима религиозность не могла возродиться и укрепиться в течение немногих постсоветских лет; православие ощущается людьми не само по себе, а в качестве составной части национальной идентичности грузин. Большая часть населения представления не имеет о том, чем конкретно отличается православие от католицизма; решающее значение имеет дихотомия "свое - чужое".

Как показывают результаты настоящего опроса, ГПЦ и ее глава пользуются наибольшим доверием среди институтов и публичных фигур, религиозность стала социальным установлением и нормативным атрибутом "модального" члена общества, в отношении религиозных меньшинств преобладают отнюдь не толерантные настроения. Примечательно, что большая терпимость проявляется по отношению к мусульманам и иудеям, чем к христианам - "сектантам": баптистам и пятидесятникам, не говоря уже о Свидетелях Иеговы. Нехристиане оказываются в большей степени совместимы с "нормальным" православным народом, чем многие христианские конфессии. Объяснением этому явлению может служить опасение служителей ГПЦ и, следовательно, активной части их паствы, что более богатые и активные направления христианства, пришедшие с Запада, переманят значительную часть неизбалованной социальными льготами православной паствы материальными подачками и посулами.

Тем не менее, мы не склонны считать, что в массовом сознании Грузии ныне преобладают фундаменталистские настроения. Скорее, усиление религиозного дискурса является защитным механизмом перед лицом неблагоприятных социально-экономических условий и политической ситуации. Примечательно, что во время событий ноября 2003 года, приведших к смене власти, религиозная фразеология не звучала вообще (правда, сразу по приходу к власти новый Президент Грузии не замедлил подчеркнуть свою лояльность ГПЦ). На фоне выявившейся в нашем и других опросах общественного мнения амбивалентности, двойственности, характерной для общественного сознания Грузии, в частности в отношении религии, можно ожидать двоякого развития сегодняшней ситуации: в одном случае возможно усиление фундаментализма и обскурантизма, объявление православия государственной религией, дальнейшее усиление позиции ГПЦ в жизни общества, в том числе в системе образования, что вызовет международную изоляцию Грузии, ограничение демократии и дальнейшее углубление нынешнего всеобщего кризиса. С другой стороны, улучшение экономической и политической ситуации, в совокупности с укреплением гражданского общества, по нашему мнению, ограничит фундаменталистские тенденции и функцию православия как защитного механизма от внешних неблагоприятных факторов, что, в свою очередь, может способствовать позитивным сдвигам в религиозном сознании.

Международный центр по конфликтам и переговорам намерен продолжать серию исследований по религиозным вопросам.

Демографические данные

Пол

Муж.	47.3
Жен.	52.7

Возраст

18-29	25.0
30-44	25.5
45-59	29.9
60+	19.6

Национальность

Грузин(ка)	94.4
Армянин(-ка)	1.3
Азербайджанец (-ка)	1.1
Русский (-ая)	0.5
Грек (-чанка)	0.1
Другое	2.9

Материальное положение

Очень плохое	17.3
Плохое	30.8
Среднее	47.5
Хорошее	4.2
Очень хорошее	0.2

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ФУНДАМЕНТАЛИЗМ – ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ

Этот доклад представляет собой попытку суммировать соображения, возникшие у автора после публикации его исследования о русских православных националистах и фундаменталистах¹⁶ и поступления первых откликов на него. Цель доклада – не пересказать кратко содержание книги, но сфокусировать внимание на тех вопросах, которые теперь кажутся наиболее спорными и актуальными.

Подавляющее большинство русских националистов, по понятным причинам, – православные, хотя есть, конечно, и неоязычники, и люди, религиозно почти или совсем индифферентные.

В основных националистических организациях 90-х православие было скорее элементом национальной идентичности, чем самостоятельной и тем более основной ценностью. Национальное при этом понималось в диапазоне от сугубо расистской интерпретации (примеры: Русский национальный союз (ныне не существующий) Константина Касимовского, в меньшей степени – Русское национальное единство Александра Баркашова, позже распавшееся и ныне переживающее возрождение по частям) до национал-имперской (примеры: Российский общенародный союз, ставший основой нынешней партии "Народная воля", Сергея Бабурина и в значительной степени КПРФ Геннадия Зюганова).

Нас же в данном случае более интересуют те, для кого православная самоидентификация не только выше национальной, но и является в той или иной степени основанием для последней. Такие группы весьма разнообразны.

Они могут быть достаточно радикальными в политическом смысле, то есть резко оппозиционными власти (при Ельцине, конечно, больше, чем при Путине, но и при Путине тоже) и церковному руководству, – это Союз православных братств в его нынешнем виде, группировки, сконцентрировавшие свою активность на борьбе с ИНН и электронными кодами, самые старые православные националисты («Память» ныне покойного Дмитрия Васильева, Черная сотня Александра Штильмарка), газета «Русь Православная» Константина Душенова и другие.

Они могут быть вполне лояльными и в политическом, и во внутрицерковном смысле слова – это сформировавшийся вокруг московского Сретенского монастыря (настоятель которого, архимандрит Тихон (Шевкунов), то и дело оказывается рядом с президентом Путиным) круг изданий (но отметим на будущее – не организаций) – «Русский дом» (журнал и телепередача, замененная в эфире осенью 2003 года на «Русский взгляд»), сайт «Православие.Ру», журнал «Благодатный огонь».

И, наконец, они могут быть умеренно оппозиционными, причем умеренность эта тоже варьируется. Чтобы не перечислять все многообразие таких групп, укажем сразу на их основную коалицию – Союз православных граждан (СПГ) и тесно с ним связанное братство «Радонеж» с его газетой и радиостанцией. Хотя есть, конечно, и не входящие в СПГ и такие по-разному известные группы, как, например, сайт «Русская линия» Сергея Григорьева и Анатолия Степанова или Комитет «За нравственное возрождение Отечества» протоиерея Александра Шаргунова (известного борьбой с безнравственной рекламой, а в январе 2003 года прославившегося еще и благодаря своим алтарникам, разгромившим выставку "Осторожно, религия!"). Умеренная оппозиционность подразумевает, что эти группы не отказывают в доверии ни светской, ни церковной власти, как они есть, но критикуют их за недостаточное соответствие идеалам.

Существует ли у всех этих групп некая общая идеологическая платформа – достаточно спорный вопрос. С этим не согласны сами участники движения, лучше видящие разногласия между собой, чем точки совпадения. Действительно, можно отметить, например, что более радикальные авторы основным новейшим авторитетом считают покойного митрополита Иоанна (Снычева), действительно бывшего главным авторитетом нарождающегося православного национализма в первой половине 90-х (митр. Иоанн умер 2 ноября 1995 г.¹⁷), в то время как авторы более умеренные не склонны выделять его роль, стремятся опираться на корпус источников, приемлемый для максимально широкого внутрицерковного круга. И все-таки общая платформа существует, и мы здесь ее кратко охарактеризуем.

Все эти группы могут быть названы националистическими. Среди них есть такие, которые прямо поддерживают этническую ксенофобию и дискриминацию, в том числе и в таких крайних формах, как депортация: например, приобретший широкую известность активист и бизнесмен Герман Стерлигов

¹⁶ Верховский Александр. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М., 2003.

¹⁷ Максимально непредвзятое описание его мировоззренческих позиций см.: Костюк Константин. Три портрета // Континент. 2002. № 113

или сайт «Русская линия», представляющий собой относительно умеренную часть «Общества ревнителей памяти митрополита Иоанна». Но есть и деятели, чей национализм не столь агрессивен. Пресс-секретарь СПГ Кирилл Фролов уже на презентации книги "Политическое православие" заявил протест именно против определения СПГ как националистической организации, и очевидно, это очень важно для самоопределения умеренных православных националистов¹⁸.

Национализм базируется на представлении о политике как поля взаимодействия преимущественно наций, а не каких-то иных субъектов. В этом смысле православные националисты – уже не вполне националисты, так как они всегда оговаривают приоритетное значение именно религиозного, а не национального фактора. Но и сугубо националистическое мышление им вполне присуще, просто оно религиозно окрашено: «Народ представляет собой соборный организм, имеющий соборную душу»¹⁹, как выразился весьма умеренный православный националист Виктор Аксютин, адаптирующий здесь наследие либерального православного национализма XIX и начала XX века. Отметим, кстати, что для православных националистов такая адаптация – предел притяжения либерализма, от которого уже далеко ушли современные либералы; а антилиберализм – неотъемлемая черта мировоззрения всего рассматриваемого нами движения.

Религиозная исключительность как естественное мировосприятие традиционно религиозного человека накладывается в русском православии на исторический факт особой роли России в православном мире в последние века (концепция «Третьего Рима») и порождает представление об исключительности русского народа. Крайние в этом отношении формулировки произносятся отнюдь не только крайними православными националистами (тут можно цитировать бесконечно), но, например, архимандритом Амвросием (Юрасовым), духовником «Радонежа»: «теперь богоизбранный народ – русский»²⁰.

Когда СПГ протестует против определения себя как националистической организации, он апеллирует к наиболее распространенному в России пониманию национализма – как агрессивного этнонационализма, эвфемизма расизма. Но понимание нации в национализме может, как известно, быть не расовым, но культурным или даже гражданским (что и порождает совершенно разные национализмы). Что же именно мы видим у русских православных националистов?

Чисто расистское понимание понятия «русский» не принимается даже самыми радикальными православными националистами, поскольку несовместимо с общеизвестным апостольским «ни эллина, ни иудея». Но обойти этническое, «по крови», измерение национализма не удастся никому. В принципе, общая тенденция – к тому, чтобы интерпретировать известную максиму «русский – значит православный» как констатацию сущностного тождества этих понятий. Буквально отождествление провозглашают редко и, как правило, радикалы²¹. Но отождествление в той или иной степени возможно и для достаточно умеренных людей: дело в том, что, хотя нельзя, конечно, не заметить, что бывают православные греки, арабы и даже японцы, русские православные националисты, как правило, обращают очень мало внимания на то, что происходит в православном мире вне России (исключения – часть стран бывшего СССР), а применительно к России срабатывает широко распространенное в нашем обществе сближение этнической и религиозной идентификации по «культурным корням». Очень внятно это сформулировал уважаемый наместник Валаамского монастыря архимандрит Панкратий (Жердев):

«Всегда считалось, что русский человек – это православный человек. Его национальность, происхождение уходило на второй план. Он мог быть немцем, татарин, ханты, – но он принадлежал к русскому народу, потому что был православным...»

Невозможно говорить о русском человеке, если он не православный. «Русский баптист» – это воспринимается уже как нечто инородное, нечто извращенное»²².

Русский этнонационализм в большинстве случаев ограничен идеей реставрации империи. А православные националисты все без исключения – сторонники восстановления православной монархии в ее исторической форме империи.

Правда, конкретных путей восстановления монархии они, как правило, не предлагают. Вообще, политические стратегии в этой среде – редкость. Есть либо требования в области текущей политики (в последние годы все реже отличающиеся от официальной позиции все более активной

¹⁸ Подробная критика книги с позиций СПГ см.: *Державин Александр*. Демаргинализация // Русская линия. 2003. 5 декабря (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=311691>)

¹⁹ *Аксютин Виктор*. Русский характер // Православие.Ру. 2001. 31 мая (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/russkharakter2-1.htm>).

²⁰ Цит. по: *Колымагина Александра, Колымагин Борис*. Разделаться со всеми // НГ-Религии. 2000. 23 февраля.

²¹ См. например: Протест православных в Греции и грядущий протест в России // Сайт СПХ. 2000. Июнь (<http://www.pyckie.com/info/protest.htm>).

²² «Главное – сохранять память Божию». Беседа с архимандритом Валаамского Спасо-Преображенского монастыря Панкратием // Русское воскресение. 2001. 2 октября (<http://www.voskres.ru/interview/opankr.htm>).

Патриархии), либо упования на то, что с Божией помощью Россия вернется на «правильный» путь. «Правильность» включает:

- православную монархию, переход к которой мыслится, если вообще мыслится, через «национальную диктатуру»;
- патерналистскую и более или менее огосударвленную экономику (но экономическая мысль в этой среде крайне пассивна и уточнений почти не бывает);
- существенное ограничение гражданских и иных прав, в первую очередь свободы совести, реализации прав, покушающихся на религиозную мораль, политических прав; безусловный приоритет РПЦ во всех сферах;
- мирное расширение территории России, причем желательная граница чаще всего описывается как граница сохранения русского большинства, как предлагал когда-то Солженицын; Белоруссия, безусловно, должна быть присоединена, а Украина – скорее всего, вся или большей частью, так как белорусы и украинцы чаще всего рассматриваются как части единого русского народа; другие страны бывшего СССР должны более или менее жестко включаться в сферу влияния в зависимости от количества в их населении "соотечественников" и единомышленников²³;
- воссоздаваемая Империя должна жестко противостоять другим странам; это предполагает особое почтительное внимание к армии и к силовым структурам вообще; давно подмечено, что в политике православные националисты апеллируют в первую очередь к силе²⁴ (хотя теоретически важнее всего, конечно, духовное превосходство русского православного народа).

Эта политическая программа разделяется всеми православными националистами, хотя, конечно, есть и многообразные разногласия и нюансы. Самый актуальный блок разногласий сейчас – вопрос о канонизации Ивана Грозного, Григория Распутина и некоторых других исторических персонажей. Для большинства радикалов эти канонизационные инициативы стали мощным подспорьем их монархизма и прекрасно дополнили борьбу с ИНН (а также переписью населения, недавно найденными тремя шестерками в оформлении внутренних паспортов, на подходе – отпечатки пальцев в будущих загранпаспортах²⁵) в качестве мобилизационных лозунгов, позволяющих весьма немногочисленным активистам увлечь за собой тысячи воцерковленных граждан. Соответственно, умеренные круги вслед за Патриархией ведут весьма оживленную полемику с радикалами²⁶.

Главная особенность политической и идеологической платформы православного национализма – ее сосредоточенность на противостоянии с Врагом.

Враг для православных – антихрист. Для русских националистов враг – наиболее враждебный их идеям либерализм, точнее – либерализм, пришедший с Запада. Русские православные националисты, соответственно, полагают, что Запад в целом и либерализм в особенности есть основные современные инструменты антихриста. А Россия – последний оплот противостояния ему; именно такое понимание миссии России является общепринятым и принципиально важным в этой среде.

Эта схема разрабатывается достаточно подробно и, несмотря на определенные разногласия, достаточно единообразно. Кстати, здесь даже у самых умеренных православных националистов – существенное расхождение с позицией Патриархии: для последней Запад – оппонент, «другой», с которым надо как-то сосуществовать, для православных националистов Запад – только враг, с которым идет война на уничтожение.

В схеме единого Врага Запад выступает скорее не как субъект, а как враждебное пространство, в котором действуют различные, но всегда взаимосвязанные субъекты – мировое еврейство и/или иудаизм, международные финансовые, политические и военные институты, западные правительства, западные религиозные организации, иногда даже исламские экстремисты²⁷. В совокупности они образуют Новый Мировой Порядок. Схемы взаимосвязи этих субъектов образуют различные версии «всемирного заговора». Стоит отметить, что антисемитизм, традиционно необходимый в таких теориях, активно обсуждается и пропагандируется только в радикальной среде, в более же умеренных кругах встречаются преимущественно намеки, не оставляющие, впрочем, сомнений в отношении авторов к еврейству в этническом и/или религиозном смысле слова.

²³ Именно такая конструкция, – подчеркнем, типично националистическая, причем сразу в нескольких смыслах, – содержится в последних программных положениях СПГ, см.: Союз Православных Граждан выдвинул Сергея Глазьева на пост Президента России // Сайт "Радонеж". 2004. 5 января (<http://www.radonezh.ru/new/?ID=1315>)

²⁴ Костюк Константин. Православная Церковь и социально-экономическое развитие России // Религия и право. 2000. № 1.

²⁵ Об этом уже успел высказаться Патриарх: Ответы Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на вопросы преподавателей, аспирантов и студентов РАГС // Русская линия. 2003. 20 ноября (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=311502>)

²⁶ Недавний пример – выпущенная ОБЦС в декабре 2003 года книга "Искушения наших дней. В защиту церковного единства".

²⁷ Наиболее плодотворная попытка интегрировать политический ислам в «систему врагов» предпринята в СПГ: Семенко Владимир. Метафизика апостасии: О духовно-метафизических истоках кризиса современной цивилизации // Евразийский вестник. 2002. № 14 (http://www.e-journal.ru/p_relig-st1-14.html).

С наступлением эпохи глобализации, с развитием международных институтов возможностей для рациональной презентации «всемирного заговора» стало гораздо больше. Поэтому неудивительно, что православный антиглобализм, зародившийся в России в 1997-1998 гг. на первоначальном этапе движения против товарных штрих-кодов (в которых научились находить число «666»), буквально в течение двух лет охватил практически всю Церковь и сейчас, хоть и в разных интерпретациях, стал фундаментальным элементом идеологии в широком внутрицерковном диапазоне: от Патриарха Алексия II до неумолимых борцов с ИНН, новыми паспортами и иными нововведениями, связанным с той или иной формой кодирования²⁸. Лишь наиболее умеренными авторами глобализация не увязывается прямо с объединением враждебных сил против русского православия, но практически всеми православными националистами она рассматривается именно как главный инструмент или проявление такого объединения.

В радикальной же части православно-националистического движения бытуют и вовсе фантастические сюжеты, связывающие глобализацию с апокалипсисом. Точнее, сама эта связь является вполне общепризнанной и отражена даже в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». Но при этом Патриархия и умеренные православные националисты, как правило, склонны считать, что «последние времена» еще не настали или хотя бы неизвестно, настали ли. Зато почти все радикалы проникнуты самыми живыми апокалиптическими чувствами, зачастую оперируют конкретными сроками наступления конца времен, исчисляемыми годами или хотя бы десятилетиями. Например, протоиерей Александр Шаргунов, выпускавший в 1990-е альманах «Антихрист в Москве», может описывать пришествие антихриста в конкретных политических деталях и относить его к жизни нынешнего поколения, причем печатается это в относительно умеренном журнале «Русский дом»²⁹. Более последовательные и радикальные люди предпочитают теорию восстановления Третьего Храма: по этой теории руководимый иудеями Новый Мировой Порядок уже в рамках текущих политических событий (интифада, война в Ираке и т.д.) готовит престол для антихриста³⁰.

Итак, мы имеем дело с движением, далеко не единым в организационном смысле, но имеющим достаточно широкую и разработанную общую идеологическую базу, причем и политическую, и религиозную одновременно. В мире для обозначения подобных движений используют обычно один из двух терминов – «интегризм» или «фундаментализм». О том, насколько они применимы в нашем случае – можно спорить, и споры эти продолжаются.

Интегристским это движение можно считать, поскольку оно выступает за неплюралистичность общества на общей религиозной ценностной основе, причем основа эта должна быть очищена от новейших искажений. Но исторически интегризм носил и носит преимущественно «оборонительный», традиционалистский характер, как движение «лефевристов» в католицизме или «старостильничество» в Греции. В современной же России с традиционализмом, тем более – с православным, дело обстоит очень плохо – не как с идеалом, разумеется, а как с практикой. Православный традиционализм, конечно, существует, но принципиально очень ограничен. И то движение, о котором идет речь, хоть и тесно соседствует в Церкви с традиционализмом, само традиционалистским не является: хотя бы потому, что реальный русский православный традиционализм (в отличие от ситуации во Франции или в Греции) не политичен.

В этом смысле более адекватным хотя бы для какой-то части описываемого нами движения кажется термин «фундаментализм». Конечно, его употребление тоже спорно: например, виднейший российский религиовед Сергей Филатов убежден, что термин «фундаментализм» следует применять только по его первоначальному назначению – к определенному слою американского протестантизма³¹. Но в мировой науке есть и серьезная аргументация в пользу универсализации этого термина³². В своем универсальном значении он наиболее развернуто и эмпирически обоснованно представлен, на наш взгляд, в результатах коллективного исследования «Fundamentalism Project», завершившегося в 1995 году.

²⁸ Важно подчеркнуть, что антиглобализм как общая основа не сблизил Патриархию и православных радикалов; наоборот, антагонизм между ними становится все острее.

Наиболее подробно я об этом писал в: *Верховский Александр*. Радикальный православный антиглобализм // Социальное согласие и толерантность в современном мире. Вып. 3. О правом экстремизме на современном этапе / Под ред. Л. Я. Дадияни. В печати. Текст доступен на сайте СОВА-Центра (<http://religion.sova-center.ru/publications/194D18A/194D3A2>).

²⁹ *Шаргунов Александр, протоиерей*. Четыре защиты против «нового мирового порядка» // Русский дом. 2000. № 12.

³⁰ См., например: О евреях, Третьем Храме и новой картине мира. Беседа главного редактора «Русской линии» Сергея Григорьева с редактором отдела политики Анатолием Степановым // Русская линия. 2002. 20 марта (http://www.rusk.ru/News/02/3/new20_03a.htm); Обращение [монахов Троице-Сергиевой Лавры – А.В.] к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II // Русский вестник. 2000. № 43–45.

³¹ *Филатов Сергей*. Возвращение к основам (протестантский фундаментализм) // Фундаментализм / Под ред. З.И. Левина. М., 2003. С. 110.

³² Начиная, как минимум, с: *Bruce Lawrence*. Defenders of God: The Fundamentalist Revolt Against the Modern Age. London; N. Y., 1989. P. 90–96.

Конечно, невозможно кратко пересказать содержание пяти томов этого проекта или даже его ориентирующего тома. Скажем только, что суть предложенного группой авторов универсального понимания фундаментализма заключается в том, что фундаментализм определяется в первую очередь стремлением противостоять модернизации и защитить традиционализм, но при этом фундаментализм отнюдь не тождествен традиционализму, так как в этом стремлении преодолеть модернизацию и секуляризацию он использует социальные инструменты модерна (медийные, политические и другие). Он намерен не просто построить новое тотальное общество возродившей религиозности (как интегрзм), но и готов ради этого на модификацию (фактически – своего рода модернизацию) самой этой религиозности. Такое стремление предполагает оппозицию не только секулярной и модернизирующей власти, но также и большинству общества и даже официальному религиозному руководству (не только "дисциплинарную" оппозицию, но отчасти и религиозную). Оно предполагает, как правило, также и достаточно напряженное миллениаристское и манихейское восприятие окружающего мира³³.

Легко видеть, что многое из изложенного выше про движение русских православных националистов совпадает с таким определением. Но совпадение применительно к разным группам оказывается весьма различным. Не повторяя большого объема фактического материала, который содержится в вышеупомянутой книге «Политическое православие», здесь приходится просто констатировать, что группы, которые я отношу к радикальным православным националистам, вполне соответствуют такому пониманию фундаментализма. Умеренные же группы соответствуют ему лишь в той или иной степени, причем в последнее время – менее чем в 1990-е годы. А самые умеренные, то есть круг Сретенского монастыря, почти совсем не соответствуют.

Именно эти последние выводы стали предметом самого активного обсуждения среди тех, кто откликнулся на выход книги «Политическое православие».

Александр Морозов³⁴ критикует смешение понятий "фундаментализм" и "радикализм": получается, что кто радикальнее, тот и больший фундаменталист. Но это совпадение, думается, возникает не по причине сущностной близости фундаментализма (как он определен выше) и радикальности (политической или иной), а по причине чисто субъективной: тот, кто склонен к радикальности, склонен, в частности, радикализировать свое мировоззрение, развиваясь от традиционализма и консерватизма – к фундаментализму. Кто-то далеко ушел по этому пути, перестав, тем самым, быть консерватором и традиционалистом (фундаментализм и консерватизм – совершенно разные вещи), а кто-то не достиг качественного перехода и донныне являет пример недостаточно цельного мировоззрения. Держась избранного определения, мы не можем согласиться, что упомянутый Морозовым профессор Московской Духовной Академии Алексей Осипов – фундаменталист, пусть даже и "здоровый", нет, он – типичный церковный консерватор.

И архимандрит Тихон (Шевкунов) – тоже консерватор, хотя с этим спорит другой рецензент, Борис Колымагин³⁵. Трудно согласиться с ним, что "нормальный консерватизм" не способен на такие деяния, как многообразные гонения шевкуновцев на общину о. Георгия Кочеткова. Консерваторы бывают способны и не на такие гонения.

Все-таки фундаментализм в описанном выше смысле – достаточно определенное современное явление. Ни проф. Осипов, ни архим. Тихон, ни другие люди такого рода не готовы жестко и определенно противостоять модернизационным процессам (правда, еще несколько лет назад про архим. Тихона этого еще нельзя было сказать) и тем более не создают своей версии модернизации русского православия. Революционных планов интегристского переустройства общества не имеют или хотя бы не высказывают. Держатся ближе к церковной ограде, политических организаций не создают и к политике имеют скорее закулисный подход (как было в Русской Церкви всегда). Не противопоставляют себя ни светской, ни церковной власти – даже наоборот. На окружающее светское общество смотрят без симпатии, но и без открытой и программной агрессии. Наконец, почти не спекулируют (в последние годы) темами антихриста и конца света. А вот про газету "Русь Православная", про Союз православных хоругвеносцев, про кружки борцов с ИНН или почитателей Григория Распутина можно сказать все прямо противоположное.

В книге, основанной на материале 1995-2001 годов, не удалось сделать определенный вывод о том, является ли и насколько является фундаменталистским Союз православных граждан. В СПГ определенно есть некоторые признаки фундаментализма. Но в 2001-2003 годах СПГ все определеннее стремится элиминировать эти признаки из проводимой им "православной политики",

³³ Систематическое описание см.: Almond Gabriel A., Sivan Emmanuel, Appleby R. Scott. Fundamentalism: Genus and Species // *Fundamentalisms Comprehended*. P.405–414.

³⁴ Морозов Александр. "Политическая паранойя". Заметки на полях книги А. Верховского // Религия и СМИ. 2003. 16 декабря (<http://www.religare.ru/print7647.htm>)

³⁵ Колымагин Борис. Александр Верховский. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995 - 2001 гг. // Credo. 31 декабря (http://portal-credo.ru/site/print.php?act=tv_reviews&id=66)

все четче и разносторонне отмежевывается от определенных фундаменталистов. Трудно сказать, насколько устойчивым является этот дрейф от фундаментализма основной массы православных националистов. Во многом это зависит от общих перспектив движения.

Здесь придется перейти к определению политического места православного национализма. При этом следует учитывать, что само это место в последнее время существенно изменилось. И принципиально различается для радикального меньшинства и умеренного большинства движения.

Принципиальный антилиберализм православных националистов отражается, естественно, во всех сферах их активности, в первую очередь – в политике. Они всегда выступали против «режима Ельцина» (кое-кто даже поддерживал коммунистов) и приветствовали приход Путина как возможность поворота от либерализма. Радикалы позже разочаровались в новом президенте и рассматривают его как продолжателя либеральной линии (в основном – из-за прозападной позиции после 11 сентября). Но общее снижение потенциала оппозиции федеральной власти, в частности, оппозиции коммуно-националистического толка, с которой обычно бывали связаны радикальные православные националисты, делает оппозиционность последних совершенно бесперспективной и толкает их к тому, чтобы вести исключительно "пропагандистскую работу", готовить плацдармы на будущее. В парламентских выборах 2003 года радикалы не участвовали.

Единственное, и очень показательное, исключение – партия «За Русь Святую». Эта маленькая партия, возникшая на обочине националистического движения в конце 2001 года (из "ветеранов" ее идеологически поддержала только "Русская линия"), разошлась с блоком "Родина" и тем лишила себя всяких шансов. На выборах партия набрала немного – 0.49%, но это, заметим, втрое больше, чем результат единственного хоть отчасти православно-националистического блока "Русское дело" на прошлых выборах – 0.17%. Триста тысяч избирателей проголосовали за партию, которая всю свою предвыборную агитацию свела к цитированию Библии, причем делала это в максимально непривлекательном виде.

С такими избирателями, действительно, лучше не участвовать в политике. Зато можно активно участвовать в церковной жизни. Что радикалы, они же – фундаменталисты, и делают. И довольно успешно. Важной представляется нам мысль Константина Костюка, что они, подавая себя как супертрадиционалисты, получают значительное преимущество внутри Церкви, культивирующей традиционализм. В результате Церковь в целом рискует быть втянутой вслед за фундаменталистами в безнадежную и катастрофичную для нее борьбу с модернизацией³⁶. Угроза эта реальна: ведь и нынешняя идеология РПЦ, если не антимодерная, то уж точно не-модерная. Другое дело, что в обозримом будущем фундаменталистов будут по-прежнему держать на периферии Церкви: ни нынешнее, ни ближайшее последующее поколение епископата не готово иметь дело со столь радикальными людьми, которые, к тому же, пока лишь все более радикализуются.

Да, у фундаменталистов есть довольно массовая поддержка среди прихожан. Но ни политически реализовать эту поддержку (сценарий внутрицерковного переворота), ни качественно расширить круг поддержки (сценарий фундаменталистской мобилизации) у фундаменталистов пока нет никаких шансов. По-видимому, если не случится какой-то общей дестабилизации в обществе, им предстоит в обозримом будущем играть роль необходимого радикального крыла для наступления умеренного большинства.

У последнего больше шансов – и в Церкви, и в политике. Что касается ситуации в Церкви, то мы здесь не будем подробно излагать историю взаимоотношений Московской патриархии и различных деятелей СПГ или иных групп. Скажем только, что взаимоотношения эти, при всей неоднозначности процесса, пока неудержимо клонятся к сближению. Это происходит, в первую очередь, на идейном уровне: на примере митр. Кирилла эволюцию взглядов Патриархии ясно показал К. Костюк³⁷, но и риторика "Радонежа" или архим. Тихона весьма существенно изменилась за последние годы. Это происходит и на уровне организационно-политическом: СПГ за последний год фактически стал "передовым отрядом" Патриархии по всем актуальным общественным вопросам, а роль архим. Тихона, судя по его участию в нынешнем объединительном процессе с РПЦЗ, стала явно непропорциональна его формальному месту в иерархии.

Такое сближение стало возможным, во-первых, после обретения Патриархией в 1999-2000 гг. собственной идеологической платформы³⁸ (без чего и сближать-то было бы нечего), а во-вторых,

³⁶ Костюк Константин. Православный фундаментализм: социальный портрет и истоки // Политические исследования. 2000. № 5.

³⁷ Костюк Константин. Три портрета // Континент. 2002. № 113.

³⁸ Мы имеем в виду статьи: *Алексий II, Патриарх Московский и Всея Руси*. Мир на перепутье // НГ-Религии. 1999. 23 июня; *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский*. Норма веры как норма жизни // Независимая газета. 2000. 16–17 февраля.

Стоит отметить, что статья митр. Кирилла – это доклад, прочитанный им прямо перед этим на церковной конференции. См. в сборнике докладов: Богословская конференция Русской Православной Церкви. Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Москва, 7–9 февраля 2000 г. Материалы. М., 2000.

после принципиальной уступки Патриархии – канонизации Юбилейным Собором новомучеников и особенно последнего императора и его семьи. Подчеркнем, однако, что сближение не означает тождества. Идеологическую платформу Московской патриархии можно охарактеризовать как антисекьюлярную, умеренно антизападную и антилиберальную, отчасти национал-державническую. Причем в этом определении очень важна умеренность, подчеркнутая неопозиционность существующему порядку, точнее, отношение к этому порядку (в масштабах и страны, и мира) как к партнеру по переговорам, а не как к врагу. Таким образом, нынешняя идеология Патриархии отличается от идеологии православных националистов не только количественно (по накалу страстей), но и качественно. К тому же некоторые элементы, такие, как монархизм и милленаризм, Патриархии категорически чужды. Сближение Патриархии с православными националистами остается ограниченным.

Со своей стороны, умеренное большинство активистов православно-националистического движения все более затушевывает свою религиозно-политическую программу-максимум. Это дает больше возможностей для внутрицерковной экспансии.

А еще это дает больше возможностей вместе с Патриархией участвовать в «большой политике». Умеренное большинство все еще связывает с Путиным определенные надежды, но предпочитает их реализовывать в определенно антилиберальных пропутинских партиях: на последних выборах православные националисты участвовали в списках Народной партии и блока «Родина». Успех последнего и общий политический и идеологический сдвиг, произошедший (или проявившийся) во власти осенью 2003 года, включая выборы 7 декабря, укрепляют надежды таких «системных» православных националистов.

На естественно возникающий вопрос: кто играет более активную роль в паре православные националисты–Московская патриархия? – выборы 7 декабря тоже дали довольно определенный ответ. Патриархия сделала ставку на более солидную и уже зарекомендовавшую себя поддержкой РПЦ в Думе Народную партию, судя по всему, изначально имевшую определенную поддержку так называемых "силовиков" в Кремле. В первую тройку списка партии вошел референт Патриарха Николай Державин. В списке значимое место (номер 1 по Московской области) занял председатель СПГ Валентин Лебедев. Другие православные националисты в список безыдейной и бестолковой Народной партии то ли не пошли, то ли не были взяты. А пошли они в списки блока "Родина".

И вот "Родина" триумфально набрала 9.02% голосов, а Народная партия получила неожиданно скромные 1.18%. В результате запланированное прямое представительство Патриархии в политике не состоялось (у "народников" даже не вышло создать депутатскую группу из прошедших одномандатников), зато по списку "Родины" прошли Сергей Глазьев (сопредседатель СПГ), Наталья Нарочницкая (аналитик сайта "Православие.Ру"), Александр Крутов (главный редактор "Русского дома"), Николай Леонов (его постоянный автор), Андрей Савельев (один из организаторов СПГ), а также фактически примкнувший в последние два года в православно-националистическому движению депутат III Думы Александр Чуев. (В новой Думе найдутся и еще члены СПГ, начиная с депутата от "Единой России" Константина Затулина.) Политический путь, начатый тесной ассоциацией СПГ с Конгрессом русских общин Д. Рогозина и С.Глазьева (ставшим базой для блока "Родина") на съезде КРО 22 марта 2003 г.³⁹, оказался выигрышнее традиционного для Патриархии пути аппаратного лавирования. И вот Глазьев заявил, что "Родина" будет представлять СПГ в Думе⁴⁰, а 30 декабря 2003 г. СПГ принял активное участие в самовыдвижении С.Глазьева в президенты, опубликована их фактически общая политическая программа⁴¹.

Пока сложно сказать, насколько успешными будут идеологические усилия православных националистов в стенах парламента, как отразятся их успехи на идеологическом балансе в Кремле, какую роль сумеет во всем этом сыграть Патриархия, но видно, что политическая инициатива в данный момент находится никак не у последней. А у православных националистов появился шанс сыграть более заметную роль в политике и, следовательно, в Церкви.

Эти статьи стали первым шагом на пути к "Основам социальной концепции РПЦ", принятым Юбилейным Архиерейским Собором в августе 2000 года.

³⁹ Степанов Анатолий. Сомнения и надежды // Русская линия. 2003. 31 марта (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=1000023>); Сопредседатель Союза Православных Граждан Сергей Глазьев избран лидером Конгресса Русских Общин // Сайт "Радонеж". 2003. 27 марта (страница недоступна)

⁴⁰ Блок «Родина» будет представлять в Государственной Думе интересы Союза Православных Граждан // Сайт "Радонеж". 2003. 25 декабря (http://www.radonezh.ru/new/note_bene1/arhiv/?ID=1261)

⁴¹ Союз Православных Граждан выдвинул Сергея Глазьева на пост Президента России // Сайт "Радонеж". 2004. 5 января (<http://www.radonezh.ru/new/?ID=1315>)

ДИСКУССИЯ

О. Иннокентий

Вот мы слышали доклад «Свобода совести в России», где на третьей странице была названо количество «православных верующих, ведущих образ жизни соответственно канонам православия, в российском обществе - около одного процента». На самом деле, социологические исследования, которые проводятся такими авторитетными учреждениями, как ВЦИОМ (сейчас это ВЦИОА, и профессор Левадов им руководит), Фондом общественного мнения и другими, дают немножко другую цифру. Вот тут господин Солдатов, сославшись на меня, употребил термин «практикующие», но это не мой термин, это термин социологии религии, довольно строгой науки. Так вот, практикующих православных получается 4,5%. Что касается приведенной цифры, это уже институционализированные верующие, то есть посещающие легально действующие церкви, и цифра 1% корректна для города Москвы, потому что в целом по стране (сейчас Министерство внутренних дел посчитало, сколько пришло на Рождественские службы 7 января) оказалась около 3 миллионов человек. Это чуть больше 2% населения Российской Федерации. В Москве эта цифра составила 117 тысяч, то есть немногим более 1% населения Москвы и совсем мало, где-то меньше 50 000 тысяч было в Санкт-Петербурге. Вот и я когда получил в 93-м году эту цифру 4,5 %, то очень был удивлен и даже не верил, ибо в церковь народу ходит гораздо меньше, потом они мне сказали, что это очень корректно, очень выверено. И действительно, я столкнулся с тем, что от людей с религиозным самосознанием, с религиозной практикой соблюдения постов, чтения утренних и вечерних молитв, чтения Священного писания в православной традиции, действительно, где-то около 4,5 %, а ходят в церковь, я имею в виду РПЦ Московского патриархата, действительно, где-то, может быть, до двух процентов только, то есть меньше половины от этих людей. Потому что та цель, которая сейчас есть, их не устраивает, и причины разные. Скажем, московская церковная интеллигенция... Мне один человек, которого я знал как практикующего верующего еще в семидесятые годы, говорит: «Мне эта фашистская церковь не нужна, я не могу туда входить». Допустим, в провинции я столкнулся с тем, что в небольшом поселке, где один храм, народу нет потому, что плохая репутация у священника, он блудник и пьяница, значит, народ к нему не ходит. И таких примеров можно привести много.

Кроме этого, я бы хотел коротко сказать, будет ли что-то меняться по причине того, что партия власти имеет большинство в Думе. Я думаю, скорее всего, нет, потому что в партии «Единая Россия» люди совершенно безыдейные, циничные и даже, я бы сказал, не прагматичные, они имеют некий примитивный утилитарный подход ко всему и понимают, что какой-то идеологический агент - Русская Православная Церковь Московского патриархата - не эффективен. Поэтому, скорее всего, будет оставаться все как есть. Спасибо.

Вальтер Кауфманн

Эта уже вторая встреча, которую мы проводим на данную тему в рамках грузино-российского диалога, и доклады крайне интересны. У меня складывается впечатление, что мы пока находимся на стадии анализа, наблюдаем за этими процессами, они в определенном смысле проходят очень странно, смешно, трагично, ужасающе, но как-то совсем мимо нас, где-то в другом мире. Только иногда вдруг они оказывают какое-то влияние на те события, в которые мы обычно бываем втянуты. Политические решения, факты, преследования людей и так далее - очень важно, но все-таки меня интересует, какое сопротивление эти процессы до сих пор встречали, и вообще есть ли оно, или все может продолжаться бесконечно долго? А есть ли пределы оппозиции между церковью и государством? По-моему, здесь затронут еще один очень важный момент: Президент Грузии Саакашвили тоже не меньше прежней власти пользуется православной символикой. Как это дальше будет развиваться в России и в Грузии? Мы через пять лет проведем конференцию на ту же тему и станем анализировать, описывать такие же явления, относясь к ним немного с юмором? Или к тому времени уже будут разработаны конкретные стратегии, в том числе и по воспитанию, будут созданы коалиции с либеральными идеологиями? Пока нельзя предвидеть, как все может развиваться дальше. Может быть, просто слушать и анализировать - это очень важный первый шаг.

Мы, например, намереваемся опубликовать документацию этой конференции. Могу себе представить, что в Грузии это вызовет, по крайней мере, не самую хорошую реакцию со стороны Патриархата. Если бы это было 8 месяцев тому назад, я бы даже ожидал какие-нибудь резкие действия на презентации нашей книги, от чего всем бы стало неуютно. Если, допустим, через 6 месяцев выйдет книга, и мы устроим презентацию, то очень интересно, как все пройдет, и потом опять будем рассказывать, анализировать, думать как вести себя?

Ивлиан Хаиндрава

Даже не знаю, к кому адресовать вопрос, может быть, наши коллеги из России сами решат, кому отвечать. Меня интересует, актуален ли вопрос перехода Российской Церкви на новый стиль? Если актуален, то насколько и в каких кругах?

Паата Закареишвили

Меня тоже беспокоит эта проблема, которой мы сейчас занимаемся, и к чему все это приведет. Одним из главных связующих звеньев для наших стран остаются различного рода контакты между Грузией и Россией, которые должны продолжаться. Без сомнения, несмотря на все сложности, такой канал общения должен быть и у православной церкви. Соответственно, чем более чистым и адекватным современному требованию будет такой канал, тем эффективнее станут развиваться взаимоотношения наших двух народов и государств. Эти проблемы очень волнуют нас, потому что если говорить о политической ситуации в Грузии, то с одной стороны, Грузия идет в сторону демократических преобразований — демократические институты, гражданские ценности превалируют и явно выходят на первое место; а вместе с этим идет заигрывание с церковной символикой, заигрывание с церковью и религией со стороны именно тех людей, которые несут обществу демократические ценности, и это вызывает беспокойство. К сожалению, церковь сегодня не в состоянии встать рядом с обществом. Чем дальше мы идем, тем церковь как-то более тормозит общество. Все примеры, которые сегодня приводили: что Грузинская патриархия старается во все вмешаться, навязать свое мнение, стать своеобразным цензором, не позволяя, скажем, публиковать какие-то статьи (звонят куда-то, считают что-то нецелесообразным) — подобных фактов очень много. Такое двойное поведение, как общества, так и властей, меня беспокоит.

К каким итогам мы можем прийти, как можно оценить поведение властей? С одной стороны, они демократы: с помощью западных стран проведут экономические преобразования, обеспечат права человека — все это как будто в авангарде; а с другой стороны, они все больше и больше пользуются тем фундаментом, на котором стоит и который предлагает нынешняя православная церковь. Я думаю, необходимо призвать церковь к реформированию, должна же церковь быть самым достойным институтом в общественной жизни Грузии, потому что церковь — это не национальный, а общественный институт, и она могла бы больше влиять на общество. Вместо того церковь стала распространителем националистических идей в большей степени, чем религиозных. Вот такой анализ нам нужен не для того, чтобы все потом оставалось как есть, а чтобы достучаться до властей, хотя между ними и нами уже создалась определенная дистанция.

Предвыборная псевдориторика и эйфория уйдут, а в итоге церковь потребует те выгоды, которые посулила им власть во время предвыборной кампании. Получит ли она их? Это очень важно. Церковь ожидает от власти, что она, как и прежде, останется таким же неприступным бастионом, никто ее не тронет, и все будет в порядке. Готовы ли власти потребовать от церкви, чтобы она стала адекватной обществу? Я думаю, наше собрание имеет право потребовать от новых властей, чтобы они как-то определились и заявили публично о своих взглядах на Грузинскую Православную Церковь.

Михаил Габович

Я хотел бы внести некоторую ноту скепсиса в тот активистский подъем, с одной стороны, независимых гражданских организаций, а с другой стороны, исследователей. Я не уверен в том, что наша общая роль должна состоять в том, чтобы донести какие-то мысли, идеи до политиков, по крайней мере, первостепенная роль, я думаю, что главная роль должна состоять в том, чтобы исследовать явления и понимать, что происходит. Это уже огромная задача. А с другой стороны, создавать независимые альтернативные структуры, которые направлены не на то, чтобы что-то довести до политиков, а на то, чтобы быть независимыми от политиков и действовать независимо от того, что решат политики.

Далее: я не уверен в том, что в идеале, даже в идеале, православная церковь должна быть главным связующим звеном, или одним из главных, например, между Грузией и Россией. Также мне не кажется, что она должна быть связующим звеном между Сербией и Россией, или что католическая церковь должна быть связующим звеном между Францией и Италией. Потому что тогда как раз получается та картина, которую мы сегодня увидели и услышали в выступлении Солдатова, что, по умолчанию, большинство грузин и русских православные, поэтому церковь воспринимается как некая организация, представляющая интересы или чаяния наших народов, и она должна связывать нас, а наша задача просто в том, чтобы как-то ее либерализовать. Мне кажется, что таких связующих организаций должно быть гораздо больше, они должны быть гораздо разнообразнее, и я не думал, что это в первую очередь организации церковные. Касательно того, на что намекнул в своем

выступлении Вальтер, мол, мы изучаем, исследуем, а что делать? Мне послышался в этом некий подтекст, а вот что мы можем сделать? Я думаю, надо быть очень осторожными, потому что либо мы сейчас обсуждаем какие-то кампании по либерализации религиозной ситуации, тогда для этого нужны мощные организации и большие деньги, либо цели, которые мы ставим перед собой, гораздо скромнее, тогда надо четче определить, какие это цели.

Александр Верховский

В продолжение того, что Михаил сказал по поводу активности: в принципе православная церковь - что в России, что в Грузии - является таким антимодернизационным учреждением и в этом смысле не соответствует чаяниям собравшихся, но делать нечего, она такой является, и можно, конечно, пенять на государство за то, что оно культивирует церковное руководство в его сегодняшнем качестве, но государство не религиозно ни в какой степени, ему все равно, какое там церковное руководство. Оно использует церковь как некий консервативный элемент. Если бы не было этой церкви, оно бы нашло другой консервативный элемент, просто потому что он нужен государству для конструирования политического и идеологического пространства. Не более того. Можно и нужно, видимо, требовать от государства, чтобы оно как-нибудь по-другому отнеслось к церкви - допустим, искало бы консервативный элемент в другом месте, ибо можно сказать, что общество совершенно не религиозно, во всяком случае, в традиционном смысле этого слова. Поэтому оно никак не может влиять на то, что происходит в церкви. Это — учреждение, на которое нельзя влиять извне существенным образом, разве что силой государственного принуждения. Поэтому светские люди могут сколько угодно собираться и обсуждать положение церкви, и это правильно, обсуждением надо заниматься. Но для того, чтобы церковь изменилась сама по себе, люди должны находиться внутри нее. Это некое общественное объединение, и, в общем-то, странно, что внешние люди пытаются навязать свое представление о том, каким оно должно быть. Каким хочет, таким и является. А если кому не нравится, можете создать другую церковь, либо проявляйтесь активнее внутри этой. Собственно говоря и естественно, это не является призывом, но положение вещей таково, что мы видим, что люди, которые настроены вот так, в широком смысле более модернизационно, почему-то не проявляют свою активность внутри православной церкви, и поэтому трудно ожидать, что в ближайшем будущем она изменится.

Нодар Ладария

Тут только следует определить, что значит внешний человек по отношению к церкви, я не думаю, что это такая уж четкая категория.

Михаил Габович

Хотелось бы два слова сказать по поводу реплики Александра Верховского. Конечно, у нас не богословская конференция, и мы не вправе обсуждать способы модернизации внутрицерковной жизни. Да мы и не задаемся такой целью. Но нельзя не говорить о том, что происходит определенное сращивание церковного руководства и светской власти вокруг неких общих интересов, лежащих, в основном, в сфере экономики и прикрытых политикой определенным образом, и поэтому представляющих опасность для общества. Мы имеем право говорить об этом как находясь внутри церкви, так и вне нее. Собственно, мы рассматриваем церковное руководство не как религиозный феномен, а как некую политическую или экономическую силу, и поэтому можем оценивать ее плюсы и минусы, опасности, которые от нее исходят или, наоборот, преимущества ее положения, которыми мы можем воспользоваться. Поэтому я думаю, что речь идет не о модернизации церкви, а просто о том, чтобы такие политические и экономические связи церковного руководства с политической элитой не оставались без контроля со стороны гражданского общества и не представляли опасности для нас.

Вальтер Кауфманн

Очень хотел бы подчеркнуть следующую мысль: «Я имел в виду не призыв к какой-либо активности, а необходимость понять значение этой проблемы». Мне кажется, она в Грузии, по крайней мере, прошлые два года играла очень существенную роль. Эмиль, наверно, нам еще двое суток мог бы очень интересно рассказывать о фактах нарушения свободы вероисповедания в Грузии. Это уже очень серьезно, и совсем не до смеха. В Грузии и в политическом плане очень важно понять, где предел этому. Или, может быть, пока существует какой-то переходный период, и именно потому церковь и государство тесно связаны друг с другом.

Николай Митрохин

Я согласен с предыдущими выступающими в том, что заниматься реформой церкви является, скорее, делом людей внутри церкви. Никакая внешняя сила не может сказать церкви, как она должна строить свое богослужение или свою практику, или реформировать собственные учения. Но у нас все-таки дискуссия была по поводу свободы совести, и в этом отношении я хотел бы сказать, что ситуация не так уж плоха, есть с чем сравнивать, в том числе и на постсоветском пространстве. И я считаю, что в России ситуация очень приличная, в Грузии практически тоже, то есть более или менее свободно могут действовать основные религиозные конфессии и группы, существует, так сказать, какая-то юридическая практика. Государство не всегда вмешивается в случае грубых нарушений прав верующих со стороны доминирующих конфессий, и существует группа экспертов, или группа юристов, или группа правозащитников, которые последовательно отстаивают свободу религии. Во многих странах, на постсоветском пространстве и вне него, такое в принципе невозможно. И перспектива у России и Грузии разная. Грузия, насколько я понимаю, стремится в Европу, и это стремление подразумевает соответствие некоторым стандартам, то есть в скором времени политическая власть в Грузии должна будет обеспечивать свободу вероисповедания, поскольку это будет увязано в большой комплекс вопросов по взаимоотношению с Европой. То есть надо будет не просто реагировать на случаи, а именно обеспечивать нерушимость основных свобод. К примеру, мы видим современную Турцию, которая занимается очень существенными реформами в сфере прав человека, как бы под обязательство вхождения в Европейский союз. В России в этом отношении ситуация несколько хуже, поскольку Россия декларирует свою проевропейскость, но реально шагов ни по вступлению в ЕС, ни по поддержке некоторых фактов гражданских свобод не делает. В этом отношении у нас более стабильная или медленно ухудшающаяся ситуация без каких-то обнадеживающих перспектив. Поэтому можно сказать, что в этом отношении я в Грузию верю. Спасибо.

Паата Закареишвили

В этом зале присутствует четыре гражданских лица с грузинской стороны, которые являются выпускниками Духовной академии: я, Созар Субелиани, Нодар Ладария, Леван Абашидзе. Но не это важно, важна мотивация людей в свое время, когда мы поступали туда. В Грузии церковь и общество значительно переплетены между собой. К сожалению, должен признаться, что когда мы туда пошли, были какие-то национальные идеи, скорее всего, нас беспокоило религиозное чувство. По крайней мере, факт, что выпускники Духовной академии сегодня очень активны в обществе. И для нас не безразлично, как влияет церковь на общество и на государство, в целом это беспокоит нас.

Уже явно видны тенденции со стороны власти: нынешний президент два года тому назад даже не знал, где находится Патриархия. Могу точно утверждать, он точно не знал, а сегодня он уже вовсю ссылается на нее и, очевидно, делает ставки на церковь. Вот это очень беспокоит, поэтому я считаю, что такие встречи необходимы для того, чтобы сохранить существующий между Грузией и Россией канал обмена, следить за ним, чтобы он был чистым. В Русской Церкви есть различные тенденции, различные фракции, но до Грузии все это доходит в самом неприглядном виде, или только то, чем, скажем так, сами россияне не могут гордиться.

Для меня очень важно, какая фракция российского православия влияет на грузинскую политику, какими путями достигается это влияние. Наши встречи и конференции для меня не ограничиваются только теорией. Я обогатился, получил дополнительный интеллектуальный стимул, и это для меня имеет огромное значение, чтобы потом влиять на наши власти.

Ивлиан Хаиндрава

Спасибо. В своей очень интересной, провоцирующей интервенции господин Верховский сказал, что церковь является консервативным элементом, но если бы было так, то, в общем, и проблемы бы не существовало, по-моему, потому что консервативная составляющая общества - это нормально, и никакого дискомфорта не вызывает. Но мы видим, что это скорее не консервативная, а реакционная составляющая, если угодно, ретроградная - во всяком случае, как я понимаю, в этой аудитории восприятие такое. И на данном этапе эта часть общества является препятствием на пути его развития. Однако, опять было правильно сказано, государство не может вмешиваться в дела этой институции, точно также не дело государства вмешиваться в деятельность профсоюзов, независимых СМИ или еще чего-нибудь. В то же самое время мы знаем, что каждый из этих сегментов имеет свое влияние на государство. Теперь, что делать в этой ситуации: я думаю, что гражданское общество может противопоставить, скажем так, реакционной пропаганде и соответствующему влиянию на государство, какую контрпропаганду, контрвливание, и каким образом попытаться уравновесить все.

Если на данном этапе есть ощущение того, что пока мы проигрываем, — а, по-моему, мы действительно проигрываем, — то это указывает на необходимость увеличения активности, повышения ее качества, если угодно, надо попытаться бороться за души людей, в нормальном, правильном понимании этого слова. Спасибо.

Леван Абашидзе

У меня два коротких замечания. Первое - по поводу нарушения прав человека. Я согласен, что ситуация более или менее нормальная. Основные пункты нарушения представляют собой то, что я называю частной инициативой: когда, так сказать, бьют кого-то и государство не защищает граждан, не защищает меньшинство. Второе очень важное нарушение - что ни одна религиозная организация не смогла получить регистрацию. Конечно, у нас не такая страшная ситуация, что если нет регистрации, то тебя как-то специально ущемляют, не дают молиться. Все могут собираться и молиться, но это создает очень серьезную проблему, и наши политики, к сожалению, думают, что таким способом поддерживают православную церковь, ущемляя, создавая какие-то неудобства другим религиозным организациям. Вот эти два пункта, по-моему, самые важные проблемы в Грузии.

Второе замечание - насчет идеологии. Православие становится, к сожалению, в Грузии (я думаю, мы здесь более продвинуты, чем Россия) идеологией государства. И это очень видно, например, в школе. Вот у меня дочери учатся во втором и пятом классе, и там возникают совершенно невозможные ситуации. Например, в первом классе спросила учительница: а почему ты не крещенная, надо тебя окрестить. Учительница, которая, по-моему, должна знать, что это совершенно не входит в ее компетенцию. Так же и в частных разговорах, например, вчера мою дочь спросили, какая ее любимая книжка. Она ответила: «Гарри Поттер», а подружки сказали, что «Гарри Поттера» нельзя читать, вообще нельзя читать. Моя дочь спросила, почему нельзя. Она способна спросить почему, даже если десять человек говорят «нельзя». Но не все это могут. Я думаю, что это такая сфера, где мы - по крайней мере, я как представитель гражданского общества - должны работать, чтобы объяснить, что православие, христианство не может стать идеологией государства, по крайней мере, в двадцать первом веке.

Спасибо.

Отец Иннокентий

Я хочу ответить на прозвучавший вопрос относительно календарной проблемы в Русской Церкви. Дело в том, что внутри церкви дискуссий на эту тему не ведется. Иногда, когда приближается 25-ое декабря по григорианскому календарю, в средствах массовой информации бывают статьи, что весь мир празднует Рождество, а мы, такие-сякие, отсталые, ну такая у нас церковь, значит, обскурантистская. Но это всего лишь сигнал извне. Во многих частных корпорациях есть специальные зимние рождественские каникулы, и такая публика с широкими взглядами празднует по обоим стилям. Что касается религиозного общества, надо иметь в виду, что юлианского календаря придерживаются не только православные, а также большинство российских протестантов, те же баптисты, адвентисты тоже живут по этому календарю. Собственно, только лютеране и католики по григорианскому календарю живут.

Что касается позиции Московской патриархии. Помимо уже отмечавшегося консерватизма, здесь есть и одно прагматическое соображение, а именно: они понимают, что если церковь перейдет на новый стиль, то это спровоцирует довольно серьезный раскол. Когда эта государственная скрепа, которая поддерживает единство Московского патриархата, уже не выдержит, может произойти что-то по аналогии с греческими «старостильниками».

Относительно тех, кого наша пресса именует церковными либералами, те тоже на это дело смотрят прагматично: в конце концов, календарь — вопрос не принципиальный, ну есть у нас такая традиция, и пусть она и будет. Дело в том, что когда эта государственная скрепа в конце концов рухнет, = когда-то это будет, через сколько лет, не знаю, но будет, — и произойдет распад РПЦ, то какая-то ее часть, опять же я сейчас боюсь прогнозировать, образует в России Греко-Католическую Церковь, потому что тенденции такие есть. И кстати, российские греко-католики тоже будут жить по юлианскому календарю, как они живут теперь.

Виктор Воронков

Вообще-то встреча наша касается роли православия, православной церкви, поэтому, мне кажется, в большей степени надо вести речь о православии, а не давать советы церкви или государству. Я согласился бы с тем, что здесь главную роль играет гражданское общество. Здесь правильно начали говорить о гражданском обществе, и поскольку оно у нас так слабо развито, то нет таких агентов,

носителей другого дискурса, нет таких авторитетных людей, которые могли бы конкурировать и создавать вот этот альтернативный дискурс. Государство нашло свою церковь, церковь нашла свое Государство, они довольны, хотя государство — это несколько больше, чем определенные доминирующие сегодня политические группы. Мы знаем, что система колонизирует жизненный мир человека, и для этого мы должны понять, что же там такое происходит с людьми. Потому что как бы мы ни говорили, ни объясняли государству или церкви, что неправильно вы говорите, что 85% населения России православные, на самом деле православных там 1% или 5% — это разговор не на том языке, и православных будет столько, сколько сочтет нужным считать государство и солидарная с ним в данный момент церковь. Потому что государство тогда может выступать от имени этого мифического православного большинства и сохранять таким образом свою власть, и усиливать и сохранять экономические преференции церкви. Поэтому мне кажется, что сегодня следует давать более прочные основания некоторым позициям, которые используют слабые пока группы в гражданском обществе для создания альтернативного дискурса. Если мы используем те же самые категории, которые нам навязаны государством, то остается открытым вопрос, насколько специальная категоризация влияет на само понимание людей. Мы должны отказаться от этого языка идентичности, а понимание — самое различное.

Другими словами, вопросы степени соответствия реальных групп населения категориям населения введены государством. Поэтому этот язык идентичности — этничность русский, грузин или православный — мешает нам, потому что он смешивает там, где надо разделить. Поэтому мы не можем разделить внешнюю категоризацию и само понимание людей, объективную общность и субъективную солидарность, и поэтому мы говорим о православной церкви, а не о православии.

24.01.2004

Созар Субелиани

ГРУЗИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СМИ

В современном грузинском обществе очень актуальны темы места церкви в обществе, взаимоотношения церкви с обществом, религиозного разнообразия и религиозной терпимости. В соответствии с этим, не менее актуальна тема взаимоотношения церкви со средствами массовой информации. Отражению религиозной тематики в грузинских СМИ тон задает православная церковь. Однако отношение к церкви и, соответственно, отражение религиозной тематики на страницах грузинской прессы не всегда были одинаковыми, и эта тема претерпела значительную трансформацию за последние 15 лет.

Церковь и грузинская пресса

Религиозная тематика в грузинских СМИ становится актуальной с конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века. К этому времени уже возникают свободные газеты и в достаточном количестве выходит партийная пресса. На страницах этих изданий большое внимание уделяется религиозной тематике, но это отражение однообразно и сравнительно слабо освещает как протекающие внутри церкви процессы, так и участие церкви в общественной жизни. С одной стороны, это проповеди и объяснения значений праздников, которые печатаются в соответствующие дни; с другой стороны, выходит множество статей о той опасности, которая связана с всемирными заговорами против православия, а в особенности против грузинского православия, которые организуются масонами, экуменистами, католиками, протестантами и многими другими. Во всей этой литературе особое место занимают статьи, переведенные с русского языка, среди которых часто встречаются тексты, подписанные духовными лицами русской зарубежной церкви.

Эти статьи проникнуты духом теории заговора, заговора, который вышеупомянутые силы заключили против православных. Нужно признать, что эта пропаганда оказала заметное влияние на грузинское общество и на формирование его мировоззрения. В частности, возник страх перед различными религиозными движениями и нетерпимость по отношению к отличному религиозному мнению, в то время как политический плюрализм и различие мнений является весьма распространенной формой сосуществования. Со своей стороны, страх перед лицом отличного религиозного мировоззрения питает изоляционистские тенденции и зачастую оказывает достаточно сильное влияние на политику, и находит отражение в программах многих политических сил или лидеров.

Начиная с 80-х годов прошлого века, насаждению антиэкуменического и антикультурного духа задает тон архимандрит Рафаил (Карелин), статьи и проповеди которого в большом количестве печатаются как в светской, так и церковной прессе. В этих сочинениях архимандрит ополчается не только против инославных религиозных течений и учений, но и против целых культурных направлений, против современной техники и высоких технологий, против театра, кино, современной музыки, телевидения и т. д. Например, в журнале «Воскресение Лазаря» (2002, № 16) архимандрит Рафаил пишет: «телевизор — духовный вампир... телевизор вызвал духовное вырождение и разрушение... телевизор развивает антихристианство...» (цитата переведена с грузинского языка).

С конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века против подобного обскурантизма резко выступала газета «Грузинский фильм». Именно эта газета начала борьбу против мракобесия и антикультурных тенденций, которые все сильнее проявлялись в лоне церкви и завоевывали все большее место на страницах грузинской печати.

* * * * *

С середины 90-х годов прошлого века грузинские СМИ все больше интересуются процессами, идущими внутри церкви. Этому способствуют происходящие там шумные конфликты и противостояния, которые уже привлекают внимание общества. Одним из первых примеров такого конфликта — раскол протоиерея Василия Мкалавишвили. Формально это противостояние носило религиозный характер: Василий Мкалавишвили объявил неповиновение Патриарху всея Грузии Илье II под предлогом, что Грузинская Православная Церковь участвовала в «ереси ересей», экуменическом движении. Но этот раскол имел и политические причины: Василий Мкалавишвили был сторонником бывшего президента Звиада Гамсахурдиа. Конфликт между Мкалавишвили и Патриархией оказался достаточно острым и получил широкое отражение в СМИ. Нужно сказать, что во время этого противостояния симпатии СМИ склонялись на сторону Василия Мкалавишвили — он

был героем, которого несправедливо подвергали гонениям Патриархия и государство. Скорее всего, подобное отношение можно объяснить тремя причинами:

1. Акции Василия Мкалавишвили разгонялись полицией, что придавало ему образ пострадавшего за правду;

2. В обществе уже было создано резко отрицательное мнение об экуменическом движении, чем ловко пользовался Мкалавишвили;

3. Непокорному протоиерею оказывали свою поддержку и правозащитные НПО, которые, во-первых, протестовали против гонений со стороны полиции, и, во-вторых, им импонировал вышедший из недр церкви мятежный священник.

Еще один этап в отношениях церкви и СМИ начинается приблизительно с 1998-99 годов, когда происходит почти полная сакрализация религиозной темы. В СМИ возникает некоторая внутренняя цензура, резко ограничивается количество критических статей на церковную тематику. Вместо этого продолжается издание большого количества агрессивных статей, направленных против других религиозных движений. Такая политика часто принимает характер государственного заказа. Это хорошо видно из анализа той политики, которую проводило правительство президента Шеварднадзе в течение последних нескольких лет. Но существуют и прямые доказательства. В частности, статьи, которые разжигали религиозный фанатизм и вражду, печатались по заказу государственных ведомств, часто по заказу Министерства государственной безопасности. Например, в 2002 году Институт свободы получил статью, направленную против баптистской церкви, которую кутаисский сотрудник Министерства госбезопасности Тамаз Деканоидзе передал в местную прессу. В этой статье и в других подобных публикациях учения различных религиозных направлений критикуются с позиций православного фундаментализма. Вырисовывается картина, будто эти направления создают опасность грузинской государственности, будто их члены уклоняются от исполнения гражданских обязанностей и т. д. Например, в указанной статье, посвященной баптистской церкви, сказано: «Баптисты характеризуются тем, что они отказываются давать присягу, служить в Вооруженных силах, подчиняться судебной власти, исполнять другие гражданские обязанности... у баптистов наблюдается склонность к иудаизму... Они враждебно относятся к православной церкви, более того, они отрицают апостольское учение о церкви».

Подобные статьи способствуют установлению атмосферы фанатизма и нетерпимости, а когда распространением этих писаний занимается Министерство государственной безопасности, совершенно ясно, что государство стремится к углублению фанатизма и нетерпимости. Тем более что статьи подобного содержания в особенно большом количестве печатались в государственной прессе, в том числе и в газетах «Республика Грузия», «Литературная Грузия», передачи подобного содержания передавались по государственному телеканалу.

Настроение Министерства госбезопасности подтверждалось и в заявлении бывшего заместителя министра Симона Нозадзе, сделанном в конце февраля 2001 года, когда Верховный суд отменил регистрацию Свидетелей Иеговы. В беседе с журналистами заместитель министра сказал, что необходимо «привести догматы нетрадиционных вероисповеданий в соответствие с грузинской ментальностью и традициями». Согласно заместителю министра, нужно в скором времени принять «Закон о свободе совести и о религиозных организациях», ибо, по его мнению, «в условиях законодательного вакуума нетрадиционные вероисповедания продолжают деятельность согласно собственным догматам, которые зачастую противоречат грузинской ментальности и представляют реальную опасность человеческим жизням, проповедуют отказ от службы в Вооруженных силах и т. д.».

Думаю, что существование государственного заказа сыграло значительную роль в резком росте нетерпимости и агрессивного фона. Разумеется, становление этого фона, с одной стороны, происходило при помощи СМИ, с другой стороны, оно вызывало и обратный эффект — сами СМИ попадали под действие того клише, которое сами и насаждали. Фактически, в публикуемых статьях господствовала мысль, что религиозная терпимость угрожает грузинской национальной идентичности.

В грузинской прессе без комментариев печатались высказывания тех политиков или духовных лиц, которые открыто объявляли, что террористические акты 11 сентября в Нью-Йорке представляли собой Божью кару для США. Более того, член грузинского парламента, Гурам Шарадзе в интервью, данных нескольким газетам, повторял, что американские власти сами чувствовали возможность такой опасности и желали перенести грузинские религиозные святыни в США, чтобы защитить свою страну, а оставленную без святынь Грузию предать уничтожению. Речь идет о выставке экспонатов Государственного музея Грузии и Музея искусств, которая должна была проводиться в 2000 году в США. Выставка не проводилась, ибо часть грузинских искусствоведов, духовных лиц и политиков, среди которых наиболее активным был Гурам Шарадзе, организовала серьезную кампанию против ее проведения. Мотивации этих людей не были однородными. Например, часть искусствоведов

заявляла, что продолжительное путешествие повредит экспонаты, а политики, духовенство и некоторые студенты, которые начали голодовку против выставки, говорили о различных опасностях. Для примера приведу два наиболее типичных высказывания: «Вместе с религиозными святынями произойдет отсос благодати из Грузии» — это высказывание принадлежит писателю Кобе Арабули, а священник Давид Квливидзе в интервью газете «Алиа» заявил буквально следующее: «В Америке к нашим святыням приблизятся неодетые женщины и осквернят их...». В грузинских СМИ серьезно обсуждались такие опасности, как оставление властями США грузинских святынь в счет государственного долга Грузии, намеренную подмену подлинных экспонатов копиями и возвращение в Грузию копий и т. д.

Кампания против выставки нашла широкую огласку в прессе, тогда как противоположное мнение очень трудно было заметить. Фактически создалось впечатление, будто у всего грузинского общества была единая позиция. Это заметил и один из организаторов выставки Грэм Гуров в своем открытом письме грузинским друзьям. Он пишет, что когда создавалась Президентская организационная комиссия, все его друзья желали стать ее членами и посетить выставку, но достаточно было начаться кампании протеста, как все они попрятались. «Достаточно было небольшой группе людей начать дезинформацию, как у нас уже не осталось друзей. Они замолчали! Спрятались! Трижды я побывал в Грузии после того, как началась эта полемика, и каждый раз надеялся увидеть политическое мужество и активность моих друзей. Я думал, что университет, Академия наук, Министерство иностранных дел и другие восстали бы против темных сил, но надежды не оправдались. Каждый вечер я и Гарри Викан, вместе с директорами музеев, выступали по телевидению и радио, надеясь на поддержку прогрессивной части грузинского общества, но тщетно...».

Одна часть грузинского общества искренне верила, что вывоз экспонатов с территории Грузии действительно создал бы опасность как самим экспонатам, так и всей стране, но большая часть просто уклонялась от противопоставления тому общественному мнению, которое создавалось посредством грузинских СМИ.

Церковная цензура и журналистская самоцензура

Еще с начала 90-х годов прошлого века у Грузинской патриархии было желание создать отдел цензуры, который контролировал как прессу, так и религиозную литературу, выходящую в Грузии, но эта идея не получила осуществления. Несмотря на это, Патриархии удалось установить достаточно жесткую цензуру как в прессе, так и на различную литературу. В прессе цензура выявляется разными формами, хотя результат всегда один и тот же: неприемлемая для Патриархии позиция в СМИ или вовсе не попадает, или освящается очень ограниченно. Приведу один пример: 12 декабря 2003 года в НПО «Организация правового образования» провели пресс-конференцию двое духовных лиц — протоиерей Василий Кобахидзе и священник Заза Тевзадзе. Они выразили протест против ареста и заключения властями Аджарской автономной республики молодых общественных активистов, выразили солидарность со всеми, кто возвысил голос в защиту своего гражданского достоинства. Василий Кобахидзе и Заза Тевзадзе заявили, что приложат все силы для помощи пострадавшим молодым людям.

Актуальность темы вызвала серьезный интерес журналистов, а одна из ведущих телекомпаний пригласила духовные лица в прямой эфир, чтобы представить эту тему главной темой дня. В конце концов, эта пресс-конференция не освещалась телевидением, а в печати получила незначительное место. Как стало известно по неофициальным каналам, блокирование темы в СМИ было вызвано активностью Патриархии. В других случаях для блокирования нежелательной информации Патриархия прибегала к другим методам. Например, того же Зазу Тевзадзе несколько раз предупреждал сам Католикос-Патриарх Илия II, чтобы тот впредь воздерживался от таких политических заявлений в печати, которые были бы неприятны Патриархии. В частности, дело касалось нескольких фраз о депутате Гураме Шарадзе, высказанных в эфире радио «Свобода».

Кроме этого, в печати существует и самоцензура на религиозную тематику. Например, в 2002 году студенты провели до десяти журналистских расследований, два из которых были связаны с Патриархией. Опубликование результатов этих двух исследований превратилось в серьезную проблему, несмотря на то, что из всех исследований это были самые качественные. Когда издатель одной из газет получил из-за этого упрек, он наполовину в шутку заявил, что публикация этих статей плохо отразилась бы на его бизнесе. В частности, газета публикует рождественские и пасхальные послания патриарха, на праздники по «благословиению Патриархии» прилагает иконы, иерусалимские свечи и другие предметы религиозного предназначения. Таким образом, повышается тираж. Приложение к газете таких предметов стало распространенной практикой. Одна из газет дошла до того, что периодически ко всему тиражу прилагает масло, взятое из могилы скончавшегося в 90-е

годы прошлого столетия монаха Гавриила. Это масло помещено в небольшой сосуд и считается, что оно обладает целебными свойствами.

Богословская проблематика в грузинских СМИ

В грузинских СМИ за последнее десятилетие сравнительно малое место занимает обсуждение таких богословских вопросов, которые не менее значительны, чем взаимоотношения с другими религиозными направлениями и не менее точно отражают существующие в Грузинской Православной Церкви настроения. Например, если не учитывать незначительных исключений, в грузинской светской прессе почти не был освещен спор, который чуть ли не привел церковь к серьезному расколу и так широко отразился в церковной печати. Дело касается о спасении умерших некрещеными или вовсе не рожденных младенцев. Святейший Синод Грузинской Православной Церкви принял даже специальное постановление по этому вопросу. В частности, Синод постановил, что умершие некрещеными младенцы не спасутся. В самом споре и в окончательном постановлении хорошо видно, в каком направлении развивается Грузинская Церковь, какие силы действуют в ней и чего следует ждать в будущем, но анализ этих событий не имел место в грузинских СМИ, если не считать одну статью протоиерея Василия Кобахидзе. Правда, в церковной печати на эту тему велся оживленный спор, но после синодального постановления и там на нее наложили запрет.

В грузинских СМИ практически не освещались и случаи обструкций, которым подвергался Католикос-Патриарх всея Грузии со стороны отдельных священников, когда те вместе со своими прихожанами устраивали митинги у здания Патриархии и силой принуждали Патриарха к тому или иному решению. Но ведь именно анализ этой тематики может создать гораздо более четкое представление о процессах, протекающих в Грузинской Церкви, чем устраиваемые Патриархией периодические пресс-конференции, которые так широко освещаются грузинскими СМИ.

Сотрудники пресс-центра Патриархии и вообще духовные лица часто говорят, что слишком низок профессиональный уровень тех журналистов, которые пишут на религиозную тему. Невозможно не согласиться с этим мнением, однако нужно отметить и другую тенденцию, которая все более заметна с 90-х годов прошлого века: те журналисты, которые пишут на религиозную тематику, в большинстве случаев имеют четко выраженную позицию, которая совпадает с мнением пресс-центра Патриархии. Создается впечатление, что журналисты боятся иметь собственное, отличное от Патриархии мнение. Можно назвать только несколько исключений из правила: это обзоры пресс-омбудсмана газеты «24 часа», периодические передачи радиостанции «Свобода» и еще несколько исключений, не обладающих периодическим характером.

Сравнительно редко печатаются квалифицированные «экспертные статьи», авторы которых, как правило, не являются журналистами. Тематика подобных статей достаточно разнообразна: это проблема церковного календаря, отношение к экуменизму, упомянутый вопрос о спасении некрещеных младенцев и т. д. В таких статьях гораздо квалифицированнее описывается сущность и значение рассматриваемого вопроса, хотя количество этих статей достаточно мало. Можем назвать несколько авторов, имена которых так или иначе знакомы грузинскому обществу: это проф. Зураб Кикнадзе, филологи Эдишер Челидзе, Нугзар Папуашвили, протоиерей Василий Кобахидзе и другие.

Тематика религиозных меньшинств в грузинских СМИ

Хотя темой настоящего доклада является православная церковь и СМИ, можно утверждать, что освещение вопроса религиозных меньшинств совершенно соответствует названию этой темы, ибо журналисты часто рассматривают вопрос религиозных меньшинств именно с позиции православной церкви. Это в одинаковой степени справедливо как для светской, так и для религиозной прессы. Статьи на эту тему, в основном, делятся на два типа. Статьи на религиозную тему, в основном, направлены против различных религиозных учений и носят обличительный характер, а при освещении конкретного факта, который, главным образом, представляет собой погром какого-нибудь собрания или акции религиозных меньшинств, СМИ доверяет комментарий самим экстремистам, а не пострадавшим. Например, 3 февраля 2002 года о. Василий Мкалавишвили и его отряд вблизи Тбилиси разнес склад «Объединенного библейского общества», где хранилась литература, принадлежащая обществу и Евангельско-Баптистской Церкви. Это были Библии на грузинском, армянском, осетинском и языках северокавказских народов, книга «Библейские рассказы», написанная епископом Евангелистско-Баптистской Церкви Малхазом Сонгулашвили и другие издания. Стоимость уничтоженной литературы превышала 10 000 долларов США. Телеканалы, после освещения этого факта предоставили комментарий самому Василию Мкалавишвили, который говорил об опасности, которая связана с деятельностью «враждебных сект» в Грузии.

8 июня 2001 года в Мартвили группа из тридцати человек, подстрекаемая православными священниками Гочей Цаава и Георгием Басилая, нанесла словесные и физические оскорбления

Свидетелям Иеговы, которые направлялись на собрание. В связи с этим фактом официальная газета «Ведомости Патриархии» 30 июня опубликовала интервью с настоятелем Мартвильского монастыря Пресвятой Богородицы, Гочей Цаава, который отрицал происшедшее и обвинил Свидетелей Иеговы в предоставлении прессы лживых сведений и притеснении православных. Он также оценил все как естественное желание местного населения пресечь сборы «сектантов» в доме, расположенном на пути в православный храм: «Это дорога к храму, и население не оставит ее; в будущем, наверное, мы категорически будем требовать, чтобы они не могли свободно действовать в школах и незаконно распространять сектантскую литературу, ибо у них нет на это юридического права».

В тот же день, 8 июня, в Зугдиди было разогнано собрание Евангелистской церкви «Слово жизни», на котором присутствовали 12 иностранных гостей. По словам членов церкви, Левана Беришвили и Гелы Маличава, среди нападавших были не только члены православной церкви, но и представители местных властей, в частности, член зугдидского правления, один из руководителей местной энергокомпании, Зураб Гохиа. Погромщики похитили принадлежащую евангелистам документацию, которая касалась гуманитарной помощи населению. После погрома в эфире местной телекомпании «Одиши» выступил православный священник Муртаз Чантурия, который заявил, что евангелисты променяли веру на гуманитарную помощь. За два дня до погрома Муртаз Чантурия заявил, что ни за что не допустит существование других религий, даже если придется поплатиться собственной кровью.

Религиозная пресса

На становление общественного мнения оказывают серьезное влияние средства массовой информации, подведомственные Грузинской патриархии и отдельным приходским церквям. Кроме многочисленных печатных изданий, претендующих на православную конфессиональность, Патриархия располагает и радиостанцией FM диапазона, которая вещает почти на всей территории Грузии. Религиозная печать, подведомственная Патриархии (выходящая «с благословения Патриарха») достаточно однообразна и способствует насаждению единого мировоззрения. У этой печати есть свой специфический и достаточно многочисленный читатель, которого мало интересует существование иного мнения, и который изрядно проникнут распространяемыми подобной печатью взглядами. Как пишет протоиерей Василий Кобахидзе, так называемая «православная печать» насчитывает до сорока журналов и газет, среди которых «Ведомости Патриархии», «Приход», «Мирянин и инок», «Воскресенье Лазаря», «Благовещение», «Ближний», «Свеча» и другие. По словам протоиерея, публикуемые в этой печати материалы «далеко отстоят от христианского богословия, здесь часто публикуются материалы, которые насаждают ценности, присущие Российской империи 19-го столетия, антизападные, антидемократические, антикультурные взгляды. Эти газеты полны ложными пророчествами, сведениями о ложных чудесах и явлениях...».

Воспользуюсь работой, проведенной протоиереем Василием Кобахидзе и приведу несколько цитат, выбранных им из религиозной печати:

1. «Госпоже Гульнаре Кукуладзе 10 сентября 2001 года за день до американской трагедии явилась икона Иверской Божьей Матери и потребовала, чтобы в Тбилиси, в районе Вазисубани, на горе Махата была построена церковь. По благословию Святейшего и Блаженнейшего Ильи Второго на указанном месте был водружен знак» (журнал «Карози» № 6).

2. «По словам госпожи Гульнары, она просила у Богородицы дать знак, подтверждающий истинность явления, на что Богородица ответствовала: «Неужто надобен еще знак, разве не видишь, Америка горит небесным огнем» (газета «Мирянин и инок», № 9, 2003, выходит по благословию Католикоса-Патриарха Ильи Второго).

3. «ООН — канцелярия антихриста» (Там же, № 8, 2002).

4. «Европа - лоно сатаны» (газета «Благовещение», № 2, 2003, выходит по благословию Шемокмедского архиепископа Иосифа).

5. «Антихрист входит в Грузию! Начинается духовная агрессия против Грузии... анализ деятельности действующих в Грузии НПО показывает, что ряд иностранных государств пытается в длительной перспективе использовать систему народного образования для становления в Грузии гражданского общества, ориентированного на западные ценности» (Там же, № 1, 2003).

Подобные цитаты в изобилии встречаются и на страницах светских изданий, в том числе и в официальной правительственной прессе. Например, архимандрит Рафаил Карелин в газете «Литературная Грузия» опубликовал пространную статью «Католицизм и интеллигенция» (4-10 января, 2002 г.). Несколько цитат из этой статьи:

1. «Ватикан — один из самых крупных мировых банкиров. Банк - это спрут, питающийся кровью своих жертв. В лучшем случае он высасывает 10% крови, в худшем — все до последней капли...»

2. «Исторически католицизм всегда обещал, но никогда не исполнял обещанного...»

3. «Инквизиция и крестовые походы происходили из самой сущности католицизма — необходимо было создание теократического государства, главой которого стал бы Папа...»

Своеобразное исключение из общего духа религиозной прессы представляет собой журнал «Религия», а в последнее время появился журнал «Вертоград», два номера которого были изданы при поддержке НПО «Ассоциация правового образования». Как заявляют издатели этого журнала, их целью является «способствование демократизации происходящих в Грузии религиозных процессов, сближение местного законодательства о религиозных организациях с западными стандартами, популяризация идеи активного включения церкви в социальную деятельность». «Вертоград» печатает статьи авторов, принадлежащих к различным вероисповеданиям, приоритетом пользуются материалы, касающиеся свободы мнений и совести. Два вышедших номера оставляют надежду, что журнал сможет достичь поставленных целей.

Софья Тимофеева
(при участии Н. Митрохина)

ЦЕРКОВЬ И СМИ

Взаимоотношения Церкви и СМИ мы будем рассматривать в нескольких аспектах: речь пойдет об информационной политике Церкви; о церковных СМИ, подконтрольных официальным структурам РПЦ (иерархии); об отношениях со светскими СМИ; и о православном Интернете.

1. Информационная политика Церкви

В РПЦ нет единого органа, отвечающего за общецерковную информационную политику. Эти функции поделены между двумя Синодальными отделами, – ОВЦС и Издательским советом, – однако в каждой конкретной епархии и даже в каждом приходе (в рамках вотчинной системы) существует свое понимание информационной деятельности.

ОВЦС говорит от лица Церкви по отношению к внешнему миру, курирует контакты со светской центральной прессой, информирует через «Информационный бюллетень ОВЦС» всех архиереев, а через «Официальный сайт РПЦ» (www.mospat.ru) – и пользователей Сети о значительных событиях в жизни Церкви и ее межконфессиональных контактах.

Издательский совет с меньшим успехом пытается координировать и направлять жизнь внутрицерковной прессы. При бывшем руководителе архиепископе Тихоне (Емельянове), снятом в 2000 г., одним из основных направлений его деятельности было составление проскрипционных списков светских журналистов, критически пишущих об РПЦ, и «разоблачение» их в подведомственных изданиях. Официально в число обязанностей Совета цензура не входит (если не считать таковой «экспертную оценку представленных к публикации работ»), однако если в РПЦ будет создан «цензорский комитет», – о необходимости введения цензуры последнее время весьма часто высказываются высшие иерархи, – то, скорее всего, он будет создан именно на базе Издательского совета.

Выпускаемый Издательским советом «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП) в советское время был общецерковным информационным органом. Но в настоящее время его заменили официальные новостные сайты РПЦ, а ЖМП сейчас является изданием, рассчитанным в большей степени на богатого московского православного читателя. В середине 2001 г. Священный Синод сменил руководителя этого отдела и теперь усилиями приглашенной команды православных журналистов, самой сильной в РПЦ в информационном отношении (во главе с С. Чапниным), делается попытка активизировать его деятельность.

ОВЦС и Издательский совет позиционируют себя в качестве основных проводников информационной политики РПЦ. Однако каждый отдельно взятый епископ или священник решает для себя сам, стоит или нет ему давать интервью в конкретной ситуации конкретному журналисту, будет или нет он отвечать на тот или иной поставленный вопрос.

Единой стратегии здесь нет. Есть епархии, где священники более словоохотливы, чем епископ, и наоборот, есть епископы, которые привлекают журналистов, и есть такие, которые их панически боятся. Все это происходит на фоне крайне ограниченного знания духовенства о современных СМИ. В частности, большая часть из них знает названия самой популярной «желтой» прессы или местного официоза, но ничего не слышала о ведущих столичных «серьезных» газетах (за исключением распространявшихся еще во времена СССР), не говоря уже о еженедельниках. Далее мы попытаемся кратко сформулировать общие принципы общения духовенства с журналистами.

Первый и главный из них – «не навреди». Не навреди себе (в первую очередь), епархии, Церкви. С «подозрительным» журналистом, который, возможно, доставит своей публикацией какие-нибудь неприятности, священник разговаривать не станет. Если журналист представляется от заведомо нецерковного издания (как, например, имеющей дурную репутацию газеты «Московский комсомолец») или, тем более, издания другой конфессии, священник также откажется беседовать на любую тему, включая обсуждение атмосферных явлений.

Например, на Рождественских чтениях – общецерковном мероприятии – в 2002 г. мелкий церковный чиновник – заместитель заведующего кафедрой сектоведения Свято-Тихоновского богословского института (СТБИ) диакон Михаил Плотноков – поделился с собравшимися своими соображениями о том, какие из светских изданий являются «просектантскими» (т. е. последовательно отстаивающими принцип свободы совести), а какие «антисектантскими» (т. е. теми, где периодически публикуются материалы «разоблачающие» нетрадиционные конфессии). «Он особо остановился на журнале "Религия и право", с которым, по его мнению, ни в коем случае нельзя сотрудничать <...>

упомянул также "просектантский" сайт "Мир религий". Говоря о телевидении, сотрудник СТБИ назвал имена журналистов каналов РТР и ТВЦ, с которыми можно сотрудничать»⁴².

Принцип второй – собеседник должен быть равен тебе по статусу. Свой социальный статус священник оценивает очень высоко, и поэтому, как правило, руководитель отдела епархии не будет разговаривать с просто местным журналистом (если он только не прислан из редакции областной газеты с гарантией последующей публикации положительной статьи), но будет беседовать с любым журналистом из Москвы. В Москве священник также скорее всего откажется от беседы с российским журналистом (особенно если тот представляет неизвестное священнику издание), но наверняка будет общаться с любым иностранным журналистом (чей статус в его глазах выше, чем статус соотечественника).

Принцип третий – «не обсуждай проблем Церкви с посторонними». Естественной темой для бесед с журналистами, по мнению священников, являются «возрождение Православия» в данной местности, история строительства и реконструкции храмов, церковные праздники и календарь, деятельность «сект». Практически все другие темы, особенно касающиеся внутренней жизни Церкви, ее организационной, административной и экономической деятельности – то есть того, что на деле является проблемами, – священник будет обсуждать только при уверенности, что его собеседник является членом Церкви, владеет соответствующей терминологией (включая специфический внутрицерковный жаргон) и упоминает о своем знакомстве с известными священнику духовными лицами.

2. Церковные СМИ

К церковным мы относим все СМИ, подконтрольные иерархии – синодальные, епархиальные, приходские и монастырские издания, а также частные, но зависящие от епископата. Независимые и оппозиционные православные СМИ уже несколько лет как полностью перенесли свою деятельность в Интернет, и о них мы будем говорить ниже.

2.1. Синодальные СМИ

В настоящее время реально общецерковных изданий не существует. Прежний монополист этого рынка – «Журнал Московской Патриархии» почти угас и растерял всех своих подписчиков в начале 1990-х. В середине 1990-х он возродился, однако публикует, в основном, решения Священного Синода, хронику служений и поездок Патриарха и немногочисленные богословские статьи. Интерес к подобным публикациям крайне невелик. К тому же, журнал издается на прекрасной бумаге с хорошими и многочисленными иллюстрациями и потому очень дорог для обычного верующего. Нынешний его тираж – 5 тыс. экземпляров, однако даже в Москве он продается в небольшом количестве церковных лавок. Пришедшие в церковь в 1990-е годы прихожане и даже продавцы православных книжных магазинов подчас не подозревают о его существовании.

Разговоры о создании ежедневной общецерковной газеты велись на протяжении всех 1990-х годов, но обычно заканчивались констатацией отсутствия средств. Эпизодические начинания на этой ниве держатся, как правило, не дольше трех лет. Как уже говорилось выше, наиболее серьезные издания есть у двух синодальных отделов – ОВЦС и Издательского совета.

«Информационный бюллетень ОВЦС» и создающаяся в том же отделе «Подборка по прессе» (ксерокопии статей светских СМИ) являются единственной в РПЦ печатной продукцией, которая доходит хотя бы до всех архиереев. Наибольший интерес для них представляют публикуемые там решения Синода.

Воссозданная новой журналистской командой газета Издательского совета «Церковный вестник» выходит с 2002 г., за исключением нескольких сдвоенных номеров – два раза в месяц. На наш взгляд, она является лучшим периодическим изданием РПЦ, и хотя ее бумажная версия имеет очень маленький тираж и плохую систему распространения, электронный вариант весьма информативен.

Также в настоящее время свою регулярную газету имеют Отдел по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами (газета «Победа») и Миссионерский отдел (Миссионерский листок).

2.2. Епархиальные СМИ

Многие епархий стремятся иметь у себя газету. Большинство епархий в течение 1990-х годов предпринимали попытки ее издания, однако в настоящее время регулярное печатное издание имеют лишь примерно 40% из них.

⁴² Православный диакон поделил СМИ на "просектантские" и "антисектантские" // Сайт «Мир религий», 2002. 31.1.

Обычная епархиальная газета – это ежемесячное издание формата А3, с 6–16 полосами, напечатанное на плохой газетной бумаге с ужасного качества фотографиями. В ней – в лучшем случае – публикуется: хроника служб архиерея, его распоряжения о назначениях и перемещениях священников, информация о текущих праздниках (пасхальный и иногда рождественский номера принято выпускать на глянцевой или мелованной бумаге с яркими красочными заголовками), тексты проповедей, произнесенных архиереем или кем-то из значительных священников епархии, описания или история отдельных храмов, рубрика «вопросы к священнику». Часто, впрочем, газеты обходятся даже без информации об архиерейских службах и назначениях, делая акцент не на новостных, а на «просветительских» и «душеполезных» публикациях. Также обильно перепечатываются наиболее интересные статьи и новостные сообщения из московской православной прессы, в последние годы получаемые, как правило, при помощи Интернета. Нередко в епархиальной прессе публикуются и отрывки из книг, находящихся в этот момент на епархиальном складе или поступивших в библиотеку кафедрального собора. Зато в такой газете практически невозможно встретить подробные отчеты о прошедшем епархиальном собрании, о работе епархиальных отделов, интервью со священниками и даже епископом⁴³. Темы, которые могут потенциально дискредитировать Церковь, в том числе разбор негативных случаев священнического служения; проблемы в деятельности епархиального управления, экономические аспекты деятельности приходов и даже недостатки хорового пения не только не анализируются, но и вообще никогда не упоминаются. Максимум возможного «негатива» (встречающийся крайне редко) – сильно отцензурированное и сглаженное выступление архиерея на ежегодном епархиальном собрании.

Нетрудно догадаться, что даже на фоне маловыразительных газет российской провинции епархиальная пресса скучна «невоцерковленному» читателю. Обычно она продается в храмах, редко – в областных киосках «Союзпечати». Стоит она дешево, тиражи имеет небольшие – от 1 тыс. до 5 тыс. экземпляров и потому заведомо убыточна. Доходов от ее продажи хватает лишь на восполнение расходов на печать. Сама редакция, количество сотрудников которой редко превышает три человека, находится в штате епархиального управления, а следовательно, содержится на средства кафедрального собора. Поэтому в епархиях не считается зазорным привлекать сотрудников редакций для каких-либо иных дел, пусть это и задерживает выход очередного номера. Однако, еще чаще, выпуск газеты задерживается потому, что у редактора или основных авторов есть немало более, как им кажется, важных и прибыльных занятий.

2.3. Приходские СМИ

В названиях многих приходских СМИ содержится слово «листок». Это означает, что данное издание не претендует на статус газеты, однако это уже не листовка и не стенгазета, припиленная при входе в храм. Приходские листки издаются и редактируются священниками или, реже, православными активистами. Как правило, они мало что говорят о местных новостях и, в основном, содержат «душеполезную» информацию из дошедших до прихода епархиальных или московских газет и книг. Тираж приходских изданий обычно менее тысячи экземпляров⁴⁴, цена условная. В каждой епархии такие листки издает один из 20–25 приходов и часто они имеют распространение не только на территории храма, но и в пределах своего благочиния.

При крайней примитивности и вторичности подавляющего большинства подобных «листочков», среди них в последние годы стали попадаться издания, систематически несущие интересную для исследователя информацию. Некоторые из них по объему, количеству самостоятельных материалов и разнообразию тем могут конкурировать с епархиальной прессой (например, издающиеся в соседних благочиниях Московской епархии «Дорога к храму» Троицкого храма г. Озеры и «Глаголь» Троицкого храма г. Коломны).

2.4. Частные православные СМИ

Информационную лакуну, образовавшуюся после исчезновения ЖМП, до некоторой степени заполняют частные православные издания, находящиеся под контролем влиятельных в Церкви группировок. Они не претендуют на освещение всех аспектов церковной жизни, но свои сектора удерживают достаточно крепко.

⁴³ В процессе подготовки справочника «Епископы и епархии РПЦ» (Москва, 1997) авторами было обнаружено, что не менее половины существующих епархиальных газет никогда не публиковала интервью с епископом, в котором он бы рассказывал о себе или своих взглядах на различные проблемы церковной и общественной жизни. С тех пор ситуация не претерпела никаких изменений.

⁴⁴ При тираже более 1 тыс. экземпляров российское законодательство требует регистрации издания, подачи многочисленных бумаг в контролирующие органы.

Первым изданием такого типа была московская газета «Радонеж», специализировавшаяся на общественно-политической проблематике и отражавшая взгляды московского фундаменталистского духовенства. Однако во второй половине 1990-х ее критический настрой (точнее, упорные обвинения в «экуменизме» в адрес половины членов Священного Синода) начал раздражать МП и после 1998 г. газета потеряла финансирование, тираж, снизила периодичность. Ее место занял ежемесячный иллюстрированный журнал «Русский дом», который совмещает православные материалы с текстами политической (коммунистической и русско-националистической) оппозиции. В Церкви он опирается на поддержку еще одной крупной фундаменталистской группы – Сретенского монастыря в Москве. Поскольку редакция «Русского дома» с почтением относится к иерархии РПЦ и имеет, вероятно, лучшую в Церкви сеть диллеров, то гляцевую обложку этого журнала с красотками в русской народной одежде (либо крупными портретами исторических деятелей) можно встретить практически в любом крупном храме России. Однако собственно религиозные вопросы он освещает весьма поверхностно и потому скорее служит общественно-политическим и «стилеобразующим» изданием для воцерковленных, чем вероучительным чтением для них или источником информации для священников.

Вторым по популярности частным изданием сейчас является газета «Воскресная школа», до недавнего времени бывшая одной из еженедельных газет большого издательского дома «1 сентября» (специализирующегося на выпуске тематической прессы для учителей), а сейчас выходящая уже как самостоятельное издание. Содержание «Воскресной школы» посвящено узкой проблеме, отраженной в ее названии, однако издание вполне профессиональное, хотя и занимает фундаменталистские позиции. На рынке «Воскресная школа» держится уже более шести лет, что по современным российским нормам очень много, и имеет постоянных читателей и распространителей по всей России.

Среднее положение между «Русским домом» и «Воскресной школой» занимает журнал «Православная беседа», который более православен, чем первое издание, и менее профессионален, чем второе. Он специализируется на проблемах образования и православной культуре, а также стремится быть семейным журналом для воцерковленных, но имеет значительно меньшее распространение.

На региональном уровне существуют несколько газет, которые, опираясь на различные группировки духовенства, сумели развиться в достаточно самостоятельные и в то же время церковные издания. Такие газеты, как «Вера-Эском» (Сыктывкар), «Православный Санкт-Петербург», «Православная газета» (Екатеринбург), «Благовест» (Самара), «Начало» (Днепропетровск) закрывают нишу межрегиональных информационных православных газет, хотя и издаются нечасто – один-два раза в месяц. Они достаточно толсты (до 24 страниц), освещают ситуацию не только в своей, но и во всех епархиях региона, делают это качественно, оперативно, иногда даже поднимают существенные для Церкви проблемы, широко публикуют интервью и почти весь объем газет занимают собственными материалами. Подобные издания стремятся расширять свою деятельность, вслед за «Русским домом» постепенно превращаясь в локальные медиахолдинги – в первую очередь, выходя в Интернет со своими новостными лентами или бесплатными электронными рассылками. Вот как описывает размах деятельности своего руководителя игумена Димитрия (Байбакова) формально епархиальное, но, по сути, частное екатеринбургское агентство, выросшее из «Православной газеты»: «Трудами игумена Димитрия и его сподвижников создан уникальный церковный медиахолдинг, в который входит несколько газет, в том числе и еженедельных, три типографии, информационное агентство, книжное издательство, ежедневная телепрограмма "Новости епархии", несколько еженедельных телепрограмм и круглосуточный радиоканал "Воскресение"»⁴⁵.

3. Отношения Церкви со светскими СМИ

Позиция РПЦ по отношению к светским СМИ достаточно проста – они должны публиковать благоприятную информацию о ее деятельности (желательно предоставленную клириками) и разоблачать деятельность иных религиозных конфессий, и особенно нетрадиционных «сектантов».

В соответствии с этой установкой духовенство РПЦ и пытается выстраивать отношения с журналистами. Наиболее простой и распространенный способ – заручившись поддержкой местных властей, подписать договор о сотрудничестве с местными телерадиокомпаниями и газетами, принадлежащими или подконтрольными местным администрациям (областным или районным).

Вот как описывает механизм давления на СМИ в Краснодарском крае сотрудник отдела по делам религии управления юстиции Краснодарского края Л. Коркоценко, выступая на епархиальной

⁴⁵ Сегодня свой день рождения отмечает руководитель информационно-издательского центра Екатеринбургской епархии игумен Димитрий (Байбаков) // Екатеринбург: Информационное агентство Екатеринбургской епархии, 2004. 8.01.

конференции: «Мы ищем стержень, все те, кто сегодня радеет за наше Отечество, болеет за нравственное состояние нашей страны. Поэтому это нужно и необходимо. На наших телеканалах, на краевом телевидении, краевых газетах нет сегодня страницы, кроме «Вольной Кубани», где пишется «Православная Кубань». Мы четко понимаем, что если человек, стоящий у руководства издания, православный, то он даст право на существование этой страницы. Если он не православный, если рядом не будет батюшки – это горе каждого человека. Я знаю, что митрополит встречался неоднократно с губернатором, что губернатор идет навстречу, но мы не видим пока реальных шагов к действию средств массовой информации. Я думаю, что если и ЗСК <Законодательное собрание края> в этом плане предпримет твердые шаги, сделает усилие, то у Православных СМИ будет возможность существовать и на экранах, и на страницах наших газет. Эти интересы должны отстаиваться на очень высоком уровне»⁴⁶.

«Убежденные» чиновниками в необходимости защищать «интересы православия», редакторы подбирают в своем штате т. н. «православного журналиста». Это, как правило, человек действительно верующий и искренне любящий местную духовную власть, персонифицированную в образе, например, епископа. Такой журналист получает доступ в епархиальное управление (или к благочинному) и возможности для описания местных православных новостей или написания статей, которые будут размещены в газете – нередко за подписью первого лица иерархии. Как правило, «близость к телу» архиерея и небольшие подарки достаточны для самоотверженной и неоплачиваемой работы. Зачастую «православный журналист» совмещает свою работу в светской газете с редактированием епархиальной прессы. Если свои журналисты в региональных СМИ у епархии есть, то все прочие журналисты, особенно «запятнавшие» себя критическими статьями о РПЦ или благожелательным отношением к другим конфессиям, ограничены в получении информации и, как максимум компромисса, могут довольствоваться пресс-релизами или публичными заявлениями.

Следуя упомянутому нами выше принципу, церковные иерархи зачастую считают таких «неправославных» журналистов «посторонними» – т. е. не имеющими права судить о «делах Церкви» – и постоянно настаивают на своем праве цензурировать все публикуемые материалы, посвященные РПЦ. При этом рычаг давления на СМИ выбирается тот же – административный. Например, в мае 2003 г. архиепископ Красноярский Антоний (Черемисов), удрученный публикациями о ситуации в епархии в краевых СМИ, предложил на заседании регионального межрелигиозного совета «ставить религиозные конфессии в известность о публикации той или иной информации об их деятельности, "чтобы мы могли корректировать ее". Однако реализация предложенной им схемы зависит от администрации, и владыка надеется "на зрелость мужей из краевой власти", которые смогут сообщить СМИ претензии верующих»⁴⁷.

Нередко случается, что и часть священников стремится написать и опубликовать в прессе свои статьи, посвященные праздникам или ответам на духовные вопросы. Если редакция заключила с епархией договор о сотрудничестве, такая статья имеет шанс быть напечатанной. Однако газеты с более независимой позицией, как правило, их отклоняют, поскольку они не соответствуют стандартам журналистики и не очень популярны среди читателей.

В федеральных СМИ ситуация более сложная. Во-первых, центральные СМИ (особенно пресса) находятся в меньшей зависимости от государства, и личная позиция журналиста здесь более весома, чем в регионах, а уровень профессионализма выше. Журналисты центральных СМИ придерживаются значительно более либеральных взглядов, чем основная масса населения страны, и у них вызывает огромное недовольство закрытая и консервативная политика РПЦ (однако Патриарх как личность вызывает уважение). В Москве и нескольких крупных городах существует прослойка журналистов, профессионально пишущих о религии, которые при этом в большинстве своем являются сторонниками модернизации РПЦ, а следовательно, идут против основного идеологического течения в сегодняшней Церкви.

У большинства редакций центральных СМИ в последние пять лет сформировалось стойкое предубеждение к любым контактам с РПЦ, особенно парадоксальное, если сравнить его с благожелательным настроением журналистов в отношении Церкви в первой половине 1990-х. Деятельность Церкви реально интересует очень немногих читателей, а публикация критических материалов вызывает конфликты как с самой Московской патриархией, так и с ее многочисленными лоббистами во власти и бизнесе⁴⁸.

⁴⁶ Выступление гл. специалиста отдела по делам религии управления юстиции Краснодарского края Л. Коркоценко на круглом столе «Православная культура, общество и государство» // Краснодар: Православный голос Кубани, 2003. декабрь. №12 (57).

⁴⁷ Красноярский край. Архиепископ Антоний предложил создать механизм контроля над публикациями на религиозные темы // М.: REGIONS.ru, 2003. 6.05. (со ссылкой на ИА «Пресс-Лайн»).

⁴⁸ Например, в январе 2001 г. Николай Митрохин, директор Института изучения религии в странах СНГ и Балтии, участвовал в съемках ток-шоу о проблемах церковной экономики, которое должно было пройти на первом канале (ОРТ). За три дня до

Поэтому, в основном, редакции интересуются крупными скандалами, связанными с Церковью, церковно-государственными отношениями (например, отказом Московской патриархии признавать подлинность найденных под Екатеринбургом останков семьи Николая II), здоровьем действующего Патриарха и перспективами избрания нового или самыми значительными событиями в жизни РПЦ (типа Архиерейского собора). Кроме того, на телевидении имеются несколько передач, которые готовятся компаниями, принадлежащими ОБЦС, однако их существование – предмет политической целесообразности и уступки властей⁴⁹.

Для МП и, в первую очередь, ОБЦС отношения со светскими журналистами – предмет непрекращающейся «головной боли». В настоящее время примерно пять церковных чиновников, имеют право на самостоятельные контакты с прессой от лица Церкви, трое из них – сотрудники ОБЦС (самым известным из которых является заместитель председателя отдела протоиерей Всеволод Чаплин), также в этой роли выступают митрополит Кирилл (Гундяев) и, конечно, сам Патриарх. Задачи ОБЦС заключаются в том, чтобы не специализирующиеся на религиозной проблематике российские и иностранные журналисты, которые обращаются за комментариями в отдел, не написали ничего плохого, а также в нейтрализации попавших в руки редакций критических материалов и в организации в СМИ PR-акций в поддержку главы ОБЦС.

В 2001–2003 гг. на ОБЦС стали ориентироваться православные редакторы наиболее профессиональных светских СМИ, освещающих ситуацию в религиозной сфере – приложения к «Независимой газете» «НГ- религии», сайта «Религия и СМИ».

Впрочем, предъявляют претензии к прессе не только сотрудники ОБЦС. Показательна в этом отношении история с освещением тяжелой болезни Патриарха и кадровых перестановок в высшем эшелоне Церкви в мае 2003 г. Целый ряд федеральных СМИ в России посчитал необходимым выступить с аналитическими материалами по этому поводу, что вызвало единодушную отрицательную реакцию как у священнослужителей, так и у церковных СМИ. Однако упреки в адрес светских СМИ за их «нетактичное поведение» сопровождалось (в церковной прессе) сожалениями по поводу недостатка информации и разъяснений со стороны «синодалов» того, что происходит «наверху».

4. Православный Интернет

Интернет-сайты РПЦ появились в 1997 г. В настоящее время существует уже около тысячи сайтов, созданных иерархией, церковными группировками и простыми верующими. Можно утверждать, что за прошедшие пять лет Интернет превратился в важнейший источник информации для активной части верующих, и его существование восполнило ту брешь в общецерковном информационном пространстве, которая наблюдалась в первой половине и середине 1990-х годов.

Синодальные, епархиальные и приходские сайты построены примерно по одному принципу. Они дают необходимый минимум информации об истории и текущей деятельности своих учредителей. Лучше всего в Интернете представлены сайты синодальных отделов (6 из 8) и епархиальные – их открыла примерно половина российских епархий (на Украине ситуация хуже – заявлено 14 сайтов (более трети от числа епархий), однако реально работают не более 10; в Белоруссии действует официальный портал Белорусской ПЦ – www.church.by, а также два сайта⁵⁰). Приходские странички и сайты развиты недостаточно, но их также существует несколько сотен. Главной проблемой для них является отсутствие самостоятельной информации (та же ситуация, напомним, с приходскими «листками») и потому они заполняют свои страницы фотографиями из жизни общины. Для синодальных и епархиальных сайтов характерно отсутствие поддержки ресурса после вывешивания его в Сеть. Многие сайты сообщают хорошо если по одной новости в месяц, данные по епархиям не обновляются годами.

Вторая крупная группа сайтов – это православные СМИ, как официальные, так и независимые. Для многих из них Сеть оказалась настоящим спасением и позволила сохранить и расширить круг читателей. Особенно активны в этом отношении издания фундаменталистских группировок. В 1998–2001 гг. в информационном отношении они лидировали в православном Интернете, не испытывая никакой конкуренции со стороны православных СМИ иной идеологической ориентации. Однако в 2002–2003 гг. ситуация принципиально изменилась. После открытия сайтов «Мир религий»

эфира стало известно, что передача запрещена, поскольку ее участники сделали в отношении Церкви немало критических замечаний – и, как было сказано перепуганными организаторами съемки, присутствовавший на передаче диакон Андрей Кураев рассказал об этом патриарху. Компания, потратившая на четырехчасовые съемки немалые средства, теперь, вероятно, будет серьезно думать, прежде чем решится связываться с подобной темой.

⁴⁹ «Слово пастыря» (ОРТ, суббота, утро); «Православная энциклопедия» (ТВЦ, суббота, утро); «Русский взгляд» (ТВ Московия – 3 канал, воскресенье, день); на «Культуре» – «Библейский сюжет» (суббота, утро) и передачи, посвященные крупным праздникам.

⁵⁰ Сайты Витебской и Гродненской епархий.

(www.religio.ru), «Религия и СМИ» (www.religare.ru), «Седмица» (www.sedmica.ru), «Сова» (www.sova.ru), а также «Портала-Credo.Ru» резко увеличился не только объем и скорость представляемой информации о православии в России, но и качество и объем аналитики. Идейный вектор сменился.

Третья большая группа – сайты православных общественных организаций, которые также, в основном, придерживаются фундаменталистской ориентации и активно сотрудничают с непарламентской русской националистической оппозицией (как, например, сайты Форум диакона Андрея Кураева, «Русское воскресение, «Апокалипсис»).

Весьма популярны в Сети и различные православные библиотеки, виртуальные коллекции икон, форумы для любителей церковного пения и зодчества. С осени 2003 г., например, начало вещать первое российское православное Интернет-радио «Kolokola.ru», посвященное соответствующей музыке и технологиям.

Произвести оценку посетителей православной части Рунета не представляется возможным. По данным «Православного сетевого братства», распространенным на Рождественских чтениях 2002 г., ежемесячное количество посетителей 250-ти крупнейших православных ресурсов составляло 215 тыс. человек (или более 7 тыс. человек в сутки). Это не очень много (для сравнения – ежедневное количество посетителей одного из наиболее популярных сетевых общественно-политических изданий «Газета.Ру» составляло 40 тыс. человек в сутки), к тому же, по оценкам одного из отцов-основателей православного Интернета в России Н. Ардабьевского, на некоторых крупных сайтах происходит целенаправленная «подкрутка счетчика»⁵¹. Так или нет, но в настоящее время православный Интернет, несмотря на свой малый объем, является наиболее живым и динамичным сектором церковных СМИ.

⁵¹ Выступление Н. Ардабьевского на секции, посвященной православному Интернету. Москва, Рождественские чтения – 2002, зал Союза писателей России.

Протоиерей Василий (Кобахидзе)

**О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ
ГРУЗИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Современное положение Грузинской Православной Церкви абсолютно катастрофическое. Оно настолько патологично и алогично, столь диаметрально отличается от самодовольных заявлений ее руководителей, что читателю может показаться неправдоподобным.

В первую очередь, необходимо отметить, что в Грузинской Церкви полностью восторжествовала темная, фанатическая идеология, ничего общего не имеющая с христианством, которая в кратчайший срок превратит Церковь в антигосударственную, антиобщественную, антидемократичную, антикультурную институцию. Грузинская Церковь – это церковь, из которой выдворены теология, просвещение, культура, интеллект и вообще всякая нормальность. Абсолютное большинство священнослужителей не образовано и не культурно, что является плодотворной почвой для фанатизма.

Церковь – организация иерархическая, поэтому в ней большую роль играют иерархи. За редким исключением, наши епископы не образованы, некультурны, амбициозны, психически больны, оппортунисты и подхалимы. Некоторые из них имеют криминальное прошлое. Все это – результат губительной кадровой политики Патриарха. Я отдаю себе отчет в том, что все это звучит невероятно, но такова ужасающая реальность, на которую, к сожалению, не обращается серьезного внимания.

Большинство монахов и монахинь, проживающих в монастырях Грузии, больны физически и психически. Их взгляды очень далеки от христианской аскетики и вообще от здорового христианства. Причиной этого является то, что церковные владыки производят постриг желающих принять обет монашества без всякой предварительной подготовки, а по взглядам, господствующим в церкви, им не нужно никакого обучения. В советский период в Грузии была утеряна традиция монастырской жизни, передающаяся из поколения в поколение. Вместо того чтобы ознакомиться с этой традицией в других православных церквях, наши монахи, с поощрения руководства церкви, сами начали аскетическую жизнь, поэтому среди них нередки проявления фанатизма, психические отклонения, пьянство и заболевание туберкулезом.

Тбилисская и Кутаисская духовные академии существуют лишь номинально. В Грузии нет специалистов по теологическим предметам, а те, кто мог бы их преподавать, изгнаны из церкви. Поэтому господствует черносотенная идеология, которая обуславливает антихристианскую, превратную позицию нашей Церкви по любым, будь то теологические, общественные, культурные, социальные и т.п., вопросам. С начала 90-х годов происходит рукоположение в епископы и священники совершенно недостойных лиц, конвейерным методом, без всякой подготовки. Рукоположение таких лиц, появление в обществе которых, позорно для Церкви. Современные грузинские клирики не являются наследниками и продолжателями грузинской христианской культуры.

Уже в течение длительного времени Католикос-Патриарх Илия II не управляет церковью. Большую часть своих властных полномочий он передал своей личной секретарше Шорене Тетрашвили, не имеющей теологического образования. Она вообще не понимает, что есть христианство и христианская культура, не знает церковного права и структуру церкви. Она полностью изолировала Патриарха и создала вокруг него информационный вакуум. Святейшему предоставляется лишь та информация, которую посчитает нужной она. Из-за этого Патриарх уже не может адекватно воспринимать существующую в церкви и обществе реальность и процессы, происходящие в современном религиозном мире. Ш. Тетрашвили определяет не только внутреннюю, но и внешнюю политику церкви. Вообще окончательные решения по любым вопросам принимает она.

Большинство духовных лиц Грузии, кроме своих бытовых проблем, абсолютно ничем не интересуется, поэтому фанатичные силы получили возможность действовать свободно, без всяких ограничений. Очевидно, что десять таких энтузиастов многое могут сделать среди тысяч инертных людей. Именно из-за деятельности этих сил пришла Церковь к катастрофе. Грузинская Церковь в мае 1997 года вышла из Всемирного Совета Церквей и Конференции Европейских Церквей. В то время как грузинское государство стало членом ООН и Совета Европы, церковь покидает их «религиозные эквиваленты». Разве ориентация государства и церкви должна различаться столь диаметрально? Разве не есть это повод для тревоги? Церковь Грузии прервала двусторонние богословские диалоги с другими христианскими конфессиями, предала обструкции Финскую Православную Церковь только за то, что она для вычисления даты праздника Пасхи применяет новый календарь. Фанатики вынудили Патриарха принести публично извинения в связи с членством Грузинской Православной Церкви во Всемирном Совете Церквей. Наша церковь постановила, что души младенцев, погибших в утробе матери или умерших после рождения без крещения, попадают в ад. Это постановление – апология патологии. Из-за позиции церкви не состоялись выставки образцов грузинского христианского

искусства в США и Италии. Перед визитом Папы Римского Иоанна Павла II в Грузию православные священнослужители развернули грязную кампанию по дискредитации Папы. Владыки же церкви заявили, что рассматривают главу Католической Церкви не как религиозного деятеля, а лишь как главу государства Ватикан. Подобные абсурдные заявления сегодня не делают даже атеисты. Во время его визита Патриархия Грузии запретила православным христианам присутствовать на отслуженной им мессе. Церковь не венчает смешанные пары, т.е. пары, различающиеся по конфессиям. Императивным требованием является повторное крещение, подобно язычникам, представителей других конфессий (католиков, лютеран, реформатов, представителей Армянской Апостольской Церкви, баптистов). Это – вопиющий фанатизм. Вообще в церкви господствует религиозная истерия, подпитываемая ложными чудесами, ложными пророчествами и «откровениями». Паства объята болезненной апокалиптикой, т.е. делаются заявления о приближении Второго Пришествия и Конца света. Заявляется о наступлении господства Антихриста, признаками чего объявляется объединение Европы, введение евро и т.п. Патриарх распространяет, мягко говоря, странные взгляды о том, что во время Второго Пришествия спасется только Грузия, что она «просияет»(!) и т.п., что подпитывает темный религиозный национализм.

Утвердился патологический институт взаимоотношений пастыря и паствы, напоминающий взаимоотношения гуру и его адепта. Происходит духовное насилие пастыря над паствой. Пастырь утверждает изоляционистский менталитет, представляет членов паствы как малую группу, обладающую истиной, а все остальное человечество – их врагом. Из-за этого он призывает их постоянно быть бдительными, ненавидеть искусство, театр, музыку, литературу, философию, спорт, не смотреть телевидение, не пользоваться Интернетом, не ездить на учебу за границу. Они должны рабски подчиняться ему. Тем самым подавляется мышление и интеллект, и человек, пришедший в церковь, превращается в «манкурта». Проявляются также четкие признаки антисемитизма, который чужд для грузинского христианского менталитета.

Фанатичные силы постоянно грозят Патриарху восстанием, расколом, захватами храмов и монастырей и тем, что перестанут подчиняться ему, т.е. создадут другую Грузинскую Церковь. Патриарх же уступает грубой силе, так как ему не на кого опереться, уступает, дабы сохранить видимое единство церкви. Подобная политика превратила его в заложника фанатиков, а церковь скоро превратится в пятую колонну какой-нибудь внешней силы в Грузии. Нет предела требованиям фанатиков, сейчас они требуют, чтобы Грузинская Церковь отвергла грузинские церковные песнопения, являющиеся важнейшим сокровищем нашей христианской культуры, и перешла бы на греческие одногласные песнопения. Следует отметить, что, несмотря на слабое сопротивление со стороны Патриархии, в некоторых храмах и монастырях уже отказались от грузинских песнопений. Видимо, в ближайшем будущем это явление станет всеобщим.

Следующее требование фанатиков – прервать евхаристическое общение: 1. с Румынской и Александрийской патриархиями из-за того, что в этих церквях венчают смешанные пары; 2. с Антиохийской патриархией – из-за того, будто эта церковь имеет евхаристическое общение с Сирийско-Якобистской (т.н. монофизитской) Церковью, что неверно: Грузинская Церковь автокефалию получила от Антиохийской патриархии, поэтому, согласно церковной традиции, она считается для нас церковью-матерью и требование порвать с ней евхаристическое общение еще раз указывает на антихристианство фанатиков. Надо думать, что они вскоре добьются и этой цели, так как все их требования Патриархом удовлетворяются. Это же явится началом конца нашей церкви, так как пасторальная практика венчания смешанных пар – распространенная практика и в других православных церквях (Греция, Россия, Польша, Болгария, Константинополь), так что нужно ожидать, что удовлетворение требований фанатиков в будущем приведет к разрыву связей со всеми православными церквями.

Кто же эти фанатики? Это митрополиты: Иов Акиашвили, Давид Махарадзе, Сергей Чекуришвили и другие; епископы: Саба Гигиберия, Григол Бербичашвили, Димитрий Шиолашвили; архимандриты: Иоанн (Шеклашвили), Рафаил (Карелин), Лазарь (Абашидзе) и другие; протоиереи: Зураб Антадзе, Александр Болквадзе, Виссарион Менабде, Шио Менабде, Давид Исакадзе, Петрз Барамидзе, Дмитрий Горгадзе, Захарий Давришидзе, Теймураз Чачибая, Арчил Миндиашвили, Ираклий Каландадзе, Василий Киквадзе и другие; священники: Василий Яшагашвили, Давид Миндорашвили, Давид Квливидзе, Георгий Размадзе, Захарий Маргалитадзе, Константин Когуашвили, Евтихий Швелидзе, Феодор Гигнадзе и другие; почти все духовенство Шемокмедской епархии (Ланчхутский и Чохатаурский районы), Урбнисско-Руисской епархии (Хашурский и Карельский районы), духовенство и женский монастырь Мгвимеви Чиатурской епархии и другие. Если Шемокмедской епархией руководит добрый, однако абсолютно необразованный и безвольный архиепископ Иосиф (Киквадзе), не имеющий никакого влияния на свое фанатичное духовенство, то во главе Урбнисско-Руисской епархии стоит митрополит Иов (Акиашвили), являющийся основным представителем фанатиков на заседаниях Св. Синода, проводящий их позицию. Он является опаснейшим фанатиком.

Фанатики имеют определенные связи в других странах (Греция, Россия). Они обладают довольно крупными финансами, издают книги и газеты (например, газету «Мревли» («Паства»), журналы «Лазарес агдгинеба» («Воскрешение Лазаря»), «Ивериис габрцкинеба» («Проссияние Иверии») и другие), которые они продают во всех церквях на территории Грузии. В Тбилиси они имеют т.н. «Сеть православных магазинов», посредством которой распространяют черносотенную литературу. Книги патологического содержания Рафаила (Карелина) и Лазаря (Абашидзе) издаются в России многотысячными тиражами. Их идеология уже объяла всю церковь, что очевидно из передач официальной радиостанции Патриархии «Иверия» и официального печатного органа Патриархии «Ведомости Патриархии».

Уже много лет в Грузии издается церковная пресса, которая насчитывает около 40 наименований газет и журналов. Мы рассмотрим лишь те издания, которые издаются с благословения Католикоса-Патриарха всея Грузии или какого-нибудь иерарха церкви: «Сапатриаркос уцкебани» («Ведомости Патриархии»), «Мревли» («Паства»), «Эри да бери» («Народ и священнослужители»), «Лазарес агдгинеба» («Воскрешение Лазаря»), «Хареба» («Благовещение»), «Мокваси» («Ближний»), «Карози» и другие. Можно без комментариев привести несколько цитат из этих изданий, и нормальному человеку сразу станет очевидно их направление. Ужасно, но факт, что наша церковная периодика ничего общего не имеет с православным богословием, а зачастую – и с христианством. В ней публикуются статьи, которые насаждают имперское мировоззрение и ценности XIX века, антизападные, антидемократические, антикультурные взгляды. Эти издания полны описанием ложных пророчеств, чудес и откровений, манипуляцией которыми издатели пытаются оказать воздействие на сознание читателя. Например, журнал «Карози» (№6, стр.12) сообщает: «10 сентября 2001 г., за день до трагедии, свершившейся в США, у г-жи Гульнары Кукуладзе было видение – ей явилась икона Иверской Божьей Матери, которая потребовала построить церковь в Тбилиси, в поселении Вазисубани, на горе Махата. С благословения Святейшего и Блаженнейшего Илии II на этом месте уже воздвигнута часовня». Особенно «прямой» является газета «Эри да бери» (№9 (10) 2003 г.): «По словам г-жи Гульнары, она попросила Богородицу дать ей знак в подтверждение ее видения, на что Богородица ей ответила: «Какой еще тебе нужен знак, Америка горит с неба». Далее, та же газета: «Богородица объявляет, что волна III Мировой войны захлестнет и Грузию, что вполне возможно и логично, если учесть то, что нынешние власти Грузии предложили США использовать территорию и воздушное пространство Грузии для проведения военных операций: Грузия, активно поддерживающая США, безусловно, станет объектом удара мусульманского воинства. В таком случае США действительно не смогут защитить нашу безопасность, так как она от подобных явлений не может защитить даже себя. Кроме того, позиция фактических властей Грузии, безусловно, раздражает Россию». Думаю, комментарии излишни! Это прямое святотатство по отношению к Пресвятой Богородице. И этой газета выходит с надписью: «Пусть Господь благословит газету «Эри да бери», поможет ей исполнить намеченные цели. Католикос-Патриарх всея Грузии, Святейший и Блаженнейший Илия II». Со страниц официальной газеты Патриархии «Сапатриаркос уцкебани» митрополит Сухумский и Абхазский Даниил (Датуашвили) призывает грузинский народ свой духовный храм построить на подобных «откровениях» (№17 (224), стр.11).

«ООН – канцелярия Антихриста», – заявляет «Эри да бери» (№8 (9) 2002 г.), «Европа – недра Сатаны», – вторит ей газета «Хареба» (№2, март, 2003 г.), выходящая с благословения архиепископа Шемокмедского Иосифа (Киквадзе). «Антихрист входит в Грузию! Происходит духовная агрессия против Грузии!» – заявляет эта же газета и проясняет, в чем она состоит: «Анализ неправительственных и религиозных организаций, действующих в Грузии, показывает, что ряд зарубежных государств старается использовать в долгосрочной перспективе систему образования для формирования гражданского общества, ориентированного на ценности Запада» (№1, январь, 2003 г.), т.е. в противовес этому обязанность православных – действовать во имя возрождения имперской монархии. Каким же образом? Вот рецепт газеты «Хареба»: «Православные христиане, мы можем и должны стараться повлиять на международные процессы. Что для этого нужно? В первую очередь, внимательно следить за действиями наших политиков на международной арене, в случае надобности потребовать изменения их позиции. Правительства тех стран, в которых преобладает православное население, при принятии важных законов и судьбоносных для нации решений обязаны учитывать волю народа. Имеем право требовать аннулировать договоры, имеющие антиправославный характер» (9 декабря 2002 г.). Интересно, о каких договорах может идти речь? Очевидно, тех, которые могут вызвать раздражение «единоверной» России!

В церковной периодике посредством манипулирования христианством пастве проповедуется крайний изоляционизм. Верующий полностью должен порицать современную цивилизацию и культуру: «Сегодня полно опасностей. Видимо, как никогда, это столетие отличается удалением от Господа и восстанием против Него. Научный и технический прогресс достиг того предела, что возводится чуть ли не Вавилонская башня непокорности Богу. Все эти новые научные открытия

направлены к тому, чтобы человек вытеснил Бога... » (журнал «Мокваси», 5, 2003, издается с благословения Давида, митрополита Алавердского). «Что можно сказать о современной культуре, господствующей в мире? Некоторые современные отцы прямо называют ее «антикультурой», «культурой распада», «самоистреблением» (журнал «Лазарес агдгинеба», XVI, 2002, издается с благословения Католикоса-Патриарха). Интересно, кого подразумевают под «современными отцами»? Видимо, архимандрита Рафаила (Карелина), который на страницах того же журнала нападает на телевизор: «Телевизор – духовный вампир... Он вызвал духовный регресс, разрушение, деградацию человека... Телевизор делает немощным интеллект человека... гипнотизирует зрителя... Телевизор развивает антихристианство». Чтобы завершить обзор журнала «Лазарес агдгинеба», посмотрим, как призывает архимандрит Лазарь (Абашидзе) грузинских женщин к стыдливости и кротости: «Многие женщины, подобно взбесившейся лошади, пытаются разорвать удила стыда и объятые бесом греха попирают нравственность. Юные девушки, а также довольно пожилые женщины, одетые довольно вызывающе, не только не краснеют под довольно дерзким взглядом, но всячески стараются привлечь еще больше внимания... Горе тебе, женщина, когда одетая вызывающе, появляешься в обществе мужчин! Не обманывай себя: когда ходишь почти голая, или облачаешься в облегающие одежды и стараешься лучше продемонстрировать свое тело, знай, что в тебе явно поселилась страсть похоти, ты – соблазн, т.к. стараешься вызвать в сердцах мужчин грязные чувства, и за это горе тебе!». Архимандрит Лазарь пользуется большим авторитетом в Грузинской Церкви и его статьи печатаются почти во всех церковных изданиях. Отметим, что большинство его писаний имеют совершенно патологическое содержание.

Совершенно очевидно, что подавляющее большинство органов современной церковной прессы святотатственно противостоит православному богословию, осуществляет психологическое и политическое зомбирование читателя и вообще удаляет его от здорового христианства.

Недавно произошел примечательный случай. Настоятель церкви св. Нино на ул. Читадзе, за зданием парламента, протоиерей Теймураз Чачибая превратил ее в логово фанатиков. Патриарх наконец-то проявил решительность и перевел его в другой храм, но фанатично настроенная паства, около 300 человек, пригрозила разрушить Патриархию, если ей не вернут «духовного лидера». Манифестация длилась два дня и вынудила Патриарха уступить. Один только перечень подобных случаев заведет нас далеко. Этот случай не был освещен ни одним средством массовой информации. Почему пресса не реагирует на катастрофическое положение Церкви? Пресса не прореагировала и на позорный факт, зафиксированный правоохранительными органами – наши епископы муку, поступившую в качестве гуманитарной помощи, продавали по рыночным ценам. Вообще образ жизни большинства наших иерархов церкви совершенно не соответствует образу жизни служителей Христа. Разве допустимо, чтобы люди гибли от голода, а церковь строила бы громадный храм, епископы разъезжали на дорогих машинах – и в то же время проповедовали, что в Грузии происходит духовное возрождение? По христианскому учению, храмом Святого Духа является каждый, отдельный, простой человек, представляющий главное сокровище церкви. Система прав человека создана вовсе не французскими революционерами в XVIII веке, ее основа – святое Евангелие. И поэтому когда Грузия – в числе лидеров в сфере детской проституции, то строить столь грандиозный храм, который лично я сравнил бы с пирамидой, построенной для собственного прославления, есть проявление вопиющей безнравственности со стороны церковных деятелей. Подобное отношение к согражданам, испытывающим нужду, свидетельствует о том, что среди руководителей церкви господствует феодально-византийский и советский менталитет, согласно которому отдельная личность не обладает никакой ценностью.

Грузинская Церковь является значительной сферой общественной жизни Грузии, которая по непонятным причинам оставлена совершенно без внимания со стороны общества. Общество лишено элементарной информации об истинном положении в церкви. Сказано: свято место пусто не бывает, и, действительно, в церкви разгулялись совершенные мракобесы. Если не будут приняты соответствующие меры, в ближайшем будущем она превратится в темную религиозно-политическую монолитную силу, которой очень эффективно воспользуются политики – антидемократы, шовинисты и популисты.

Следует отметить, что такого катастрофического положения нет ни в одной другой православной церкви. Все приведенное выше не имеет ничего общего с христианством! Истинное учение церкви диаметрально противостоит указанным выше явлениям. Церковь самая здоровая сила общества, призванная осуществлять значительную роль в общественном прогрессе. Греческая церковь, например, сыграла огромную роль в деле интеграции страны в Евросоюз.

Автор уверен, что пока не поздно, общественность должна вмешаться в жизнь церкви. Пока предстоятелем Грузинской Церкви является Илия II, это еще возможно. Патриарх лично не разделяет фанатической идеологии, просто он вынужден уступать грубой силе. Когда престол Патриарха займет кто-нибудь из темных фанатиков, то будет уже поздно что-то предпринять.

Грузия намерена интегрироваться в НАТО. Одним из основных условий для достижения этой цели является проведение в стране демократических реформ. Под нажимом фанатичных сил Грузинская Церковь полностью ушла с мирового религиозного сообщества. Сейчас эти силы уже намереваются вынудить церковь порвать всякие религиозные связи со всеми православными церквями и полностью изолировать ее. Если это произойдет, то церковь в Грузии окончательно сформируется как значительная экстремистская сила, которую внутренние и внешние враги Грузии легко, эффективно, в широком масштабе используют против демократических преобразований в стране. К несчастью, мы уже имеем множество примеров этого!

В таких странах, как Греция, Россия, Сербия, Болгария, Грузия, православие является религией большинства населения. Поэтому православную церковь в этих странах социологически можно рассматривать как значительную, широкомасштабную идеологически-пропагандистскую машину. Каждого священника можно рассматривать как профессионального пропагандиста, который посредством ежедневной проповеди и личных бесед с членами паствы пропагандирует определенную идеологию. Эта работа довольно эффективна. С учетом того, что Грузинская Церковь, ее священнослужители почти полностью исповедуют черносотенную религиозно-политическую идеологию, становится очевидно, что влияние этой идеологической машины имеет четко антигосударственный характер и очень опасно.

Почему так получилось? Когда такая машина идеологической пропаганды беспризорна, то, естественно, ею безболезненно, с большим удовольствием могут завладеть спецслужбы других стран. Уже более десяти лет наше общество не обращает никакого внимания на эту огромную идеологическую машину, не обладает никакой информацией о ее работе и процессах, протекающих в ней, и это в то время, когда Патриарх Илия II в течение уже многих лет не способен управлять церковью и превратился в заложника агентов российских спецслужб.

В странах, в которых православие является религией большинства населения, епископ предстает важнейшей общественно-политической фигурой. Фанатики уже много лет вынуждают Патриарха рукополагать в епископы своих кандидатов, и это совершенно очевидно из состава Священного Синода. 17 октября 2002 г. Священный Синод утвердил еще трех епископов: Петра Цаава, Степана Калаиджишвили и Илариона Китиашвили. Кандидатура Степана Калаиджишвили на епископство впервые была представлена еще 6 лет назад митрополитом Сергием Чекуришвили, но тогда его кандидатуру удалось провалить. Следует отметить: несмотря на то, что не было вакантных епархий, Патриарха вынудили разделить существующие епархии. Давление на Патриарха оказывали его личная секретарша Шорена Тетрашвили, митрополит Иов (Акишвили), митрополит Сергей (Чекуришвили) и племянник Патриарха, епископ Димитрий (Шиолашвили). Кто же эти новые епископы? Имеют ли они какое-нибудь теологическое образование? Почему столь важный общественно-политический статус присваивают без предварительного предоставления общественности хоть какой-нибудь информации?

Одними из основных идеологов фанатиков являются архимандриты Рафаил (Карелин) и Лазарь (Абашидзе). Следует отметить, что ни один из них не владеет грузинским языком. Их патологические, с позиций христианской теологии и общей культуры, книги во множестве издаются и в Грузии, что является эффективным средством, как пропаганды, так и финансовых поступлений. Следует отметить, что их статьями подобного же содержания переполнены русскоязычные Интернет-сайты.

Недавно архимандрит Рафаил (Карелин) для грузинских священников-фанатиков издал инструкцию, предписывающую им попытаться стать духовниками политических деятелей. Существуют интеллектуальные, эрудированные личности, у которых полностью атрофировано религиозное мышление. Их особенно много в бывших советских странах. Поэтому «духовный пастырь» легко может зомбировать таких личностей с религиозной стороны. По инструкции Рафаила (Карелина), митрополит Иов (Акишвили), протоиерей Виссарион Менабде, протоиерей Давид Исакадзе, ранее судимый за уголовное преступление, стали духовниками некоторых наших политиков.

Погромы инославных христиан в Грузии устраивает не только группировка В. Мкалавишвили, официально не связанная с Грузинской патриархией, но и другие группировки, уже связанные с Патриархией, например, организация «Джвари» («Крест»), подчиняющаяся митрополиту Руставскому Афанасию (Чахвашвили). Предстает такая картина: когда власти нейтрализуют В. Мкалавишвили и его группировку, начнут действовать несколько групп – «Джвари», «Общество Иоанна Златоуста», группировка протоиерея Теймураза Чачибая и многие другие, которые, в отличие от группировки В. Мкалавишвили, официально связаны с Патриархией.

По наущению митрополита Сергия (Чекуришвили) и его духовенства, религиозные экстремисты нанесли физическое оскорбление в Кахети Администратору Католической Церкви в Азербайджане, Армении и Грузии, епископу Джузеппе Пазотто.

Патриархия не только не извинилась перед ним, но не выразила даже сочувствия. Этот вопиющий факт вообще остался неизвестным грузинской общественности. По наущению митрополита Сергия и священника Виссариона Зурабишвили, была подожжена баптистская церковь в с. Ахалсопели Кварельского района. По наущению протоиерея Давида Исакадзе, почти еженедельно устраивали погром русскоязычным пятидесятникам в Тбилиси.

Автор глубоко убежден, что никакая просветительская работа без активного вмешательства общественности в жизнь церкви не принесет результата. Скоро нормальных людей не будут впускать в храм, и церковь превратится, если уже не превратилась, в такую религиозно-политическую силу, которая станет серьезным тормозом для демократических реформ, утверждения в Грузии открытого общества, европейских ценностей и для ее интеграции в Европу.

ПАРАДОКСЫ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

Аналитики и публицисты, рассуждающие о социально-политической роли религии и религиозных организаций в современном российском обществе, зачастую упускают из вида одну важную проблему антропологического характера, а именно вопрос о соотношении религиозной идеологии и религиозных практик – «элементарных форм» повседневной религиозной жизни городского и сельского населения, отвечающих базовым (символическим и компенсаторным) потребностям «рядового человека». Хотя вопрос о структуре и границах религиозных практик как типа религиозной деятельности представляется достаточно сложным, в целом можно утверждать, что одна из их главных функций состоит в поддержании равновесного соотношения между религиозными институтами («официальными» организациями, претендующими на социальный контроль в сфере религиозной жизни) и религиозным опытом (персональным переживанием опыта сакрального и сверхъестественного). В качестве способа непосредственной символизации религиозного опыта религиозные практики обладают достаточной стабильностью. Вместе с тем, по сравнению с религиозными институтами, они предлагают гораздо больший выбор поведенческих стратегий. Равновесие поддерживается путем взаимного обмена. С одной стороны, религиозные практики служат базовым фондом для пополнения институциональных форм и одновременно подвергаются более или менее интенсивному давлению со стороны последних. С другой стороны, практики стимулируются религиозным опытом и вместе с тем обеспечивают первичный набор средств для его адаптации и символизации.

Вопрос о соотношении практик и идеологии в религиозной сфере представляется более сложным, чем это может показаться на первый взгляд. Обычно считается, что практики, так сказать, «вторичны» по отношению к идеологии и догматике: люди поступают тем или иным образом потому, что разделяют соответствующие воззрения. Таков, например, распространенный взгляд на русское старообрядчество: предполагается, что специфические ритуальные и поведенческие практики старообрядцев непосредственно обусловлены их эсхатологическим мировосприятием. Однако внимательное исследование массовой религиозной культуры старообрядцев позволяет предположить, что религиозные практики этого ответвления русского православия возникали и развивались вне прямой связи с догматическими и футурологическими построениями старообрядческих идеологов.

Подобная ситуация наблюдается и применительно ко многим другим социальным и религиозным группам. Зачастую формирование и распространение специфических религиозных практик происходит до появления легитимирующих догматов и идеологем. Иногда идеологии вырастают из практик, иногда идеологии и практики развиваются фактически независимо друг от друга, хотя любая идеология, естественно, пытается манипулировать «подведомственными» ей практиками.

Таким образом, говоря о роли православия в жизни современного российского общества и том воздействии, которое оказывает на эту жизнь идеология православного фундаментализма, невозможно игнорировать вопрос о практиках современного православия, о реальном наполнении повседневной религиозной жизни людей, идентифицирующих себя (и/или идентифицируемых извне) в качестве православных. Разумеется, это весьма обширная тема, требующая охвата и анализа очень большого материала. В настоящем докладе мы попробуем коснуться лишь некоторых ее аспектов, позволяющих, впрочем, взглянуть на достаточно значимые особенности православных религиозных практик в современной России.

Один из важнейших вопросов, возникающих при изучении религиозных практик, касается форм адаптации и репрезентации сакрального (священного), этого ключевого концепта любой религии, подразумевающего, по формулировке Р. Отто и М. Элиаде, «реальность иного порядка», «нечто *ganz andere*», «абсолютно и полностью отличное», «не похожее, ни на человеческое, ни на космическое».⁵² Эта «инаковость» сакрального, однако подразумевает необходимость поиска соответствующих символических и материальных ресурсов, позволяющих человеческим сообществам и отдельным людям взаимодействовать с миром священного. Собственно говоря, выбор таких ресурсов (а также определение форм их использования) и составляет одну из главных проблем «практической религии».

Говоря о русской религиозной культуре XIX, а отчасти и XX вв., нельзя не отметить, что одним из наиболее устойчивых и жизнеспособных видов повседневной религиозной активности здесь были и остаются крестьянские религиозные практики, преимущественно оперирующие локальным

⁵² См.: Otto R. The Idea of the Holy. N. Y., 1958; Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

ландшафтом и годовым циклом земледельческого календаря как первичными семиотическими ресурсами для адаптации сакрального. Вместе с тем важно иметь в виду, что, начиная, по крайней мере, с эпохи Петра I, крестьянские религиозные практики целенаправленно «вытесняются» из «официальной» религиозной жизни как «суеверия», «пережитки язычества», «двоеверие» и т. п. По-видимому, ключевую роль в «вытеснении» массовой религиозности этого типа на периферию общественной жизни синодальной эпохи сыграла петровская «реформа благочестия», разом объявившая незаконными и преследуемыми основные формы массовых религиозных практик.⁵³

Однако, и реформаторская деятельность петровской эпохи, и позднейшая политика духовных и светских властей XVIII–XIX вв. привели не к трансформации, но к локализации крестьянской религиозности. Важным фактором здесь, видимо, оказалась роль приходского священника, который в течение почти всей синодальной эпохи идентифицировался в качестве не миссионера-просветителя, но государственного чиновника низшего звена, религиозного бюрократа, выполнявшего посредническую роль между крестьянской общиной и духовными, а также светскими властями. Поэтому предпринимаемые русскими элитами XVIII в. попытки «изоляции сакрального» (пользуясь выражением Г. Фриза) либо вообще оказывались безуспешными, либо создавали достаточно зыбкую и легко проницаемую границу между «предписанной» и «ненормативной» религиозностью.

В несколько большей степени повлияла на крестьянские религиозные практики «безбожная кампания» конца 1920-х – 1930-х гг. Пожалуй, это – единственный случай, когда усилия властных элит, направленные на аккультурационную трансформацию массовой религиозности, получили поддержку внутри самой крестьянской культуры. Я имею в виду деревенских комсомольцев, которые были хотя и немногочисленной, но, в сущности, единственной крестьянской группой, последовательно ориентировавшейся на коммунистическую власть после окончания Гражданской войны. Социально-исторический анализ комсомольского движения 1920-х гг., проведенный И. Тирэдо, показывает, что это движение деревенской молодежи, преимущественно пополнявшееся за счет представителей маргинальных групп, служило своеобразным культурным медиатором между крестьянами и новой властью, причем особая роль комсомольцев состояла в интерпретации и популяризации коммунистического дискурса.⁵⁴ Хотя объектом «комсомольской герменевтики» были не Пятикнижие и не Новый Завет, а сочинения Ленина и Троцкого, декреты советской власти, статьи в коммунистических газетах и т. п., однако сами стратегии повседневного поведения этой группы (в частности, борьба с церковной обрядностью и традиционной праздничной культурой, а также демонстративное надругательство над сакральными предметами и объектами) имеют именно миссионерский и аккультурационный характер. Впрочем, крестьянская религиозность с успехом выдержала безбожную кампанию, компенсировав осквернение и разрушение местных святынь обширной группой нарративов о святотатстве, которые составляют значительную часть современного религиозного фольклора русской деревни.

Хотя советский период и был временем «государственного атеизма», административного преследования многих форм повседневной религиозной активности и резкого сокращения влияния любых конфессий, его вряд ли стоит считать «безрелигиозным» временем. В послевоенное время, а точнее в 1960-е – 1980-е гг., в «атеизированной» урбанистической среде вырабатываются многообразные формы религиозности, относящиеся к типу, который можно, вслед за Т. Лукманом, называть «невидимой религией»⁵⁵ или – вслед за М. Маффесоли – «околдованностью мира».⁵⁶ Именно «латентной религиозностью» позднесоветского города, как кажется, следует объяснять многие религиозные явления современной России: от автохтонных новых религиозных движений до особенностей конструирования конфессиональной культуры и идентичности в среде «новых прихожан» Русской Православной Церкви. Добавим, что эта «латентная религиозность» оказывает определенное воздействие и на поведенческие стратегии «официальных» представителей церкви – особенно, когда речь идет о приходских священниках, вышедших из городского среднего класса («техническая интеллигенция» и подобные группы) и воцерковившихся сравнительно недавно – уже после распада советской империи.

Представляется, что упомянутая устойчивость крестьянских религиозных практик к внешним воздействиям аккультурационного типа обусловлена, прежде всего, инкорпорированностью подобных «локальных религий» в общую стратегию мифологизации пространства и времени, свойственную многим аграрным культурам Европейского континента. Основной способ репрезентации сакрального в русской крестьянской культуре – это почитание местных святынь, сакральных локусов, в малой

⁵³ См.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 341–435.

⁵⁴ Tirado I. Peasants into Soviets: Reconstructing Komsomol Identity in the Russian Countryside of the 1920s // *Acta Slavica Iaponica*. Vol. 18 (2001). P. 42–63.

⁵⁵ Luckman T. *The Invisible Religion*. London, 1967.

⁵⁶ Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // *Социо-логос: Социология. Антропология. Метафизика*. Вып. 1. М., 1991. С. 274–283.

степени контролируемых институциональной религией.⁵⁷ Именно они служат точкой непосредственного контакта между сакральным миром и крестьянской общиной. Приплывающие по воде, прилетающие по воздуху и являющиеся во сне святые, иконы, каменные кресты и т. п. вряд ли представимы не только в урбанизированном культурном пространстве, но и в тех регионах, где «природная», не подверженная возделыванию часть ландшафта (будь то лес, степь, горные или водные массивы) отсутствует или очень невелика по размерам. Понятно, что судьба почитания местных святынь и других культов такого рода в севернорусской деревенской традиции непосредственно связана с судьбой крестьянской культуры как таковой. Кроме того, важно иметь в виду, что за последнее десятилетие у крестьянских религиозных практик появился новый «аккультурационный соперник» – городская паломническая культура, приобретающая все большую популярность и активно поддерживаемая Русской Православной Церковью.

Для иллюстрации современного положения дел в этой сфере можно привести пример одного локального культа, весьма показательного и с точки зрения общей феноменологии массовой религиозности в современной России, и в контексте взаимодействия разных религиозных культур, соотносимых с современным православием. Речь идет о святых отроках Иоанне и Иакове Менюшских, чья память празднуется 7 июля по новому стилю, в день Рождества Иоанна Предтечи, а мощи почивают в церкви с. Менюша, расположенного в 50 км к юго-западу от Новгорода, на берегах впадающей в Шелонь речки Струпенки. Иоанн и Иаков – это последние из новгородских святых, включенные в общерусский месяцеслов. Скорее всего, они не были официально канонизованы; производилось лишь освидетельствование их мощей (между 1682 и 1695 гг.). Согласно «Сказанию о святых Иоанне и Иакове, менюшских чудотворцах», сохранившемуся в нескольких новгородских летописных и житийных рукописных сборниках рубежа XVIII и XIX в., осенью 1570 г. пятилетний Иоанн во время игры случайно убил брата, а затем, спрятавшись в печь, задохнулся от дыма. Детей похоронили на погосте, но вскоре гробики с их телами всплыли на лесном озере близ нынешнего села Менюша. Гробики чудесным образом помогли охотникам вернуться домой. После этого мощи отроков Иоанна и Иакова были торжественно перенесены обратно на Медведский погост, находящийся в 15 километрах от Менюши. Но отроки явились тем же самым охотникам во сне и сообщили, что их тела нужно положить «в песте оном месте на Менюши, где в мимошедшая времена бысть монастырь». Требование Иоанна и Иакова было исполнено, и над их могилой построили часовню, куда стали приходить богомольцы, чаявшие исцеления от болезней. По прошествии некоторого времени через Менюшу проходил некий монах, путешествовавший из Пскова в Новгород. Неожиданно он сильно разболелся, но, помолившись в часовне Иоанна и Иакова, выздоровел. В благодарность за исцеление он задался целью возобновить Менюшский монастырь и построил над могилой Иоанна и Иакова церковь. Этим содержание сказания и исчерпывается.

Несмотря на сложную демографическую и церковную историю с. Менюша, культ отроков Иоанна и Иакова был достаточно стабильным в течение XIX – XX вв. В настоящее время он не только сохраняется, но и приобретает все большую популярность. Фольклорно-этнографические экспедиции в с. Менюша, проведенные автором настоящего проекта в 2002 и 2003 гг., показали, что современное почитание св. Иоанна и Иакова Менюшских репрезентируется посредством обширного пространства фольклорных текстов и ритуальных действий. Менюшская святыня является одним из крупнейших религиозных центров запада Новгородской области и привлекает не только жителей окрестных деревень, но и паломников из близлежащих районных центров, а также Новгорода и Санкт-Петербурга.

Столкновение и взаимодействие различных типов религиозных практик и дискурсов, использующих Менюшскую святыню в качестве символического и семиотического ресурса, особенно ярко проявляется в особенностях празднования памяти отроков Иоанна и Иакова, приходящегося, как уже было сказано, на 7 июля по новому стилю. В этот день здесь совершается литургия с водосвятным молебном, а также паломничество (иногда – с крестным ходом) на болотное озеро, где, согласно сказанию, явились гробики отроков. При этом в праздновании участвуют и менюшские крестьяне, и паломники-горожане, и священники местного благочиния. Представляется, что стратегии ритуального поведения участников этого праздника могут быть описаны в качестве трех различных дискурсов: «локального», «паломнического» и «клерикального». Носители локального дискурса – местные жители, ориентированные на традиционные для крестьянских религиозных практик способы взаимодействия с сакральным (различные формы пересказа историй о менюшских отроках, обновление запасов освященной воды, а также воды из священного озера, участие в богослужении, исповедь и причастие). «Паломнический дискурс» порождается и воспроизводится приезжими из

⁵⁷ Подробнее см.: Панченко А. А. Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

города, игнорирующими историю посещаемой святыни,⁵⁸ и преимущественно ориентированными на поиск «материальных носителей сакрального» (в роли подобных святостей выступает трава, растущая у церкви; вода, лилии и даже коряги из священного озера), а также акциональную сторону паломничества (так, больные паломники оставляют одежду на берегу озера). Наконец, под «клерикальным дискурсом» можно подразумевать стратегии поведения местных священников, также претендующих на контроль над менюшской святыней, но стремящихся равно апеллировать и к местной, и к приезжей пастве, а также не акцентировать колоритные подробности истории отроков Иоанна и Иакова.

Таким образом, в контексте одного и того же современного локального культа различные дискурсы и религиозные практики существуют параллельно, их носители как бы «не слышат» друг друга, но при этом не считают взаимное участие в культе ненормальным. Подобные ситуации наблюдаются и в почитании многих других местных святынь Севера и Северо-Запада России, хотя нередко такое взаимодействие «локальных» и «паломнических» дискурсов принимает и отчасти конфликтные формы. Так или иначе, можно предположить, что и менюшский культ, и подобные ему местные святыни, в настоящее время функционируют не как пережитки фольклорной архаики, но как вполне живые религиозные центры, как потенциальные участники будущего «конфессионального» рынка. Поэтому не исключено, что дальнейшая популяризация культов такого рода приведет не к распаду или вытеснению связанных с ними крестьянских религиозных практик, но к постепенному взаимопроникновению различных религиозных дискурсов и, соответственно, их взаимной трансформации. Однако, чтобы понять и предугадать пути этой трансформации, необходимо представлять себе особенности религиозных практик современного города – этого культурного новообразования, начинающего играть все большую роль в жизни современной России.

* * *

Религиозный бум 90-х годов, спровоцированный либерализацией религиозной политики государства, толкнул массы народа в церкви. По данным социологических опросов, только у 24% россиян не сложилось личного отношения к Богу, остальные могут сформулировать свою позицию: 25% опрошенных никогда не верили в Бога и сейчас не верят, 30 % всегда в Него верили, 14% уверовали и 2% потеряли веру⁵⁹. В общем счете верующие (44%) преобладают в современном российском обществе над неверующими (27%)⁶⁰.

Проблема такого рода опросов заключается в том, что на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» отвечают подавляющее количество реципиентов, хотя определить, что они имеют в виду, сложно. Интересно, что по тем же данным ВЦИОМ-А, частые посещения церкви характерны скорее для неверующих⁶¹. Социологи отмечают также приток верующих возраста 50-60-ти лет в группу «давних верующих» («Я верю в Бога и всегда верил»): они начинают систематически посещать церковь и знают основные правила поведения в храме.

К сожалению, у нас не было возможности провести полномасштабное исследование на эту тему. Наши материалы – результаты нескольких десятков фокусированных интервью, проведенных в городах в среде технической интеллигенции пенсионного возраста. Сложно судить, насколько сильны позиции у наших информантов во всероссийском масштабе. Заметим, что описываемая ситуация характерна именно для городов, в деревнях дело обстоит иначе.

Выход на пенсию – конец определенного жизненного цикла. С потерей работы происходит смена окружения. И хотя для интеллигенции рабочий коллектив никогда не являлся единственной сферой общения, тем не менее обязательный восьмичасовой рабочий день диктовал эту сферу в большой степени. Освобождение времени, изменения в окружении, смена социального статуса ставит пенсионера перед проблемой собственной занятости. Как говорят информанты, «нужно что-то делать», «надо куда-то выходить». Кроме того, к этому возрасту люди начинают часто болеть, чувствовать свою слабость и незащищенность: не только пенсия маленькая, но и нужно понять, «зачем жили»⁶².

⁵⁸ На вопрос интервьюера об истории менюшских святых сорокалетняя паломница из Новгорода, например, отвечает: «А вот версии разные, кто что говорит. Кто говорит, убили враги, кто говорит, что мать, но это я ничего не могу знать. Вы спросите лучше, вот у священников спросите» (с. Менюша, запись 2003 г.).

⁵⁹ Голов А. Обращение к религии и ее значение в сегодняшней жизни россиян // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 1. С. 39

⁶⁰ Там же. С. 39. Ср. также сходную статистику, приведенную в другой социологической работе: Каариайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. СПб., М., 2000. С. 7–48.

⁶¹ Голов А. Обращение к религии... С. 39.

⁶² По данным того же опроса, люди, не обретя веры в Бога, продолжают систематически посещать религиозные службы, пытаются найти «смысл жизни» (25%).

В этом «зачем жили» - характерная особенность заключительного этапа жизненного цикла, когда карьера уже завершена, социальный статус вряд ли может быть повышен, да и перестает быть главной заботой. Пожилой человек все чаще обращается мыслями к вечным проблемам жизни, смерти, смыслов, которые позволили бы ему идентифицировать себя с чем-то, выходящим за рамки собственной биографии.

Прибавим к этому привычную идентификацию «православного» как «русского», стремление «вернуться к корням», то есть к воображаемой культурной традиции, а также официальное признание православия фактически основной религией страны, множество теле, радиопередач, литературы и периодики на эту тему. Все это, в общем, и подготовило то, что принято называть «религиозным возрождением» в России и что, прежде всего, затронуло пожилых россиян предпенсионного и пенсионного возраста.

Однако это религиозное возрождение в России начала третьего тысячелетия имеет довольно специфические черты, обусловленные особенностями национальной истории прошлого века.

Отметим, прежде всего, серьезные гендерные различия в поведении и религиозном сознании соотечественников.

Среди новообращенных (или крещеных в детстве, потом проживших среднестатистическую пионерско-комсомольскую юность и вполне атеистическую трудовую биографию и только теперь вновь пришедших в храм) женщин выделяется группа специалистов со средним или высшим образованием, обычно мелких служащих.

Женский тип поведения. Женщины чаще, чем мужчины, посещают церковные службы. Они стараются усвоить правила поведения в храме, начинают покупать церковные календари, блюсти посты, участвовать в ритуалах. В некоторых случаях им удается войти в церковную общину, где они полностью принимают догмат того или иного прихода и вливаются в прихрамовую среду. Для этого необходимо систематическое посещение церкви (по крайней мере, раз в неделю), хорошее знание молитв и ритуалов. Такой путь проходят немногие. Остальные же посещают церковь не так часто, и их вера в Бога принимает вполне определенные формы.

Для женщин характерно желание узнать, как и что нужно делать, чтобы «правильно» верить в Бога. Только «правильная» вера поможет ей прикоснуться к высшему, только «правильное» поведение в храме поможет в решении практических проблем: когда все другие способы испробованы и не дали результата, женщина, предварительно наведя необходимые справки, ставит свечку «нужному» святому, который отвратит мужа или сына от пьянства, вылечит дочь, поможет устроиться в жизни внучке. Женщины с высшим образованием привычно покупают популярную книгу о том, как нужно ходить на кладбище, соблюдать пост, печь куличи, как нужно одеваться и пр.

Любопытно, что вместе с «Правилами церковного этикета» покупаются лежащие рядом на прилавке сборники заговоров от сглаза, гороскопы, сонники, газеты, посвященные полтергейсту, инопланетянам, духам и способам излечения от всех болезней (например, иглоукалывание или моржевание) и т.д. Несмотря на то, что в прихрамовой городской среде эти книги запрещены и считаются греховными, они пользуются большим спросом у женщин. Обретенные таким образом практические знания прочно входят в домашний быт женщины.

Настоящие драмы разворачиваются, к примеру, вокруг телевизора. Многие авторы приобретенной литературы советуют выбросить телевизор, потому что он «око»/«глас» дьявольский. Выбросить его невозможно, потому что дома муж его все время смотрит. Вместе с мужем, так или иначе, смотрит вся семья. Кроме футбола, по телевизору время от времени показывают передачи про неопознанные летающие объекты и экстрасенсов, способных вылечить любые заболевания. И женщина, которая недавно просила совета у священника по поводу этого самого телевизора, ставит перед экраном воду – заряжаться положительной энергией. Впрочем, святую воду из церкви она тоже приносит. Растет количество сакральных предметов: тапочки также оказываются, заряжены положительной энергией (в церкви), их может носить только хозяйка, чужой человек получит отрицательный заряд. Астрологические прогнозы («15 февраля – неудачный день для Стрельцов») провоцируют более систематическое посещение храма, что не исключает хождения к гадалкам/колдуньям/экстрасенсам (если есть такая возможность, так как их услуги платные, в отличие от церкви). Большее значение придается народным поверьям и приметам, вычитанным из той же литературы. В результате формируется некоторое практическое знание: что нужно делать каждый день для того, чтобы жить правильно и уменьшить количество проблем. Напомним, женщины верят в Бога и Святую Троицу (правда, имени Бога Отца они обычно не знают).

Мужчин в храме, как правило, намного меньше, чем женщин: отношения с сакральным складываются у них иначе. Мы имеем в виду прежде всего обширную группу мужчин с высшим или средним техническим образованием, поскольку именно они составляют большинство в поколении российской интеллигенции предпенсионного и пенсионного возраста. В Советском Союзе техническое образование решительно преобладало над всеми другими, что было сначала

продиктовано нуждами индустриализации, а потом – и, кстати, до сих пор – консервативностью всей системы высшего и среднего специального образования в России (в развитых странах Запада соотношение специалистов совершенно иное)⁶³. Техническое образование, как и массовая привычка мужчин постоянно читать газеты (в последние годы вытесненная просмотром новостных телепередач), сформировали особый стиль мышления и особый язык советского человека. Его картина мира устроена в значительной степени по аналогии с неким техническим устройством, «узлы» и «детали» которого должны называться как-нибудь «по-научному» и действовать по заранее определенной схеме.

Мужской тип поведения. Практическая сторона ритуала для них не так интересна. Пришедшие в церковь мужчины часто не знают, как сложить перед причастием руки, как ставить свечи (в женском варианте, например, через правое плечо, чтобы не болеть), иметь или не иметь дома телевизор. В данном случае высшее образование диктует обращение к литературе другого порядка: это будут книги основателей новых религиозных течений (Блаватская, Гюрджиев, Хаббард, Бурлан и т.д.), курсы начинающих волшебников, курсы по нейролингвистической психологии, дианетике, астрологии и т. д. Наиболее абстрактные понятия из области физики (энергия, отрицательный/положительный заряд), биологии (биополе), химии (диффузное проникновение) наполняются сакральными смыслами, выстраиваясь в строгую логическую цепочку, объясняющую устройство космоса и вселенной. У значительной части опрошенных нами информантов Бог присутствует в такой умоизобразительной схеме функционирования мира. Он – носитель положительного заряда энергии, направляет процесс реинкарнации (иногда и она присутствует), с Ним возможно вступить в контакт, занимаясь телепатией, медитацией/выходом в астрал. Астрология исследуется мужчинами значительно фундаментальнее, чем женщинами, ограничивающимися, в основном, только прогнозами. Изучение расположения планет и созвездий провоцирует приобретение новой литературы, затем составление личных гороскопов, учитывая наличие тринадцатого созвездия. Итак, мужчинам интереснее устройство сакрального, чем бытовые проблемы. Правда, воду перед экраном телевизора они тоже заряжают и знают, кого и как посадить за столом, следуя правилам НЛП, но на этом их практические действия заканчиваются. Возможны серьезные увлечения лечебными гимнастическими, в этом случае рано или поздно появляются знания о рецептах народной медицины. Церковную культуру они часто считают атрибутом женской жизни (что естественно: женщин значительно больше в городских приходах), и им сложно влиться в приходскую группу.

В традиционной культуре мифология давно и прочно переплелась с народным православием. Заговоры, гадания, рассказы о встречах с лешими, домовыми и другими персонажами низшей демонологии вполне сочетаются с молитвами и строгим соблюдением постов. В сознании традиционного человека одно не противоречит другому, это целостная картина мира, в котором знание о сакральном передается из поколения в поколение.

В современной городской культуре ситуация иная: представление о сакральном в общественном сознании только складывается, и складывается из другого материала. К христианским мотивам примешиваются обломки научной терминологии, технических схем, разных философских систем и образов иных конфессий. Со временем все это, очевидно, образует своеобразный сплав городского варианта массовой религиозности. Этот процесс продолжается, и у нас есть возможность его наблюдать.

⁶³ Гудков Л. Кризис высшего образования в России // Мониторинг общественного мнения. 1998. №4. С. 32-45.

ДИСКУССИЯ

Александр Верховский

Спасибо, а теперь уже вопросы сразу попеременно, я даже злоупотреблю своим правом модератора, и задам первый вопрос отцу Василию по поводу законопроектов о священных городах. Отец Василий, пожалуйста, скажите, такой законопроект - это реальность, то есть он может быть принят? Хотелось бы узнать в подробностях.

И второй вопрос — Александру Панченко: мне кажется очень интересным факт, что в 60-80 годы в Советском Союзе существовала какая-то невидимая религия по Лукману, или латентная религия, действительно так?

Отец Василий

Ну, здесь дело в том, чтобы объявить священным городом, священным регионом данную территорию. Например, в Грузии Пицунда, Мцхета и Тбилиси должны будто быть объявлены священными городами. Это значит, что в юриспруденцию данной страны войдет термин «священный», как определяющий некую данность. Вы, наверно, знаете, что в Конституции Италии Рим был реальным священным городом, его статус - особенный город, можно так сказать. В Греции это два региона: остров Патмос и два района, где находятся монастыри, они объявлены священными, - термин по-гречески «иера». Эти законы греческого государства я сам переводил на грузинский язык, поэтому знаю, в чем состоит совместное управление.

Тут запись прерывается, так как часть записи дискуссии была утеряна.

Русская Православная Церковь и современное российское государство

1. РПЦ: позиционирование в политической жизни России

Реальный политический вес РПЦ полностью соответствует ее реальному влиянию на граждан России. И тот, и другой показатель близки к нулю. Российские политики и государственные деятели готовы воспринимать РПЦ как часть культурного наследия и даже один из символов российской государственности, закрепить за Патриархом шестое место по государственному протоколу, как это было при Б. Ельцине, но в меньшей степени учитывается при В. Путине. Однако вряд ли кто из руководителей на федеральном или местном уровне будет учитывать или тем более спрашивать мнение представителя Церкви при назначении чиновника или при осуществлении инициатив, прямо не затрагивающих узкую сферу, относящуюся к компетенции РПЦ. Редкие успешные протесты Церкви (против корриды в Москве в 2002 г., против некоторых театральных постановок или публичных мероприятий, проводимых другими конфессиями, эпизодически происходящие в провинции) лишь подтверждают все вышесказанное.

Показательным является и тот факт, что в России полностью отсутствуют «православные партии», которые объединяли бы в своих рядах более тысячи человек. Не известно ни одного случая, когда население избирало бы в депутаты человека, строящего свою программу только на православных лозунгах. Например, в Сергиево-Посадском районе, где живет множество членов фундаменталистских группировок, использующий их лозунги председатель общества «Радонеж» Е. Никифоров год за годом безнадежно проигрывает все выборы. А сын ненавидимого фундаменталистами о. Александра Меня – Михаил, придерживающийся либерального церковного мировоззрения, по тому же округу неоднократно избирался в депутаты Государственной думы, а потом в паре с Б. Громовым победил на выборах в губернаторы Московской области и был ее вице-губернатором.

Видя тщетность своих усилий вмешаться в реальный политический процесс, РПЦ после неудачной акции с примирением конфронтационных сторон в Москве в сентябре-октябре 1993 г. изменила стратегию и теперь пытается выступать с позиций морального авторитета для российского общества и российского государства, своеобразной «английской королевы», которая царствует, но не правит, получая субвенции из государственной казны за исполнение своих функций направленных на поддержание традиций и единства нации. В следующих параграфах мы посмотрим, что из этого получается.

2. Церковь и государство на постсоветском пространстве

РПЦ не видит себя существующей отдельно от государства. Идеальным общественным строем для нее является давшая православие Руси средневековая Византия, где царствовала симфония (полностью солидарные действия) между властью государственной и религиозной. Именно поэтому РПЦ не может воспринять принцип отделения Церкви от государства – противоречащий не только ее сиюминутным интересам, но и всей концепции ее деятельности, основанной на соблюдении интересов государства в обмен на защиту, покровительство и финансирование.

Неразделимость в головах духовенства и большей части воцерковленных прихожан понятий «православный», «русский» (в этническом отношении) и «российский гражданин» (в политическом и правовом отношении) приводит к нескольким принципиальным построениям.

1. РПЦ воспринимает себя как Церковь нескольких православных народов (в первую очередь русских), образующих (на данном этапе) свои национальные государства (но, вообще, стремящихся жить в едином), в которых чужакам-иноверцам (хотя бы они и являлись гражданами этих государств) всегда будет отводиться второе место. При этом РПЦ активно манипулирует процентами современного «православного населения».

2. Поскольку современное российское государство основано этническими русскими, а те в свою очередь являлись православными христианами, то это значит, что современная РПЦ должна иметь особые права и привилегии в знак благодарности за участие в создании государства и за помощь в сохранении государства этнически и самобытно русским.

3. Поскольку РПЦ по историческим причинам – часть фундамента современного российского государства, то любой подрыв целостности этой части (особенно со стороны внешних сил) является покушением на всю конструкцию. Поэтому само государство должно заботиться о противодействии таким чужакам, а РПЦ будет ему в этом помогать, указывая своих врагов.

4. При этом РПЦ не хочет полностью терять самостоятельность, что имело место в имперской России, когда управлением Церковью реально занималось государство, а хочет объединить плюсы прошлого и нынешнего положения.

Понятно, что все эти тезисы не соответствуют историческим фактам, отрицают внеконфессиональный и внеэтнический принцип существования постсоветских государств, находятся в противоречии с международной и российской правовой и политической практикой. Однако это не мешает клиру РПЦ «продавливать» сформулированные на основе этих тезисов предложения через государственные органы стран СНГ. Рассмотрим, в первую очередь, как это реализуется на практике в Российской Федерации – стране, где влияние РПЦ ощущается в наибольшей степени.

3.1. Президент и его администрация

Для того, чтобы заручиться политической поддержкой своих лоббистских усилий, РПЦ в первую очередь надо найти понимание в Администрации президента, которая в настоящее время реально контролирует основные направления политической жизни в стране. Безусловно, поддержание нормальных отношений с крупнейшей конфессией страны является достаточно важной задачей президентской администрации, где за это отвечает Отдел по взаимодействию с религиозными объединениями (входит в состав управления общественных связей и гуманитарной политики) Главного управления внутренней политики Президента Российской Федерации во главе с А.О. Протопоповым. При Администрации президента действует и официальный орган для контактов с религиозными организациями – Совет по взаимодействию при религиозных объединениях при Президенте РФ, который до своей отставки осенью 2003 г. возглавлял глава Администрации А.С. Волошин. Представители РПЦ имеют в нем несомненное преимущество. В состав Совета входят (с марта 2002 г.) четыре архиерея РПЦ – митрополиты Кирилл (Гундяев), Ювеналий (Поярков), Мефодий (Немцов) и архиепископ Евгений (Решетников), другие конфессии представлены своими руководителями. В составе Совета имеются также несколько государственных чиновников и светские эксперты⁶⁴. Однако о реальных результатах деятельности Совета трудно сказать что-то определенное.

Сам Патриарх регулярно встречается с Президентом России, и их отношения можно определить как теплые. На этих встречах или в кулуарных беседах чиновников более низкого ранга МП удачно лоббирует в Администрации президента некоторые важные для себя инициативы. Однако по принципиальным вопросам, которыми являются придание православию де-юре статуса государственной религии, оказание РПЦ масштабной финансовой поддержки, изменения в законодательстве, направленные в частности на ограничение свободы совести, возвращение значительного количества изъятой собственности, введение православного образования в школах президент и его администрация отказывают МП в удовлетворении претензий.

Пока не ясно, чем вызвана столь сдержанная позиция – уважением ли В. Путина к законам и международной правовой практике, малым ли реальным политическим весом МП или отсутствием необходимости делать популистские предвыборные шаги в условиях высокого рейтинга нынешнего главы Российской Федерации. В последнем случае примечательно, что в период высокой популярности Б. Ельцина в 1991-1992 гг. РПЦ имела наибольшую в своей истории независимость от российского государства. Однако Церковь энергично избавилась от ненужной свободы, как только государство, после фактического проигрыша выборов в декабре 1993 г., повернулось лицом к РПЦ, надеясь с ее помощью найти необходимую поддержку в обществе.

Отказывая МП в удовлетворении ее наиболее серьезных требований, Администрация президента выступает не только в качестве обороняющейся стороны. Поведение Патриарха контролируют два человека, тесно связанные с Администрацией – его фаворитка Г. Сотникова (скандально известная предпринимательница, глава Фонда Патриарха Алексия II (в прошлом Фонда примирения и согласия), который пытался в 2000 г. монополизировать рынок грузовых авиаперевозок между Россией и Китаем) и член Совета Федерации от Республики Тува, «православный предприниматель» С. Пугачев (бывший, до декабря 2001 г.) председатель Совета директоров полугосударственного Межпромбанка, замешанный в скандале вокруг реконструкции Кремля). Кроме этих двух фигур, Администрация президента использует еще несколько крупных околосударственных или полугосударственных коммерческих структур, принадлежащих т. н. «олигархам», для скрытого финансирования деятельности МП – что является дополнительной страховкой от резких политических демаршей Патриарха.

⁶⁴ Персональный состав членов Совета см.: Стал известен новый состав Совета по взаимодействию при религиозными объединениями при Президенте РФ // Страна.Ру. 2002. 23.03.

3.2. Правительство РФ и министерства

Правительство России в целом (в том числе департаменты аппарата правительства) не замечены в охране интересов РПЦ. Несколько случаев, когда правительство одобряло законы, косвенно играющие на руку Церкви, произошли по инициативе политической власти (т. е. президента страны). Вместе с тем при правительстве действует Комиссия по вопросам религиозных объединений при правительстве Российской Федерации во главе (формально) с заместителем председателя правительства РФ Г. Кареловой и (реально) А.Е. Себенцовым, который в течение многих лет выполняет функции зам. председателя. Комиссия нередко имеет достаточно самостоятельную позицию по вопросам взаимоотношений с религиозными организациями, в частности с РПЦ. Нередко именно она является той формальной инстанцией, в которой гаснут многие полезные, с точки зрения РПЦ, инициативы. Цитата из одного из интервью с А. Себенцовым наглядно показывает его точку зрения: «Я лично с настороженностью пока отношусь к такой идее <конкордата между государством и РПЦ>. Потому что со стороны церкви понятно, что у нее есть интересы и она готова за них бороться. У нашего государства в этой части никто ничего не понимает. Грубо говоря, государство в этой области недееспособно, а любой договор между тем, кто понимает чего хочет, и тем, кто не понимает, изначально вреден».⁶⁵ Однако недовольство МП советом и лично А. Себенцовым мало влияет на его положение.

В тоже время министерства и государственные комитеты РФ занимают различную позицию по отношению к РПЦ. Экономические министерства и ведомства скорее относятся к ней негативно, видя в МП злостного неплательщика налогов, который к тому же претендует на государственное финансирование и собственность. Когда 21 марта 2001 г. митрополит Смоленский Кирилл (Гундяев) выступил с инициативой выплаты части подоходного налога с граждан Церкви для введения ею социальной помощи, реакция со стороны финансовых ведомств была следующая: «Первый замминистра финансов РФ Алексей Улюкаев, как сообщает РБК, назвал 22 марта предложения митрополита Кирилла "абсолютной нелепостью". В интервью РБК Алексей Улюкаев подчеркнул, что никаких обращений по этому поводу в правительственные структуры от Русской Православной Церкви или других конфессий не поступало. А.Улюкаев отметил, что по Конституции РФ Церковь отделена от государства, и поэтому никаких отчислений подоходного налога в пользу какой-либо из конфессий быть не может. Также против предложения митрополита Кирилла высказался 22 марта министр РФ по налогам и сборам Геннадий Букаев. "В России Церковь отделена от государства, и налоги государство собирает для поддержания своей жизнедеятельности", - заявил министр в интервью журналистам, сообщает ИТАР-ТАСС. "У Церкви есть верующие, которые своими подаяниями содержат Церковь. У государства задача другая - с помощью налогов содержать своих граждан", - подчеркнул Геннадий Букаев.»⁶⁶

Социальные министерства (труда, здравоохранения, образования, культуры и печати) не вполне определились со своей позицией, хотя за период 2000-2003 г. стали с большей охотой прислушиваться к пожеланиям РПЦ. Министерство культуры, с одной стороны, сотрудничает с РПЦ в деле передачи движимого и недвижимого имущества, конфискованного советской властью и находящегося в распоряжении музейных коллекций, с другой стороны, по многим вопросам общего языка не найдено. Министр труда А. Починков является воцерковленным православным и одним из спонсоров Раифского монастыря в Казанской епархии, однако у его министерства немного точек пересечения с РПЦ. Более серьезное значение имеет то, что целенаправленная работа руководства СТБИ и членов Священного Синода по проникновению в Министерство образования и убеждение сотрудников его аппарата в полезности православизации образовательной системы увенчалась успехом. В настоящее время протесты общественности, скрытое сопротивление части педагогического сообщества, а также контроль Администрации президента удерживают министерство от дальнейших и демонстративных шагов по выражению солидарности с позицией РПЦ. Министерство здравоохранения в целом относится к РПЦ положительно, и стремление епархий открывать храмы при больницах не встречает сопротивления, однако центральный аппарат министерства воздерживается от публичных контактов со структурами РПЦ. В то же время стремление православных миссионеров трактовать членство в новых религиозных движениях (НРД) в качестве психического заболевания, а борьбу с сектантами видом медицинской помощи не встречает понимания у профессионалов. Министерство печати занимает, по всей видимости, «государственническую» позицию, выразившуюся в поддержке информационного портала «Религия и СМИ», освещающего и анализирующего деятельность РПЦ и других конфессий с точки зрения полезности

⁶⁵ Бабасян Н. Церковное имущество / "Мы не против, если это возможно" // М.: Сайт Grani.ru, 2001. 12.04. http://www.grani.ru/church_property/articles/ /sebensov/

⁶⁶ Тараторкин Ф. Букаев и Улюкаев против введения церковного налога // М.: Сайт Страна.Ру, 2001. 23.03. <http://strana.ru/society/religion/2001/03/ /23/985329376.html>

«интересам России». Известно, что министерство распределяет государственные средства среди православных СМИ и поддерживает некоторые православные издательские проекты.

Наибольшее понимание РПЦ находит у «силовых» министерств – МВД, МО, МЧС, Минюста, ФСБ. Бывшие гонители верующих, сменив парадигму восприятия религии, сейчас являются наибольшими сторонниками МП среди государственных чиновников. Хотя реально верующих людей в силовых ведомствах немного, весьма распространен «православный шаманизм» усилившийся за время войны в Чечне. Считается, что перед боем надо креститься (кто не крещен), поклоняться некоторым святым (которые разнятся в зависимости от рода войск). Даже для ракетных войск в 2001 г. Московская патриархия придумала небесную защитницу – св. Варвару. Во всех министерствах, которые воспринимают православие как новую идеологию, открыты ведомственные храмы – последней в марте 2002 г. открылась церковь в здании ФСБ на Лубянке.

Однако самую большую поддержку РПЦ выражает МИД. Личная позиция его главы И. Иванова, который считается самым ярким министром-«государственником» в кабинете М. Касьянова имеет непосредственное отражение в политике его ведомства. Не имея возможности из-за прозападной ориентации политического лидера страны конфликтовать со странами Европы и Северной Америки по серьезным поводам (вопросы войны и мира, экономические связи), И. Иванов воюет с ними на «духовной почве», поддерживая все инициативы РПЦ как на внешней, так и на внутривластной арене. С 2000 г. МИД оказывает систематическую поддержку РПЦ в постройке храмов РПЦ на территории дипломатических миссий России, в борьбе за здания храмов, приходы и другую собственность, принадлежащие Российской Церкви до революции, в борьбе с зарубежными конфессиями, ведущими религиозную деятельность в России.

Очень примечательным в этом отношении документом является отчет о пресс-конференции первого заместителя главы МИД А. Авдеева, выступавшего 31 марта 2000 г. на заседании Попечительского совета благотворительного фонда «Святыни России».

Согласно сообщению агентства религиозной информации «Благовест», «Сотрудничество с РПЦ Александр Авдеев рассматривает в контексте деятельности российского МИДа по "последовательной защите прав наших соотечественников за рубежом". В этой деятельности, по мнению первого заместителя министра иностранных дел, необходимо опираться "на духовное богатство православия, поддерживать миротворческие усилия РПЦ". Александр Авдеев подробно рассказал о том, как МИД России оказывает содействие в открытии подворий и приходов РПЦ за рубежом <...> Александр Авдеев в целом положительно оценивает ход процесса создания подворий РПЦ "в ряде католических стран". В качестве конкретных примеров он рассказал о переговорах, связанных с намерением Московского патриархата открыть свой приход в Риме, о содействии муниципалитета Брюсселя в решении вопроса о строительстве "солидного храма" РПЦ в столице Бельгии, об "укреплении" подворья РПЦ в Мадриде и о возможности строительства храма в испанском курортном городе Малаге. По мнению Александра Авдеева, современная российская власть нуждается "в использовании ценностей православия для создания истинного имиджа России в мире".⁶⁷

Сформулированная таким образом позиция и в настоящее время определяет суть взаимоотношений МИДа России и РПЦ (в первую очередь в лице ОВЦС). Помимо содействия открытию новых приходов и представительств РПЦ в различных странах мира (но в первую очередь в Европе), МИД занял жесткую позицию на стороне РПЦ в ее межконфессиональном конфликте с Римско-Католической Церковью (РКЦ). С мая 2003 г. сотрудничество между РПЦ и МИД РФ организовано в рамках постоянной рабочей группы⁶⁸.

3.3. Государственная дума

В отсутствии в России традиций представительной демократии лоббистские группы могут эффективно работать, лишь заручившись поддержкой той или иной группы в аппарате исполнительной власти. Даже при существующем в России вот уже более 10 лет парламенте, избираемом в ходе свободных (со всеми оговорками) выборов населением страны, реальная политика по прежнему делается «на Старой площади» (то есть в Администрации президента), или в «Белом доме» (то есть здании Кабинета министров), или в их аналогах в регионах. Таким образом, встречая некоторую поддержку среди депутатов парламента, РПЦ практически никогда не может претворить ее в реальные решения.

Для всех парламентских партий, заседающих в Государственной думе характерно использование лозунгов о возрождении православия (или «духовности», под которой в массовом сознании все

⁶⁷ Первый заместитель министра иностранных дел РФ рассказал о совместной деятельности МИДа и РПЦ // М.: Благовест-инфо, 2000. 31.03.

⁶⁸ Представители МИД и РПЦ обсудят, как поддержать соотечественников за рубежом // М.: NEWSru.com/ПИА "Новости", 2003. 8.05.

равно понимается православие) в предвыборной борьбе. Поэтому они все заинтересованы в хороших отношениях с МП, хотя после 1993 г. она не раз и заявляла публично о своем нежелании участвовать в политических баталиях, и запретила своим священникам выдвигаться в качестве депутатов в федеральные и местные законодательные органы.

Четкая антицерковная позиция, по мнению публичных политиков, может повредить их имиджу и поэтому все крупные партии, за исключением, пожалуй, СПС, посылают своих представителей на различные мероприятия, устраиваемые МП – как то: ежегодный Всемирный Русский Собор или широко отмечаемые дни рождения Патриарха. На Всемирном Русском Соборе 2001 г. даже лидер леволиберальной партии «Яблоко» Г. Явлинский был вынужден заявить о своем исповедании православия и о важности задачи по возрождению «духовности» – лозунг, который используется Патриархией для обоснования выделения государственных средств на ее деятельность.

Вместе с тем нельзя говорить, что деятельность всех или почти всех фракций Государственной думы направлена на поддержку инициатив МП. Как правило, они «ввязнут» еще на уровне комитетов Думы, поскольку имеют для депутатов меньшую ценность, чем интересы электората или финансово-промышленных групп. Лоббисты интересов РПЦ, которые либо искренне стремились помочь РПЦ, либо позиционировали себя в качестве «православных депутатов», организационно оформились только в ГД 3-его созыва (1999-2003 гг.), в которой в предвыборном 2003 г. сформировали Межфракционное депутатское объединение (МФО) "В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей". Его координатором стал член фракции «Народный депутат» В. Гальченко, который представлял в парламенте интересы Дмитровского избирательного округа, в состав которого входит и Сергиево-Посадский район Московской области. Теоретически МФО (куда записалось 45 депутатов) представляла интересы всех традиционных конфессий, и ее деятельность была инициирована Межрелигиозным советом России⁶⁹, однако реально ее деятельность свелась к серии «проправославных» PR-акций ее координатора. В частности, в июле 2003 г. он попытался добиться от прокуратуры РФ возбуждения уголовного дела против ряда правозащитных организаций, которые выступили против учебника «Основы православной культуры» А. Бородиной⁷⁰, а также требовал ввести квоты на показ иностранных фильмов по российскому телевидению и в кинопрокате. Однако результата это не принесло, как не удалась и попытка «Народной партии», одним из руководителей которой был В. Гальченко, консолидировать православный электорат, включив в свой предвыборный список 2003 г. референта Патриарха Н. Державина, известного также в качестве ведущего православных телепрограмм. Партия не собрала и 3% голосов.

Некоторые депутаты отстаивали интересы РПЦ и вне рамок этой группы. Наиболее влиятельными из них были заместитель спикера ГД, лидер Либерально-демократической партии России В. Жириновский (он сохранил свой пост и в ГД 4-ого созыва) и заместитель председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, лидер Российской христианско-демократической (затем традиционалистской) партии А. Чуев, руководитель комитета по связям с общественными организациями В. Зоркальцев (фракция КПРФ), депутаты Н. Кривельская (ЛДПР), чьей специализацией является «борьба с сектами», и Т. Астраханкина (КПРФ), борющаяся за нравственность российских граждан вместе с радикальными фундаменталистскими группировками.

Наиболее успешной акцией православных лоббистов в ГД 3-его созыва было проведенное 12 февраля 2003 г. с подачи А. Чуева голосование за принятие обращения к Генеральному прокурору РФ о необходимости проверки действий сотрудников музея им. Андрея Сахарова, устроивших художественную выставку «Осторожно, религия!» на предмет разжигания религиозной вражды⁷¹. Выставка была ранее разгромлена православными активистами, которые в тот момент были задержаны за хулиганство. После того как за принятие обращения проголосовало 265 депутатов из присутствовавших 267, следственные органы пересмотрели свое отношение к делу. Погромщики были выпущены на свободу, а против устроителей выставки было возбуждено уголовное дело.

В то же время через месяц не менее, а возможно и более важное для Церкви постановление по имущественным вопросам Государственная дума провалила, отказавшись поддержать представленный С. Глазьевым (на тот момент членом фракции КПРФ и членом МДО «от православных», сопредседателем Союза православных граждан, в 4-ой Думе лидером парламентской фракции блока «Родина») законопроект, предоставляющий религиозным организациям право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками для использования в уставных целях,

⁶⁹ Наиболее подробное описание принципов формирования МДО и начального периода ее работы см.: Лукашина В. Одно лобби на четыре конфессии // М.: Gazeta.ru, 2003. 6.06. (<http://www.gazeta.ru/2003/06/06/dumskoerelig.shtml>)

⁷⁰ Письмо координатора Межфракционного депутатского объединения "В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей" Валерия Гальченко генеральному прокурору РФ // СПб.: Сайт Информационного агентства «Русская линия», 2003. 14.07. (<http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=1000144>).

⁷¹ Коробов П. Депутаты Госдумы заступились за православных погромщиков // М.: Коммерсантъ, 2003. 13.2.

связанных с их функциональной деятельностью, поскольку тот вызвал неодобрение в правительстве⁷².

Говорить об активности православных лоббистов в 4-ой Думе пока рано, но их количество заметно увеличилось (и они сами оказались организационно более консолидированными), после успеха блока «Родина», собравшего на выборах 9,02% голосов. По списку «Родины» в парламент прошли С. Глазьев (сопредседатель СПГ), А. Чуев, Н. Нарочницкая (постоянный автор сайта "Православие.Ру"), А. Крутов (главный редактор и фактический руководитель находящегося под влиянием архимандрита Тихона (Шевкунова) холдинга "Русский дом"), бывший генерал КГБ Н. Леонов (штатный аналитик «Русского дома»), А. Савельев (один из организаторов СПГ). В Думе имеются и другие «православные» депутаты, как например, прошедший от "Единой России" член СПГ К. Затулин.

3.4. Совет Федерации

Верхняя палата парламента проявляет меньшую отзывчивость в защите интересов РПЦ. Входящие в нее в 1993-2002 г. губернаторы и главы региональных законодательных собраний, видимо, полагали, что могут оказать большую помощь местным епархиям РПЦ (и как мы увидим ниже, делали это). Общецерковные интересы их занимали меньше. После проведения реформы Совета Федерации в 2001-2002 г., когда состав палаты был изменен и на место прежних региональных руководителей пришли представители регионов, не имеющие реальной власти на местах, ситуация изменилась в лучшую для Церкви сторону. Количество публичных и декларативных заявлений в пользу Церкви от лица сенаторов увеличилось. В феврале 2002 г. советником первого заместителя председателя СФ В. Горегляда стал вице-президент Миссионерского отдела РПЦ, доктор экономических наук игумен Филипп (Симонов)⁷³. А уже в июле новый председатель Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике И. Стариков сразу после встречи с Президентом РФ В. Путиным поделился с корреспондентом влиятельной газеты «Коммерсантъ» идеей о необходимости возвращения РПЦ изъятых после революции 1917 г. сельскохозяйственных земель в размере 40 млн. гектаров⁷⁴. В конце 2002 г. членом Совета Федерации стал представитель Тувы – предприниматель С. Пугачев, человек весьма близкий к МП и лично к Патриарху. Однако в современной, путинской России значение Совета Федерации резко уменьшилось по сравнению с 1990-ми годами. Фактически он лишь одобряет законы, принятые ГД и неформально утвержденные в Администрации президента. Поэтому искать помощи и защиты у членов СФ лоббистам РПЦ практически бессмысленно.

3.5. Судебная власть

Духовенство РПЦ откровенно не любит светскую судебную власть (в частности, потому что не признает ее компетенции над собой) и старается делать все, чтобы касающиеся ее проблемы не доходили до публичного разбирательства. Поэтому судебные органы, особенно федерального уровня, в своей практике редко сталкиваются с деятельностью РПЦ. Впрочем, вполне вероятно, что со стороны Конституционного суда, который поддерживает устойчивую линию на соблюдение законодательства России и соответствия его Основному закону, для РПЦ могут последовать неприятные сюрпризы.

3.6. Юридические аспекты взаимоотношений РПЦ с федеральной властью

С юридической точки зрения деятельность РПЦ, равно как и других религиозных организаций, ведется на основании Закона «О свободе совести и о деятельности религиозных объединений», принятого в 1997 г.. Известно, что в преамбуле Закона православие (но не РПЦ) было упомянуто в числе четырех традиционных для России конфессий – наряду с исламом, буддизмом и иудаизмом. По Закону это не дает РПЦ никаких дополнительных льгот, хотя на практике она их получает.

Наблюдение за соблюдением Закона возложено на Отдел по контролю над деятельностью политических партий и общественных организаций Министерства юстиции РФ (на начало 2004 г. во главе с А.И. Кудрявцевым). В регионах Минюст располагает сетью региональных отделений, которые занимаются регистрацией и контролем за деятельностью местных религиозных организаций.

⁷² Госдума РФ не поддержала законопроект о предоставлении религиозным организациям права бессрочного пользования земельными участками // Седмица.Ru, 2003. 9.04.

⁷³ Игумен Филипп – один из самых удачливых и влиятельных лоббистов РПЦ в структурах власти и финансово-промышленных кругах. В 1996-2000 г. он работал финансовым аналитиком и руководителем пресс-службы Московской межбанковской валютной биржи, затем занимался той же работой в банке «Российский кредит». Подробнее см.: *Щипков Д.* Мы не бегаем с крестом ни в мечеть, ни в синагогу/ Интервью с игуменом Филиппом (Симоновым). // Независимая газета. М., 2002. 17.7.

⁷⁴ *Колесников А.* Владимиру Путину нравится сельский образ жизни. // М.: Ё., 2002. 3.07.

На федеральном уровне систематическая научно-информационная и экспертная деятельность по изучению религиозных конфессий, в том числе РПЦ ведется в Экспертном совете (Кантеров) и на кафедре религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС), которую с 2002 г. возглавляет д.и.н. О. Васильева. С ее приходом кафедра резко расширила свои взаимоотношения с РПЦ и другими традиционными конфессиями, открыв в частности курсы по обучению священнослужителей высокого уровня юридическим, компьютерным и другим полезным навыкам.

После 2000 г. в прессе и властных кругах неоднократно обсуждался вопрос об образовании (точнее воссоздании) государственной структуры аналогичной Совету по делам религий при Совете министров СССР. Он мог координировать все взаимоотношения религиозных организаций с государственными органами и следить за выполнением законодательства в этой сфере. Особенно активно эту идею пропагандировали зам. пред. правительственной Комиссии А. Себенцов и журналист «Радио Россия», а ныне председатель Гильдии религиозных журналистов Медиа-союза (проправительственной журналистской организации) А. Щипков. Создание подобного Совета поддерживал ряд небольших религиозных организаций, видевших в нем будущего защитника от притеснений местных властей, нередко игнорирующих федеральное законодательство и занимающихся с подачи епархий РПЦ преследованиями «сектантов». МП в свою очередь выступила резко против создания подобного Совета, утверждая, что он будет не столько контролировать соблюдение законодательства, сколько ограничивать деятельность Церкви в соответствии с советскими порядками. Действительно, в целом ряде регионов сохранены должности уполномоченного по делам религий, и нередко их занимают те же люди, что и 15-20 лет назад. Патриарх в одном из недавних интервью заявил по этому поводу следующее:

«В последнее время нередко высказывается убеждение в желательности создания некоего государственного органа, в ведении которого находились бы вопросы, связанные с религиозной жизнью. Подобная структура – Совет по делам религий при Совете министров СССР – существовала в нашей стране на протяжении долгих десятилетий. Этот орган, помимо прочего, служил непреодолимым средоточием между Церковью и государством, фактически, исключая всякую возможность прямого диалога между ними и блокируя многие важные церковные инициативы. Этот негативный опыт еще свеж в нашей памяти. <...> Существующая ныне практика церковно-государственных отношений видится мне близкой к оптимальной.»⁷⁵

Автор, не имея собственной точки зрения на данный вопрос, должен отметить, что при несомненной правоте Патриарха (и наших малых симпатиях к возрождению советской символики и административных структур), для Церкви весьма удобно нынешнее ее положение, при котором она может беспрепятственно использовать симпатизирующих ей чиновников разного уровня и разных ведомств, лоббируя необходимые ей инициативы.

4. Региональный уровень

Наибольшее понимание требования РПЦ встречаются на региональном уровне. Если федеральные власти, принимая решения, вынуждены оглядываться на законодательство, мировое и внутрироссийское общественное мнение, прессу, то местные власти считаются со всем этим гораздо меньше. Кроме того, если для центральной власти конкретные шаги по поддержке РПЦ мало что дают в плане удовлетворения электората, то местные власти инвестиции в Церковь видят как конкретную и относительно дешевую социальную акцию, которая, безусловно, будет оценена избирателями. Именно поэтому самым распространенным и заметным во всех отношениях символом сотрудничества власти и Церкви являются новые храмы и монастыри, построенные, восстановленные или отреставрированные на средства областных и районных бюджетов. Наиболее известен из них Храм Христа Спасителя в Москве, возведенный на бюджетные деньги и средства предприятий. Показательно, что этот храм не передан Церкви, а принадлежит городу, и мэр столицы считает возможным проводить в нем мероприятия без участия духовенства. В 2001 г., например, в зале церковных соборов он провел свою встречу с актерами московских театров – профессии с церковной точки зрения презренной, представителей которой пару веков назад даже не хоронили в церковной ограде.

Именно так, как объекты соцкультбыта и памятники архитектуры, воспринимают храмы и монастыри областные и городские чиновники. Если в рамках той же парадигмы местным церковным властям удастся доказывать им полезность православных инициатив, то тогда эти идеи имеют шанс быть одобренными и профинансированными из бюджета. Противодействие религиозным конкурентам из «сект» и «нетрадиционных» конфессий подается как забота о «духовной безопасности» и «борьба с экстремизмом». Продвижение в школы православной интерпретации

⁷⁵ Вызов века сего / Интервью К. Волкова с Патриархом Алексием II // М.: Итоги, 2003. 10.05. №18.

Закона Божьего под видом предмета «Основы православной культуры»⁷⁶ обосновывается необходимостью патриотического воспитания и борьбы с наркоманией и подростковой преступностью. Православные передачи на телевидении преподносятся как дело сохранения культурных (или «народных») традиций данной местности.

Понятно, что при таком подходе очень многое зависит от позиции местных властей и активности правящего архиерея епархии или его окружения. Нередко при замене одного архиерея или областного начальника на другого вся существующая система отношений рушится. Пренебрежение властей, как светских, так и духовных, к писаному праву и заключенным на бумаге договоренностям приводит к довольно острым конфликтам. Например, в 2000 г. в Курской области после переизбрания губернатора А. Руцкого – русского националиста, покровительствовавшего местной епархии, новая власть (коммунисты), отказала епархии в финансировании. В результате рабочие, занимавшиеся реконструкцией огромного кафедрального собора в центре города, стали объявлять забастовки из-за задержек зарплаты, а областная дума отказалась продолжать финансирование программы по распространению «Основ православной культуры» в средней школе⁷⁷. А в Коми конфликт архиерея с главой республики привел к тому, что светский руководитель начал создавать свою, параллельную епархии, православную инфраструктуру, а региональные газеты занялись яростным обличением владыки в грехах, которые ранее предпочитали не замечать⁷⁸.

⁷⁶ Он может также фигурировать под другими названиями.

⁷⁷ Материалы поездки Н. Митрохина в Курскую епархию. 2001, Апрель.

⁷⁸ Интервью Н. Митрохина с епископом Питиримом (Волочковым). Москва, 2002. Ноябрь.

ПОЛИТИКА И ЦЕРКОВЬ В ГРУЗИИ

Не берусь судить, возникло ли у наших гостей из России ощущение, что они приехали в новую Грузию. Да и сам не стану утверждать, что за два минувших постреволюционных месяца Грузия успела визуально обновиться. Отмечу лишь два обстоятельства, не могущие не броситься в глаза: 1. Нет президента Шеварднадзе; 2. Есть новый флаг. Взгляните на него еще раз – государственный флаг с пятью крестами служит подходящим символом для наших дискуссий.

Для понимания динамики процессов и нынешних взаимоотношений в сфере политика-церковь в Грузии, имеет смысл вернуться к периоду конца 80-х годов прошлого столетия, когда по стране прокатилась волна национально-освободительного движения, и митинги, голодовки протеста, демонстрации, манифестации стали характерной чертой повседневной жизни населения тогда еще советской республики. Наряду с национальными знаменами и портретами выдающихся грузинских общественных и политических деятелей, неизбытым атрибутом массовых акций стал тогда крест. Триада «Отечество, язык, вера», выдвинутая в качестве национального лозунга Ильей Чавчавадзе еще в XIX веке, плакаты и призывы типа «Да здравствует свободная, демократическая, христианская Грузия!» (с незначительными вариациями) определяли внешний облик национально-освободительного движения.

Справедливости ради надо отметить, что религиозный компонент инакомыслия присутствовал в Грузии и в советское время. Даже высокопоставленные партийцы практиковали крещение детей, кто – в силу традиции, а кто – исходя из соображения «Если Бог все же есть, то зачем портить с Ним отношения?». Диссиденты-правозащитники в числе прочего возвышали голос и в защиту свободы совести и вероисповедания. Студенчество и самая отважная часть интеллигенции инициировали движение за сохранение памятников истории, каковые в грузинских реалиях почти без исключения составляли церкви и монастыри. В общем и целом, справедливо или нет, но Православная Церковь Грузии (ПЦГ), наряду, быть может, с футбольной командой тбилисского «Динамо» и ансамблем народного танца Сухишвили-Ракишвили, воспринималась одним из немногих национальных институтов, худо-бедно уцелевших в советское время.

С крахом коммунистической идеологии, фактически официально признанным в перестроечный период, возникла естественная потребность заполнения образовавшегося вакуума, нахождения и укрепления самоидентификации людей. Для того этапа характерна радикально-лозунговая тенденция к замещению от противного: тоталитаризма – на демократию, коммунизма – на свободу, безверия – на веру, т.е. – противопоставление образу манкуртизированного советского человека, человека без рода и племени, без Бога в душе и голове, изъясняющегося на языке «межнационального общения», образа православного грузина со славной многовековой историей в заплочном ранце. Стриженные под одну гребенку разноплеменные советские люди стремились обрести свое, непохожее ни на кого лицо, вернуть себе историческую, или обрести новую идентификацию. Грузины решили осознать самих себя и преподнести себя остальному миру в качестве *православных* грузин, стоящих на страже восточного (или юго-восточного) форпоста христианского мира.

Религия (в данном случае – православие) стала в этом необходимым, и, в общем-то, естественным подспорьем. Созар Субелиани так трактует причину данного явления: «Весьма значительная часть общества придает православию нагрузку своеобразной «национальной идеологии», и для нее «национальная роль» православия стоит гораздо выше мистического или социальной предназначенности церкви»⁷⁹.

Но внутренней готовности к возвращению в лоно церкви не было, да и не могло быть в развращенных советской властью душах. На массовом уровне этот процесс происходил скорее в соответствии с воспринимавшимся таковым веянием времени, по тривиальной причине следования моде, или же по укоренившейся привычке подражать примеру тех, кто определяет политическую атмосферу в стране. А все публичные лидеры национально-освободительного движения – Звиад Гамсахурдия, Мераб Костава, Зураб Чавчавадзе, Тамар Чхеидзе, Гия Чантурия, Ираклий Церетели – неизменно акцентировали свою религиозность. Замечу, что один из них – убитый в декабре 1994 года Георгий Чантурия – даже похоронен внутри ограды Кашветской церкви.

Таким образом, я не зря употребил выше словосочетание «внешний облик» национально-освободительного движения применительно к его религиозной составляющей. Понимания, если угодно – систематического знания того, что же есть такое православие, не было (и нет до сих пор); зато было (и есть до сих пор) дремучее невежество в религиозно-конфессиональных вопросах. Разницу между православием и католицизмом, не говоря уже о разнице между лютеранством и

⁷⁹ The Church, the State and Religious Minorities in Georgia: Is there a Danger of Religious Fundamentalism? Editor: G.Nodia, Tbilisi, Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development, 2000, стр. 27-37 (на грузинском языке)

англиканством, знали (и знают до сих пор) лишь единицы. Зато все остальные уверены, что православие – не просто самая верная из религий, но и – единственно истинная. Следовательно, прочие вероучения – ложные; а от ложных до враждебных – для кого шаг, а для кого – полшага.

Уже тогда это удивительное проявление выхолащенной веры (ни в коем случае ни здесь, ни далее, я не намереваюсь задеть чувства людей, по-настоящему верующих) вполне укладывалось в формулу «православие без (вне) христианства», или, если угодно, «православного атеизма».

Иллюстрацией к этому тезису может послужить эпизод трагической ночи 9 апреля 1989 г. Когда стало очевидно, что карательные войска вот-вот двинутся на участников акции голодовки и поддерживающих их манифестантов, к людям вышел Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй, и призвал их перейти в собор напротив Дома правительства, чтобы с чувством исполненного долга помолиться Господу (и, таким образом, попытаться избежать кровопролития и жертв). В ответ он услышал дружное «Нет!». Услышал от людей, многие из которых в тот момент держали в руках зажженные церковные свечи, и которые вслед за своим «нет» тут же многотысячным хором прочитали «Отче наш». Как квалифицировать столь явное ослушание первейшего духовного пастыря?

Так или иначе, но, став спутником национально-освободительного движения, ПЦГ автоматически стала и спутником постсоветской власти в Грузии, превратившись, таким образом, в один из атрибутов новой государственности, вопреки «лежащей в основе свободы религии простой идее, согласно которой принцип политического единства людей в пределах одного государства не только необходим, но и достаточен для нормального функционирования государства»⁸⁰. Характерно, что президент З.Гамсахурдиа, вместе со своими сторонниками отнюдь не питавший теплых чувств лично к Илии Второму, считал необходимым присутствие последнего на важнейших процедурах в парламенте (первая сессия, принятие присяги президентом). В моем архиве есть две газетных фотографии, похожие друг на друга как две капли воды. На одной из них Патриарх запечатлен с принимающим присягу президентом Гамсахурдиа; на другой – с принимающим присягу президентом Шеварднадзе. В эти дни, судя по всему, к ним добавится и третья – аналогичная. Кроме всего прочего, это означает, что каждый из трех президентов страны, несмотря на совершенно очевидные типологические между ними различия, необходимым условием легитимизации своей власти считал благословение ПЦГ.

Естественно, что в таких обстоятельствах мода на благословение со стороны церкви приняла повальный характер. Все значительные мероприятия, как властей, так и оппозиции, всевозможные собрания, открытие новых объектов, выставок, презентации, закладка камней в фундаменты и т.д. уже не обходились без присутствия и участия священнослужителей. Я собственными глазами видел сюжет по телевизору, когда священник освящал новооткрывшийся... тотализатор. Следующим шагом в этом направлении стало бы освящение борделя, но видеть такое мне, к счастью, пока не довелось. Правда, информация, которую я здесь приведу дословно, с моей точки зрения, описывает событие приблизительно того же порядка: «Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй в пятницу освятил место во дворе Генеральной прокуратуры, где будет построена церковь имени Святого царя Вахтанга Горгасали. В пятницу отмечается профессиональный День прокурора. Как заявил журналистам начальник управления судебно-процедурного надзора Генеральной прокуратуры Темур Мониава, строительство церкви начнется в нынешнем году. По его словам, строительство полностью будет финансироваться за счет пожертвований. Профессиональный День прокурора отмечается уже шестой год»⁸¹.

Раз уж я упомянул такой всеми нами горячо любимый профессиональный праздник, каковым является «День прокурора», замечу, что еще при президенте Гамсахурдиа началась (а при Шеварднадзе – продолжилась) этакая «клерикализация» государственных праздников и выходных дней. Среди таковых, кроме «классических» Рождества и Пасхальных дней, нынче числятся: Крещение (19 января), День поминовения апостола Андрея (12 мая), Мариамоба – Успение Богородицы (28 августа), Мцхетоба-Светицховлоба (14 октября), Гиоргоба (день Святого Георгия – 23 ноября).

Следующим характерным примером из взаимоотношений государства и церкви является конституционная эпопея. В процессе работы над Конституцией и ее принятия парламентом (автор был членом парламента созыва 1992-95 г.г. и членом Государственной конституционной комиссии) шли дискуссии о том, следует ли упомянуть в ней ПЦГ, и если да, то как именно. Как и во многом другом, здесь тоже сошлись на компромиссном решении: упомянули исключительную роль православной церкви в истории Грузии, и вместе с тем декларировали полную свободу вероисповедания и независимость церкви от государства⁸². При этом каждая из сторон вложила свой смысл в

⁸⁰ Там же; Нодар Ладариа, стр.7-13

⁸¹ Агентство Прайм-нюс, Тбилиси, 30 мая 2003 г.

⁸² Конституция Грузии, ст.9.1

компромиссную формулировку: «секуляристы» решили, что на этом вопрос закрыт, а «клерикалы» – наоборот, что подобная формулировка позволит им вернуться к наполнению «исключительной» роли иными решениями и законодательными актами, направленными в сторону повышения роли ПЦГ в общественной жизни страны. Восторжествовали «клерикалы». 30 марта 2001 года парламент единогласно (191 голос) принял закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Грузии», в соответствии с которым в ст.9 появился 2-й пункт⁸³. Несмотря на то, что в тот же день парламент принял и постановление «О проявлениях религиозного экстремизма», предписывающее соответствующим органам государственной власти пресекать проявления участвовавших случаев насилия на религиозной почве, стало ясно, что ситуация в корне изменилась. ПЦГ из статуса «самой равной» перешла в статус «первой среди равных». Выражаясь общедоступным языком, она единственная среди конфессий в Грузии, обрела конституционный статус.

14 октября 2002 г. был подписан Конституционный договор между государством Грузия (Президент Э.Шеварднадзе) и Апостольской Автокефальной Православной Церковью Грузии (Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй), утвержденный (ратифицированный) Парламентом Грузии (22 октября 2002 г.) и Священным Синодом.

Характерно при этом, что буквально ни один из видных политических деятелей сегодняшней (и вчерашней) Грузии не воспитывался, скажем так, церковным человеком. Насколько каждый из них настоящему верующий или нет, судить, с одной стороны, трудно, а с другой – легко: дела и образ жизни говорят сами за себя. Бывший уже президент Шеварднадзе, правитель (пока еще) Аджарской автономии Абашидзе, многие, если не большинство ведущих должностных лиц в их администрациях – люди с партийно-комсомольско-номенклатурным прошлым, хоть и разной продолжительности и размаха. И усмотреть христианские ценности в основе их политической деятельности, право же, трудно. В особых религиозных наклонностях ранее не были замечены и сегодняшние руководители государства – Президент Михаил Саакашвили, бывший и, видимо, будущий спикер парламента Нино Бурджанадзе, госминистр Зураб Жвания, и прочая разношерстная политическая элита. Но никто из них не отваживается на то, чтобы выступить с открытой критикой тревожных тенденций, опасаясь потери голосов избирателей. В плане отношения к церкви изначально стояла особняком Национально-демократическая партия, еще в 1980-х годах выдвинувшая идею «теодемократии» – сколь не проясненную, столь и вредную.

Умилительную картину можно было наблюдать в Рождественскую ночь в кафедральном соборе Сиони, где собрались ушедший в отставку президент Шеварднадзе, исполнявшая обязанности президента Бурджанадзе и уже избранный, но еще не вступивший в должность президент Саакашвили. И еще один штрих: в последние годы среди политиков стало модным обзаводиться духовниками, при случае упоминать о своей принадлежности к такой-то пастве, связать свое имя (и деньги) со строительством часовни, а то и храма.

Паата Закареишвили считает: «Явно бросается в глаза пагубная тенденция спекуляции религиозными ценностями. Приближается время, когда политика игнорирования проблем, существующих между религиозными объединениями в стране, неизбежно превратится в препятствие на пути демократизации государства. К сожалению, политические силы Грузии или вообще не воспринимают эту проблему серьезно, или же по причине недомыслия и пресыщенной ура-патриотизмом некомпетентности уверенные в правоте собственных позиций, пребывают в состоянии иллюзорного самодовольства»⁸⁴.

Похоже, однако, что дело обстоит еще проще. Участникам одного из опросов⁸⁵ предложили ответить на вопрос: насколько окажет влияние на вашу позицию на выборах выступление политика в защиту прав религиозных меньшинств? 8.8% опрошенных ответили, что данное обстоятельство подтолкнет их к голосованию в пользу такого политика, 37.9% считают, что это никак не скажется на их позиции при голосовании, а 53% заявили, что проголосуют против такого политика (0.3% затруднились дать ответ). Данные итоги приводят социологов к однозначному мнению: пропаганда свободы вероисповедания непопулярна в сегодняшней Грузии, и политики прекрасно это знают.

Характерно, что если среди большинства политических сил страны наблюдается редкий для них консенсус (декларативный, по крайней мере) по поводу западного, евроатлантического выбора Грузии, необходимости построения правового государства и гражданского общества на основе либеральных ценностей, то тенденции, совершенно явственно проявляющиеся в деятельности ПЦГ, имеют вектор противоположного направления. Именно в тот период (1997-98 г.г. – пиковый в

⁸³ Конституция Грузии, ст.9.2: Взаимоотношения между государством Грузия и Апостольской Автокефальной Православной Церковью Грузии определены Конституционным договором. Конституционный договор должен полностью соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности – в сфере прав и свобод человека.

⁸⁴ The Church, the State and Religious Minorities in Georgia: Is there a Danger of Religious Fundamentalism? Editor: G.Nodia, Tbilisi, Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development, 2000, стр.14-21 (на грузинском языке)

⁸⁵ Опрос проведен в 2003 г. социологической группой ICCN (Центр по конфликтам и переговорам)

правлении Шеварднадзе), когда Грузия, первой среди стран Южного Кавказа вступила в Совет Европы, ПЦГ вышла из состава Всемирного Совета Церквей и Конференции Европейских Церквей. Затем серьезными проблемами сопровождался визит в Грузию Папы Римского Иоанна Павла II. А в сентябре минувшего года было сорвано подписание межгосударственного договора с Ватиканом. Здесь не место обсуждать плюсы и минусы этого договора, и я вовсе не исключаю, что соответствующие государственные структуры, готовившие его к подписанию, оказались не на высоте. Но истерия вокруг этой проблемы неприятно резанула слух, и, скорее всего, в очередной раз выставила мою страну не в лучшем свете. Не стоит поэтому удивляться оценке, коей удостоена Грузия в докладе Госдепа США о свободе вероисповедания в мире за прошедший год, где, в частности, говорится: «Некоторые политические деятели националистического толка продолжают использовать тезис о превосходстве Грузинской Православной Церкви в своих политических платформах и подвергли критике ряд протестантских групп, особенно евангелистские группы, за их якобы подрывную деятельность»⁸⁶.

В связи с этим интересным представляется такое наблюдение Г.Нодия: «Можно сказать, что у нас сформировалось противоречие между корпоративными интересами церкви и общенациональными интересами. Национальным интересом Грузии является сохранение национального и государственного единства, что требует укрепления демократических институтов, и особенно проведения политики конфессиональной терпимости... Православная церковь в подобном курсе национальных интересов усматривает определенную угрозу для своих корпоративных интересов»⁸⁷.

Однако, как частично уже было показано выше, ПЦГ находит все больше возможностей для защиты своих интересов, дальнейшего укрепления позиций, а в случае необходимости – и давления на власть. Так, когда в начале 2003 года военная акция США против Ирака стала очевидно неизбежной, Президент Шеварднадзе открыто выступил в поддержку США. А за день до его соответствующего заявления в «Ведомостях Патриархии» №5 (212) появилось противоположное по смыслу заявление. Понятно, что церковь осуждает насилие, но подобное совпадение слишком уж похоже не просто на совпадение, а на «игру на опережение». И если в начале года это не сработало (в конце концов, ПЦГ, даже сообщая с РПЦ, не в состоянии помешать американцам в осуществлении их замыслов), то осенью – в случае договора с Ватиканом, сработало сполна. Более того, есть версия, что выступление Католикоса-Патриарха Илии Второго в ноябрьские дни о недопущении насилия и кровопролития, адресатом которого, в первую очередь, был Шеварднадзе, кроме совершенно естественного и оправданного миролюбивого пафоса, содержало и определенный подтекст. Патриархия, не простившая Шеварднадзе подготовку договора с Ватиканом, этим ходом оказала услугу оппозиции, как бы выдав ей охранную грамоту от возможного применения силы. В этом же контексте можно рассматривать отступление от традиции – отсутствие Патриарха на первом после выборов 2 ноября заседании так и не состоявшегося парламента, столь печально завершившемся для Шеварднадзе. Повторяю, это лишь версия. Но 4-го января избранный в тот день Президентом Грузии Михаил Саакашвили поздравил с днем рождения Илию Второго и лично преподнес ему золотую розу. Скорее всего, ПЦГ ждет от новых властей и дальнейших действий по принципу услуга – за услугу. А пока, на фоне инаугурационных торжеств, церковь и государство (в лице новой власти) получили возможность сполна продемонстрировать единство: освящение нового флага Грузии, принятие новоизбранным президентом т.н. «духовной клятвы» в Гелати, подписание своеобразного пакта о национальном примирении в Кашветском соборе... Все соответствующие церемонии провел лично Католикос-Патриарх при участии высших иерархов ПЦГ. Он же, кстати, в своем Рождественском послании (эпистоле), осудив тоталитаризм, предостерег и от «крайнего либерализма», и подтвердил, что церковь, как и прежде, будет стоять плечом к плечу с властью⁸⁸.

Объяснений сложившемуся положению множество; некоторых из них я, так или иначе коснулся. В заключение приведу любопытные данные социологического опроса, проведенного в общенациональном масштабе с участием более 1200 респондентов⁸⁹, которые дополнительно помогут пролить свет на суть ситуации:

Таблица 1. Степень доверия к различным институтам в Грузии

Институция	Доверяют	Не доверяют	Нет ответа	Не ответили
Полиция	51	1006	57	114
Президентская власть	124	910	89	88
Суд	116	913	87	95

⁸⁶ <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2003/index.htm>

⁸⁷ The Church, the State and Religious Minorities in Georgia: стр.57-68

⁸⁸ Ведомости Патриархии №2(261)

⁸⁹ «Ваши права», периодическое издание «Народного защитника Грузии», №1, 2001 (на груз. языке)

Госбезопасность	82	947	86	96
Парламент	51	982	75	103
Гос. канцелярия	44	949	111	107
Палата контроля	78	914	114	105
Офис народного защитника	174	749	187	101
Налоговая служба	39	984	84	104
Православная церковь	767	235	118	91
Министерство окр. среды	118	838	148	107
Антикоррупционный совет	80	881	144	106

И еще одна таблица с результатами опроса, проведенного уже в 2003 году⁹⁰, и в целом подтвердившими данные первого опроса.

Таблица 2. Оцените деятельность указанных структур

№	Институция	Положи-тельно	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Отрица-тельно	Затруд-нились
1	Парламент	1.2	4.7	22.7	71.5	0
2	Правительство	1.1	4.2	19.3	75.4	0
3	НПО	5.9	25.0	28.1	38.6	2.4
4	Патриархия	38.6	38.2	12.7	9.0	1.5
5	Масс-медиа	25.6	41.3	18.3	14.5	0.3
6	Полиция	2.3	5.7	16.7	75.2	0.1
7	Прокуратура	3.0	5.5	17.1	73.8	0.7
8	Суд	3.1	8.0	20.3	67.6	0.7

Приведенные в таблицах данные (относятся они целиком и полностью к шеварднадзевскому периоду) наглядно свидетельствует о том, что при полном отсутствии доверия к тотально коррумпированным, некомпетентным, недееспособным, и глубоко безразличным по отношению к собственному народу государственным институтам (с малозначительными вариациями), люди стремятся найти хоть какой-нибудь ориентир, спасительную соломинку, которая поможет им сохранить надежду и веру в немилосердной действительности. Другое дело – насколько надежен этот ориентир... Да и с точки зрения логики концы не сходятся с концами, когда отдельные священнослужители редко предстают моральными и уж тем более интеллектуальными авторитетами, а их совокупность почему-то воспринимается наиболее авторитетным институтом. Вот уж действительно – неисповедимы пути Твои, Господи...

Завершу же я свое выступление двумя тезисами, возможно, непосредственно не вытекающими из общего тона и духа доклада:

1. Если Грузии и грозит фундаментализм, то грозит он самим ее гражданам в первую и последнюю очередь. Внутреннего ресурса для экспорта православного фундаментализма у Грузии нет, как нет и внешнего «рынка сбыта». Соседи могут не беспокоиться.

2. Мне представляется, что Грузия не может стать фундаменталистской. Ибо, в противном случае, это будет не Грузия.

⁹⁰ Опрос проведен в 2003 г. социологической группой ICCN (Центр по конфликтам и переговорам)

Дискуссия

Отец Василий

У меня три вопроса к господину Митрохину. Первое: Вы пишете и говорите, что никакого реального политического влияния у церкви в России нет ни на общество, ни на электорат во время выборов. Не могли бы Вы пояснить, неужели абсолютно никакого влияния не имеет?

Второе – вопрос об отдельных договорах между министерствами и Московской патриархией; они эффективны, имеет ли потом практические последствия эти договора? Есть такое предложение – подписать договор о социальном партнерстве между государством и Патриархией, будет это считаться некоторым неофициальным объявлением государственной церкви? Вот эти три вопроса хотел задать.

Николай Митрохин

Начну по порядку с краткого рассказа о чуде. В Иваново есть монастырь, название не воспроизведу, но его возглавляет очень известный священник, архимандрит Амвросий. Основные хоромы для монахов и монахинь, духовник в монастыре в одном доме с настоятелями, все по чести. И там как-то появилась масса сообщений в газетах о мироточении икон. В частности, в этом монастыре у одной келейки, где жили две благочестивые монахини замироточила одна икона, а на другой день — десять. А потом пошли публикации, включая центральные газеты. И в одно мгновение все остановилось, мой коллега Михаил Дельштейн в Иваново обретается, он как-то шел по улице и встретил знакомого члена специальной комиссии и спрашивает, а что так прекратилось? Мы комиссию создали, и когда члены комиссии зашли в эту комнату и обнаружили, что там мироточат портреты постоянных членов Синода, тут уже решили, что это слишком. Еще здорово было бы иметь мироточивый календарь, но, наверно, они еще не додумались.

Если говорить серьезно, социальная деятельность Русской Православной Церкви не скажу, что близка к нулю, но она единичная, уникальная. К примеру, реальная помощь реальным общин, которые ходят в больницу, хотя бы просто голодных детишек кормят или учат, происходит в минимальном количестве случаев. Договора, которые заключались с министерствами, которые должны теоретически развивать подобную деятельность, они реально не работают, и являются рамочными. Понятно, что министерство деньги отдавать на сторону не хочет, но если церкви захочется поработать в больнице, то на это есть общий договор, на уровне епархии еще договор заключат и прочее, но говорят, приходите в больницу работать, а кто пойдет работать в больницу – это еще вопрос. Подобные договоры приводят к тому, что ими могут воспользоваться, в качестве такой «отмазки», говоря на современном русском языке, когда не хотят, допустим, другую конфессию пускать в больницу, то сошлутся на договор с православными. Мы договариваемся о совместном развитии, через реализацию совместных программ и т. д., но никакой ответственности обеих сторон там не прописано.

Допустим, как в Красноярске был недавно случай, когда обнаружили, что у православных, по-моему, 8 общин трезвости, а в рамках договора с управлением здравоохранения и еще одна община, которая в двух больницах приходит в качестве сестер, сиделок. Это считается, так сказать, одним из лучших образцов социальной деятельности в медицинской сфере и в Русской Православной Церкви. В то же время у местных баптистов было 15 общин трезвости и реабилитации, у католиков, у пятидесятников — больше десяти таких общин, но католики основали антиабортальный центр на базе больницы: они готовы были оплачивать матерям, которые решили отказаться от аборт, деньги на воспитание детей. Вот тогда все было нормально, центр работал, потом в местной газете взяли и написали про его существование, и тут же последовал указ для администрации больницы, чтобы все конфессии кроме православной были изгнаны из больницы.

Первый вопрос был насчет влияния православной церкви на политику. Люди присутствуют на проповеди, очень многие священники говорят: наши верующие как буддисты, скажешь одно — хорошо, благословите батюшка... Та каста людей, которая действительно ходит в храм регулярно и живет по православным принципам, составляет всего один или два процента от общего числа населения. Поэтому попытка Патриарха представить, что он владетель некоего пакета голосов, как вот политическая партия является владельцем того или другого пакета голосов, что мы определяем на выборах, она не состоятельна и политики это понимают. Поэтому складывается очень противоречивая картина, для меня непонятно, кто от кого тут зависит. У меня возникло мнение, что в России, в принципе, церковь не может очень традиционно зависеть от государства и на центральном, и на местном уровне. А в Грузии я не знаю, может быть наоборот, тут государство, политики зависят от религиозных организаций.

И второй вопрос: кто здесь зависит от кого и кто конструирует кого, потому что тут большое количество разных элементов, образов, видений, очень большая масса определенных явлений, которыми легко можно манипулировать в любом направлении, кто тут главный. Я понимаю, что есть кооперативный интерес защищать свое имущество и т.д. И некоторые группы делают бизнес, но именно в политическом плане мне очень интересна перспектива гражданского общества в Грузии, которое так или иначе, кажется, намного ближе к новой власти, чем к предыдущей.

Нодар Ладария

Насчет того, кто от кого зависит: что касается Грузии, здесь традиционно реализуются средневековая модель, это вызвано тем, что власть у нас всегда, последние пятнадцать лет особенно, была достаточно слабой. Эта средневековая модель соответствует отношению царя и епископа. Здесь действительно не поймешь, кто от кого зависит, но, образно выражаясь, церковь надеется каким-то образом занять место ночной кукушки по отношению к власти, а дневная кукушка - это гражданское общество. Я имею в виду известную русскую пословицу, что «ночная кукушка дневную перекукует». В этой метафоре сын - светская власть, мать — гражданское общество, а жена — церковь.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ

В течение многих десятилетий атеизм был господствующей доктриной на территории бывшего СССР. Религия не оказывала заметного влияния на жизнь общества: большинство советских людей не были убежденными атеистами, но к вопросам религии и веры относились довольно безразлично. Все стало меняться в начале 90-х годов, когда у правящих элит новообразованных государств и их рядовых граждан возникла необходимость чем-то восполнить образовавшийся идеологический и духовный вакуум. С тех пор значение религии в обществе постоянно возрастает.

Полученные в результате анкетирования населения Абхазии⁹¹ данные свидетельствовали о высокой степени религиозности местного населения. В 1997 г. на вопрос о своей религиозной принадлежности 55% респондентов заявили, что они христиане, 17% назвали себя мусульманами, 14,6% опрошенных считают себя неверующими, а 7,4% затруднились определить свою религиозную принадлежность. При этом, однако, большинство «неверующих» выразили «положительное» или «нормальное» отношение к религии. А некоторые написали, что собираются креститься или «веруют» без уточнения названия своей веры. Сознательных атеистов оказалось лишь 3%, еще 2% заявили, что они язычники, либо придерживаются «абхазской веры».

В 2003 г. доля неверующих и атеистов еще более сократилась: 60% опрошенных отнесли себя к христианам, 16% к мусульманам, 8% к атеистам и неверующим, 5% к язычникам, 3% к приверженцам абхазской религии, менее чем по 1% проценту приходится на Свидетелей Иеговы, иудеев и «синкретистов», и 6% затруднились ответить.

Несмотря на зафиксированные анкетированием высокие показатели уровня религиозности населения Абхазии, необходимо учитывать, что отнесение себя респондентами к той или иной конфессии (само по себе, безусловно, показательное), еще не означает, что в настоящее время все они являются глубоко верующими людьми или хотя бы обладают элементарными представлениями об основах религии. На основании проведенных в Абхазии полевых исследований можно констатировать, что у значительного количества людей, прошедших обряд крещения в православных церквях, декларируемая приверженность к христианству продолжает оставаться совершенно формальной. Даже в дни наиболее значительных христианских праздников на церковные службы приходит совсем мало прихожан. В то же время на молениях в абхазских святилищах нередко присутствуют многие сотни людей. В этом отношении современная Абхазия внешне весьма напоминает картину, имевшую место в первые века распространения христианства, когда средневековые монахи-летописцы с печалью противопоставляли пустующие христианские храмы шумному многолюдству древних капищ.

У абхазов несоответствие между декларируемой людьми собственной конфессиональной принадлежностью и их реальными религиозными представлениями и ритуальной практикой имеет особую специфику. В отличие от других национальных общин, где чаще всего даже прошедшие обряд крещения люди в действительности продолжают оставаться неверующими, подавляющее большинство относящих себя к христианам абхазов являются людьми с религиозным мировоззрением. Они искренне верят в существование единого Бога-Творца (Анцза), но не разделяют учения о Троице: не почитают Святого Духа и Иисуса Христа как Сына Божия, не посещают церкви, не совершают обряда причастия, не соблюдают никаких постов, не интересуются основами христианского вероучения, не читают Библии. Таким образом, абхазы, заявляющие о своей принадлежности к христианской вере, на самом деле не разделяют ее основополагающих догматов и числятся христианами лишь номинально.

Одной из главных причин, препятствующих реальному, а не формальному упрочению позиций православия, является нынешний неопределенный статус Абхазской Церкви. После войны 1992-1993 гг. Цхум-Абхазская епархия Грузинской Православной Церкви осталась без епископа. Глава епархии митрополит Даниил (Датуашвили) был вынужден покинуть Абхазию и в настоящее время пребывает в Тбилиси. В результате уже более десяти лет руководство Грузинской Церкви не имеет возможности руководить деятельностью православных приходов в Абхазии.

Русская Православная Церковь, несмотря на большое количество проживающих в Абхазии русских, продолжает рассматривать местные православные приходы как подведомственные исключительно Грузинской Православной Церкви. Эта принципиальная позиция РПЦ была вновь

⁹¹ В 1997 г. анкетирование в Абхазии (опрошено 1448 чел.) проводилось при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 97-01-18011). В 2003 г. анкетирование (опрошено 448 чел.) проводилось при поддержке СМИ «Кавказский узел» (<http://kavkaz.memo.ru>) общества «Мемориал» и Института «Открытое общество» в рамках проекта «Общество в условиях непризнанного государства».

подтверждена в конце июля 2003 г., когда Синод РПЦ принял специальное постановление о признании Абхазии частью канонической территории Грузинской Православной Церкви. Позиция РПЦ по вопросу о принадлежности православных приходов Абхазии была высоко оценена властями Грузии: тогдашний Президент Грузии Э. Шеварднадзе лично поблагодарил Патриарха Алексия II за его последовательную позицию в этом вопросе.

В настоящее время православные приходы Абхазии действуют без епископского окормления и управляются временным епархиальным советом из представителей местного православного духовенства. Этот совет отказывается признавать верховенство Грузинской Православной Церкви и не признается ею в качестве законной структуры. Таким образом, православные приходы Абхазии продолжают оставаться вне рамок нормального канонического общения, как с Грузинской, так и с Русской Православными Церквями. В результате большинство православных церквей Абхазии остается без священников; крайняя малочисленность местного православного духовенства в сильнейшей степени препятствует возрождению православия в постсоветской Абхазии.

Нечто подобное происходит и с исламом, некогда игравшим весьма важную роль в политической жизни Абхазии (XVII-XVIII вв.). Позиции ислама были подорваны массовым отъездом наиболее исламизированной части абхазов в Турцию в конце XIX в. и длительным нахождением Абхазии в составе Российской империи, а затем - СССР. В настоящее время мусульманские страны подчеркнуто дистанцируются от непризнанной республики и не проявляют желания вновь способствовать распространению здесь учения пророка.

В Абхазии до сих пор нет ни одной мечети, считающие себя мусульманами абхазы не почитают пророка Мохаммеда, в своем подавляющем большинстве не имеют ни малейшего представления о Коране и не проявляют никакой заинтересованности в его изучении. Ни один из опрошенных нами "абхазских мусульман" ничего не знал о ежедневной пятикратной молитве, о необходимости соблюдения поста в месяц Рамадан, о предписываемой исламом выплате 2,5% налога на содержание неимущих единоверцев и т.п. Лишь некоторые из них отождествляли Аллаха и Бога-Творца Анцза, уточняя при этом, что "Аллах - это Бог для всех людей", которого они глубоко почитают, но рядом с ними постоянно находится и их собственный ангел-хранитель (Дыдрыпш, Лыхных, Лдзааных и др.).

У "абхазов-мусульман" не существует никаких ограничений в еде и питье: они употребляют водку и вино, свинину и прочие запретные для "истинных правоверных" блюда. Обряд обрезания не только не проводится, но и воспринимается "абхазскими мусульманами" как нечто неестественное и совершенно постыдное.

В реальности в современной Абхазии подлинными мусульманами можно считать лишь потомков абхазских махаджиров, возвратившихся на свою историческую родину из различных стран Ближнего и Среднего Востока. Но они составляют совсем незначительную часть местного населения, проживают довольно замкнуто в нескольких расположенных далеко друг от друга населенных пунктах и не оказывают сколько-нибудь заметного влияния в масштабах всего абхазского этноса.

Свою собственную и принципиально отличную от РПЦ позицию по отношению к Абхазии занимает католическая церковь: после распада СССР непризнанная республика была включена в состав охватывающего юг Краснодарского края Причерноморского прихода. Главой этого прихода был назначен настоятель Сочинского костела польский ксендз Богдан Северин, приехавший в Россию в начале 1990-х гг. С его деятельностью было связано возрождение католичества в Абхазии (до революции местная община католиков была многонациональной и довольно многочисленной).

После окончания грузино-абхазской войны Б. Северин получил от властей непризнанной республики разрешение на возобновление деятельности католической церкви. В настоящее время община католиков объединяет, в основном, поляков и армян, два старосты костела представляют именно эти национальности. В адрес католического прихода регулярно поступает гуманитарная помощь от посольства Польши в Москве (в Абхазию неоднократно приезжали его представители), а также от общественной польской католической организации "Каридас" (милосердие). Через польское посольство в Москве община получает и определенные финансовые средства. Община организовала изучение детьми прихожан польского языка, несколько человек, поляков по национальности, были направлены на обучение в Польшу.

Свидетельством того, что католическая церковь очень высоко оценила заслуги ксендза Б. Северина в деле возрождения католичества на юге России и в Абхазии, стало его назначение вначале настоятелем католической общины Петра и Павла в Москве, а затем - ректором семинарии Непорочного зачатия в Санкт-Петербурге.

Аналогичные планы имелись в отношении возрождения в Абхазии протестантизма: в конце 1980-х - начале 1990-х гг. приезжавшие из Германии делегации неоднократно осматривали здание бывшей сухумской кирхи. В отличие от здания костела, в советские времена кирха практически не пострадала. Однако никаких реальных шагов по возобновлению ее работы со стороны германских церковных

кругов не последовало: по-видимому, определяющую роль в этом сыграли политические соображения.

Неопределенный политический статус Абхазии явно благоприятствует деятельности различных религиозных сект и течений. Особенно активную проповедь ведут баптисты, Адвентисты седьмого дня и Свидетели Иеговы, пользующиеся значительной финансовой поддержкой от своих единоверцев из западных стран. Численность каждой из этих общин постоянно возрастает в первую очередь за счет местной городской молодежи.

Под руководством своих получивших образование на Западе духовных наставников, члены общин изучают соответствующие религиозные учения, совершают коллективные моления и ведут активную пропаганду своего учения путем распространения красочной литературы и в устной форме. Поступающие в адрес общин и распространяемые среди их членов весьма значительные партии гуманитарной помощи от единоверцев с Запада, несомненно, повышают действенность такой пропаганды.

Члены сект попадают в сильную зависимость от своих духовных наставников, что становится причиной серьезных конфликтов в семьях. Нередко сектанты угрожают совершить самоубийство в ответ на попытки друзей и родственников убедить их в том, что необходимо бросить общину и вернуться к нормальной жизни.

В отличие от современной России и большинства других возникших на постсоветском пространстве государств, в непризнанной Абхазии не удалось закрепиться представителям секты сатанистов. В июне 1997 г. три сатаниста совершили свою изуверскую церемонию, в ходе которой после долгих издевательств зверски замучили тринадцатилетнего абхазского подростка. Родственникам мальчика удалось найти убийц. Признавшиеся в преступлении сатанисты были вывезены в пустынное место, облиты бензином и сожжены заживо. После этого никаких сведений о действиях сатанистов в Абхазии больше не появлялось.

Весьма активны в современной Абхазии кришнаиты, которые в 1989 г. именно здесь, в Сухуми, впервые на территории СССР открыто провели религиозный праздник колесницы с шествием по городу и показом народу изображений собственных божеств. В отличие от остальных сект, кришнаиты не навязывают окружающим собственное видение мира и не стремятся к обращению многих людей в свою веру. Эта община ведет активную гуманитарную деятельность: во время грузино-абхазской войны ее представители действовали по обе стороны фронта, организовали несколько благотворительных столовых и спасли от голодной смерти многие сотни людей. Эти столовые продолжают работать до сих пор: в Сухуми в них ежедневно получают питание многие люди пожилого и престарелого возраста.

Почти все еврейское население Абхазии было вывезено в Израиль во время грузино-абхазской войны. Однако в Сухуми осталось несколько десятков евреев, в основном преклонного возраста, продолжает действовать синагога. Евреи, выехавшие в Израиль, практически потеряли возможность оказывать поддержку своим оставшимся на месте престарелым родственникам. Правительство Израиля, всемерно способствовавшее переселению местных евреев в Израиль, не оказывает никакого содействия оставшимся на территории Абхазии членам общины. Поэтому местные евреи неоднократно были вынуждены обращаться за помощью к международным гуманитарным организациям, а также к сухумским кришнаитам: раввин получал от них продовольствие, освящал его по иудейским канонам и распределял среди своей нуждающейся паствы.

Едва не прекратилась деятельность сухумской синагоги. После грузино-абхазской войны часть ее прихожан потребовала продать здание, на вырученные деньги нанять пароход и со всем своим имуществом, включая мебель, холодильники и прочие крупногабаритные предметы, переехать в Израиль. Однако большинство общины не пошло на это и поддержало своего раввина, заявившего, что синагога будет действовать до тех пор, пока в Абхазии останется хотя бы один еврей.

Проведенное осенью 1997 г. анкетирование абхазов свидетельствовало о сильном влиянии на них традиционной религии, которая сложилась у абхазов в процессе их исторического развития без формообразующего влияния со стороны мировых религий. Так, 199 человек или 47,4% из числа 420 абхазов, назвавших себя христианами, признали, что они сами или их родственники имеют святилища-аныхи, либо обращались за помощью к таким святилищам. У остальных этот показатель следующий: 163 или 66,5% из 245 назвавших себя мусульманами, 34 или 47,2% из 72 затруднившихся определить свою религиозную принадлежность, 27 или 37,5% из 72 неверующих, 12 или 70,6% из 17 язычников, 6 или 60% из 10 приверженцев "абхазской веры", и 7 или 43,8% из 16 атеистов.

Большинство опрошенных сообщили, что либо они, либо их родственники имеют в родном селе аныху - святилище, под которым чаще всего подразумевалась "ажира" - кузня, почитание которой восходит к древним культам огня и металлов. В то же время только незначительное количество респондентов указало на собственные аныхи как на святилища общеабхазского масштаба.

Последнее, видимо, объясняется отчасти тем, что к наиболее почитаемым, “сильным аныхам” люди могут обращаться лишь в совершенно критической для себя ситуации.

Среди названных респондентами общеабхазских святилищ фигурировали Дыдрыш-ныха, Лашкендар-ныха, Лдзаа-ныха, Лых-ныха и Ылыр-ныха, входящие в число семи главных святилищ, оберегающих Абхазию, а также не входящие в это число Ебыр-ныха и Аергь-Лапыр-ныха. Некоторые из респондентов назвали святилищем своего рода, фамилии священный кувшин “ахапщья” (“апща хапщья”), традиционное место моления рода “рныхрртаа” (“рныхварта”), или святыню, название которой определялось ее географическим местоположением в определенном селе (например “Кланурхувская аныха”).

Респондент из фамилии Эбжноу, ныне проживающий в городе Гудаута, в качестве семейной святыни назвал аныху Бытха - святилище, находившееся в окрестностях современного города Сочи. Оно получило широкую известность благодаря популярному роману Баграта Шинкуба “Последний из ушедших”, в котором неоднократно упоминалось это святилище убыхов - родственного абхазам народа, проживавшего до своего выселения в Турцию в XIX в. в окрестностях современного Сочи. Скорее всего, данное упоминание в анкете о Бытхе связано с тем, что, как считается, современная абхазская фамилия Эбжноу происходит именно из убыхов.

Своеобразие религиозных представлений современных абхазов наглядно иллюстрируется следующим рассуждением проживающего в селе Ачандара Л. Хагба, считающего себя мусульманином: “Аллах⁹² - это Бог для всех людей, для нас же главный Бог - Дыдрыш, который обитает рядом, на горе Дыдрыш-ныха”. Другой наш собеседник, Золотинска Цымца из села Бармыш, являющийся жрецом святилища Аергь-Лапыр-ныха, заявил: “Я - мусульманин, но никаких обрядов типа “байрам-майрам” не делаю, а следую только традициям своих предков”. Во время традиционных молений лишь некоторые из людей преклонного возраста продолжают обращаться к Аллаху, однако это имя (наряду с Хазшаз - Творец и другими) используется ими в качестве одного из названий Бога-Творца Анцза.

То обстоятельство, что для всех абхазов первостепенной по важности остается традиционная религия, объясняет почти полное отсутствие в их среде мировоззренческих разногласий и бытовых различий между людьми, формально относящими себя по религиозной принадлежности к христианам и мусульманам. Некоторые отличия между ними имеются в основном в похоронной обрядности: “абхазы-мусульмане” перед похоронами разбивают крышку гроба, выкапывают могилу с подбоем и т.п.

Общую для абхазов картину полной веротерпимости (порождаемой тем, что и абхазские “христиане”, и абхазские “мусульмане” на самом деле исповедуют одну религию - традиционную религию своих предков) не нарушают и местные атеисты. Так, одна из абхазских “атеисток” написала в анкете, что в доме ее родителей в селе Приморском есть ажира и что она сама обращалась к ней за помощью, когда заболела, а после ее выздоровления была принесена благодарственная жертва. Другой абхазский “атеист” указал, что он регулярно вместе с родственниками принимает участие в обрядовых праздниках, то есть - в традиционных молениях.

О том, как сочетались в сознании абхазов атеизм и коммунистическое учение с их традиционной религией дают представление следующие красноречивые высказывания наших собеседников: “В советское время я был членом абхазского обкома партии, министром, но всегда приходил на божественные обряды, даже если для этого нужно было сбежать с заседания бюро обкома” (Ш. Ампар, село Калдахуара). “Я в Коммунистической партии с 1941 года, всегда следовал ее программе и уставу, но когда молился Богу - резал козу, и не считаю, что это кому-то мешает, при чем тут религия?” (А. Ампар, село Калдахуара).

Сознавая особенности религиозного сознания абхазов, нынешние служители православной церкви Абхазии подчеркнуто уважительно относятся к исповедуемой ими традиционной религии и постоянно присутствуют на наиболее важных молениях в абхазских святилищах. О том, что в прошлом в Абхазии подобным же образом мирно уживались традиционная религия и христианство (а также ислам в XVII-XIX вв.), наглядно свидетельствует обрядовая практика, свидетелем которой был в конце XIX в. Н.С. Джанашиа. Описывая общинное моление о дожде и урожае (ацу-ныха), этот автор указывает, что на нем присутствовал и местный священник, который “вернулся с обедни, на которой, кроме него да причетника, вероятно, никто не присутствовал”.

Далее Н.С. Джанашиа указывает, что перед началом обряда жертвоприношения, “если сельчане - христиане, служится “молебен во время бездождия”: его слушает народ не с должным вниманием”. Когда же после священника начинали говорить старики-молельщики, “весь народ на коленях стоит смиренно. Ни звука вы не услышите”⁹³. По сравнению с описанной сто лет назад Н.С. Джанашиа

⁹² В данном случае имя Аллах было использовано как одно из имен Бога-Творца Анцза.

⁹³ Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сух., 1960, с.66.

церемонией, современная ацу-ныха в целом изменилась незначительно, однако в настоящее время на ней перестали присутствовать священники (которые, как видно из приведенной цитаты, и в конце XIX в. имели в среде абхазов весьма скромное влияние).

Мирное сосуществование традиционной религии и православия в прошлом объяснялось прежде всего тем, что духовенство фактически отказалось от борьбы против религии, которая по всем церковным канонам должна считаться языческой. Сознвая невозможность вытеснить из жизни абхазов традиционную религию, церковные иерархи довольствовались формальным признанием абхазами христианства в качестве собственной религии (таким же образом поступали в Абхазии и служители ислама).

* * *

Тесное переплетение религиозных и этнополитических факторов является характерной чертой всего постсоветского развития Абхазии. Дальнейшее направление развития конфессиональной ситуации и судьба православной церкви в Абхазии в первую очередь зависит от политических факторов и того способа, которым будет решаться абхазская проблема. Отсутствие канонических отношений между Грузинской Православной Церковью и православными приходами в Абхазии создало благоприятную ситуацию для функционирования в Абхазии различных, в том числе тоталитарных сект и объединений, для дальнейшего увеличения ее конфессиональной мозаичности. В этих условиях деятельность по уменьшению излишней степени политизации церковной жизни, по выработке скоординированной политики православных церквей Грузии и России по отношению к православным приходам Абхазии, по установлению между ними истинно христианского взаимопонимания приобретает особую актуальность.

К сожалению, аудиозапись доклада *Пааты Закареишвили «Роль православия в конфликтных зонах»*, который был сделан только в устной форме, по техническим причинам была утеряна, за что приносим извинения автору, а также читателю.

ДИСКУССИЯ

Лариса Сотиева

У меня вопрос к Паате и к господину Крылову. Паата, скажи, пожалуйста, Церковь Грузии сотрудничает ли с правительством Абхазии в изгнании, с правительством Надареишвили.

Паата Закареишвили

Да, очень тесно сотрудничает, митрополит Даниил, можно сказать, член правительства, условно, конечно, он духовный отец всех политиков в изгнании, они постоянно общаются, не проходит ни одного политического собрания или совещания правительства в изгнании, чтобы он не присутствовал.

Лариса Сотиева

Вопрос господину Крылову. Связано ли с какой-то особой религиозностью то, что абхазы не едят рыбу?

Александр Крылов

Знаете, я об этом впервые слышу, я столько там был, они прекрасно едят рыбу. Кстати, сейчас колоссальная проблема с абхазскими реками, потому что они совершенно варварскими методами эту рыбу глушат, в том числе электрическим током, и поэтому там нет даже лягушек. По-моему, тут очень много каких-то мифов, и я не понимаю, откуда они берутся. Спасибо.

Эмиль Адельханов

У меня вопрос к Александру Крылову. Заметно ли какое-либо различие между городом и деревней по степени религиозности или по принадлежности к конфессиям. И одно, пожалуй, замечание: у абхазов религиозные праздники координируются с сельскохозяйственным циклом, с календарем. В принципе, так было во всей Европе, и скажем, у русских крестьян до сих пор религиозные праздники точно координируются календарем.

Александр Крылов

Это совершенно справедливо, но только русские не режут бычка и не совершают обряд жертвоприношения и т. д. То есть здесь традиции сохранились архаические. А отношение города к деревне представляет очень сложную картину, потому что, во-первых, в города поехала масса сельского населения, сейчас вообще коренные сухумцы в полном ужасе от того, кто приехал туда и кто правит бал. Эти люди сохраняют свою связь с деревней, с селами своими, и все обязательно участвуют в этих своих молениях, то есть они из города едут в родное село, там приносится жертвенное животное и т. д. В то же время часть обряда перенесена в Сухуми. Они собираются точно так же, как поселковые общины. Там собирается община из нескольких домов, и тоже устраивают определенные обряды, скажем так: «ацуныха» - обряд, дарование весеннего урожая - в городе тоже совершается.

Трагедия для абхазов в том, что сейчас абхазское село все больше обезлюживается, а в городах люди, которые там вырастают, очень часто не знают даже абхазского языка, то есть это уже буквально два-три поколения, и если пойдет так дальше, то все может оказаться очень печальным. Спасибо.

Леван Абашидзе

Я думаю, что вопрос о соотношении христианства или христианских маркеров к народной религии, это довольно общий вопрос, и Абхазия не исключение. То же самое и в Грузии, особенно в горах. Внешне, конечно, это выглядит как какое-то язычество, но главное, что люди себя считают

христианами. То есть маркер остается, но реально то, что называется «поганизацией религии», и это происходит везде, а на Кавказе особенно. Я думаю, где-то в горах чеченцы были такими же приблизительно мусульманами - по крайней мере, пока вахабисты не пришли. Что касается Абхазии, там очень трудно провести грань, где кончается христианство и действительно начинается язычество, которое уже не христианское. Я думаю, что основное население все-таки себя считает православными христианами.

И второе - пример с иеромонахом Давидом Сарсания. Этот пример очень важен и очень многое объясняет. Он учился и, по-моему, заканчивает или уже закончил Московскую духовную академию. Ему там объяснили, что Абхазская Церковь входит в юрисдикцию Грузинской Православной Церкви, и его прислали в Грузию написать здесь дипломную работу. Это положительный пример, где церковное послушание могло быть использовано, но как с ним тут обошлись, очень печально. Обошлись просто бездарно, совершенно близоручо, все это доходило до комических ситуаций. Он просил митрополита Даниила написать маленькое обращение к абхазам, потому что абхазы говорили, что не знают, что у них есть митрополит. Давид говорил митрополиту Даниилу, мол, напишите «Я ваш митрополит», да! или напишите, что там есть один очень агрессивный антигрузинский священник и надо предпринять меры против него, скажите, что он не является вашим священником. Но ничего этого не делалось. Почему? Потому что, я согласен с Паатой, видимо, они хотят на белом коне или на зеленом танке войти в Абхазию — вот такая у них позиция.

Виктор Воронков

Я тоже хотел внести свой вклад в эту дискуссию. Вопрос о том, что люди одновременно принадлежат к двум религиям, мне кажется несколько странным. Эксперт должен точно определить, какой религии они принадлежат, потому что эксперт точно знает, язычник он или христианин, или мусульманин. Дело в том, что здесь вообще-то ничего удивительного нет, поскольку каждый советский человек, и не только советский, существовал в различных публичных сферах. Одна официальная публичная сфера, где действуют официальные правила, писанный закон и т. д., и, попадая в эту сферу, человек отвечает так, как надо отвечать. В этой сфере существуют христиане, мусульмане, язычники, как тут справедливо сказали, и человек себя определяет как надо, но одновременно он живет в реальной жизни, в приватной и публичной сфере, где действуют совершенно другие правила, обычное право. Не в традиционном, а в самом современном смысле. И там категории совершенно другие, и вопрос не встает, христианин он или мусульманин, он придерживается некоторых правил, которые эксперты обозначают как языческие, и здесь когда приходит социолог, или политик, или происходят выборы, это факты официальной публичной сферы, и там он отвечает то, что отвечает. А в своей собственной среде, где он живет, там он совсем иной человек, там он выглядит как язычник. Если социологу удастся подсмотреть, как же он на самом деле себя ведет, он видит то, что определяет его как язычника, поскольку он одновременно живет в этих двух сферах. Все это напоминает ситуацию, когда мы на партийных собраниях голосовали «за», а выходили и ругали советскую власть, это полностью аналогичное поведение по отношению к таким вещам, как самоопределение себя религиозным человеком.

Гия Анчабадзе

Я просто хотел дополнить предыдущее выступление в отношении позиции Грузинской Церкви во время войны в Абхазии. Когда был Даниил уже митрополит Сухумский и Абхазский, он часто выходил на позиции грузинских войск освящать штабы и какие-то военные объекты, это все в прессе показывалось, и мы видим, что эти священные обряды не помогли военным действиям, зато однозначно показали политическую позицию Грузинской Церкви. Насколько я помню, Патриарх Грузии каких-то заявлений или действий не делал, но он и ни разу не выразил протест по поводу того, что его иерархи, безусловно, поддерживают одну сторону.

Отец Иннокентий

Я хочу добавить маленький исторический штрих в связи с положением православной церкви в Абхазии. Было это либо в 92-м, либо в 93-м году, но никак не позже, потому что как раз после 93-го года я перестал быть в отделе внешних церковных сношении Московского патриархата. К нам в отдел пришло письмо, вернее, оно пришло на имя Патриарха Алексия Второго, и с его резолюцией, а резолюция очень интересная: «Подготовить мой ответ». Какой ответ, не было сказано, - видно, Патриарх считал, что в отделе сидят эксперты, которые знают, как надо реагировать на письма на имя Патриарха, с тем чтобы Синод Русской Православной Церкви поставил в Абхазию епископа, причем там была названа конкретная кандидатура одного священника — к сожалению, я не помню

его имени, — на официальном бланке с гербом и с флагом непризнанного Абхазского государства. Ответ готовил не я, возможно, готовил сам митрополит Кирилл, председатель отдела, но я эту бумагу видел, собственно, понятно, что епископа из Москвы поставлять не стали. По крайней мере, со стороны властей Абхазии была предпринята попытка, чтобы православная церковь в Абхазии имела епископское возглавие.

Вальтер Кауфманн

Мы подходим к концу нашей встречи, и я не хочу упустить шанса услышать короткие комментарии к тому, какие из аспектов темы православия вы считаете важными для продолжения обсуждения в рамках грузино-российского диалога.

И еще один вопрос: какие другие темы могут быть предметом особенного интереса в рамках грузино-российского диалога? Я понимаю, что у нас не может быть сейчас очень длинной дискуссии. Прошу вас, короткие комментарии.

Григорий Шведов

У меня такое простое соображение: мне кажется, что, по крайней мере, для нас безумно важно поддержание самого механизма постоянного диалога, очень интересно было бы послушать целый ряд докладов, сообщений. Это не первая встреча, в которой я принимаю участие, она очень интересна, но если только говорить о том, что мы можем такими встречами в узком кругу формировать другую модель взаимоотношений, можем действовать в среде, обычной для политических лидеров, которые делают те или иные заявления, ведут те или иные обсуждения, мы можем, как мне кажется, в таком случае подменить нашими встречами этот политический мир, который, к сожалению, полностью оперирует грузино-российскими или российско-грузинскими отношениями. Мне кажется, было бы очень важно и просто, в принципе, чтобы между встречами по этой теме в ряду других актуальных тем происходило общение в форме публикаций в грузинской и в российской прессе в форме ведения какого-то диалога по тем или иным темам. Форм можно придумать достаточно много - главное, чтобы не было вот таких пауз между темами.

Нодар Ладария

Вы как-то начали очень плохо и закончили очень хорошо. Я хотел сказать, что мы на самом деле, по крайней мере, в Грузии, сможем подменить и сможем оказать влияние на церковь и на политическую ситуацию. Эта гораздо проще сделать в Грузии, чем в России, это понятно. И по многим причинам, которые не будем здесь обсуждать, но на самом деле стоит только пройти двум-трем дням, и тогда все это усядется, созреет, и мы все оценим по-настоящему. Но и на таком уровне это было очень полезно. То, что в нашей прессе и по нашему телевидению прозвучат какие-то имена и какие-то факты, и то, что сюда пришли какие-то книги, может оказать очень серьезное влияние на общественное мнение в Грузии, а это уже немало.

Михаил Габович

Я просто хотел, в продолжение того, о чем говорил Григорий Шведов, предложить предельно конкретный механизм взаимодействия. Я повторяю то, о чем говорил в Национальной библиотеке, что есть договоренность с некими французскими организациями о том, что если грузинские НПО или другие такие организации, институты заинтересованы в подписке на наши журналы, то можно найти финансирование. Если это вам интересно, пишите нам, чем больше мы таких адресов найдем, тем это будет убедительнее для спонсоров, и в таком случае надо будет продумать какой-то постоянный механизм доставки не только наших журналов, но и книг, которые постоянно выходят. И поскольку почта не самый надежный механизм, можно подумать о какой-то связи через Фонд Белля, или какие-то посольства, скорее всего не российское, – может, немецкое. Но и, естественно, мы всегда заинтересованы в обмене текстами, публикациями. У нас уже в одном из номеров, которые я привез, был ряд статей грузинских авторов. Мы всегда интересуемся как статьями грузинских авторов, так и любой формой диалога и любыми формами производства текстов, которые могут быть взаимообогащающими. А также я лично могу предложить некоторую форму выхода на большую европейскую аудиторию, поскольку мы входим в сеть европейских журналов, которая дает деньги на переводы текстов на целый ряд европейских языков и может сделать их доступными. Здесь возможны любые формы взаимодействия, потому что мы в силах вас свести с какими-нибудь интересными авторами, экспертами, редакторами, организаторами довольно большого количества стран. Я могу предоставить скромные ресурсы нашего издательства, редакции, предложить службу нашей кооперации.

Ивлиан Хаиндрава

Мне было очень интересно участвовать в этой встрече, как и в предыдущей, хотя, откровенно говоря, перспектива дальнейшей разработки этой темы не совсем видна, во всяком случае, с моей

точки зрения - человека интересующегося вопросами политического анализа. Я не вижу, что еще можно было бы сделать в этой направлении. Может быть, углубиться в какие-то специальные вопросы, где бы я увидел свои функции, что мне, в принципе, было бы интересно. Я четко осознаю сложность, несоразмерность России и Грузии и несоразмерность соответствующей проблематики. Россия для Грузии - эта проблема номер один, Грузия для России - эта проблема номер 1709, допустим. Тем не менее, например, было бы интересно попытаться понять, как мы вообще воспринимаем и видим друг друга, как из России видят Грузию, как из Грузии видят Россию, какие существуют стереотипы, мифы, реалии, насколько реально события в наших странах ушли от тех стереотипов, которые были в советское время. Каковы нынешние, реальные грузины, и, скажем, новые грузины или что-то в этом роде, и каково сегодняшнее российское общество и прочее, и прочее, то есть я говорю о попытке понять, как мы видим друг друга с этих двух точек. Мне представляется, что здесь есть перспектива и здесь может быть интерес, хотя, опять же повторяю, существует видимая несоразмерность.

Эмиль Адельханов

Может быть, можно предложить одну тему: скажем, неправительственные организации и правительство в двух странах, а может быть, для анализа грузинской действительности была бы очень интересна тема: неправительственные организации и церкви; но я не знаю, насколько это интересно для российской стороны.

Отец Иннокентий

Если говорить о перспективах таких встреч, то нужно сказать, что это должен быть достаточно продолжительный проект. Например, снабжение Национальной библиотеки Грузии новыми российскими изданиями. Здесь в Грузии есть интерес к современной православной, богословской литературе.

Виктор Воронков

Я ничего не хочу сказать против просвещения, очень хорошо, хотя куда полезнее читать книжки из англо-немецкого пространства, нежели российскую литературу. Но я хочу сказать совсем о другом. Мы должны посмотреть, как действует государство. Государство разделяет людей границами, а пространство идей и ценности делятся по совсем другим критериям. И поэтому здесь собрались, в основном, единомышленники, и мы просто сверяем свои позиции, уточняем, формулируем, что нам всем полезно, но надо делать следующие шаги. Есть смысл создавать трансграничную, гражданскую ассоциацию, ибо гражданское общество этих границ не имеет. И в борьбе с государствами международное, интернациональное гражданское общество имеет куда больше ресурсов и сил для того, чтобы воздействовать на правительства отдельных государств. Вот типичный пример с Россией: Россия как государство протянула свои щупальца на Кавказ, а гражданское общество России стоит спиной к границе и этого не видит и не интересуется, и мне удивительно, почему так сильно отстает гражданское общество от своего государства. Понимаете, вот как профсоюзное движение шло в девятнадцатом веке вслед создающемуся транснациональному интересу, и везде международные профсоюзные организации боролись с этим международным империализмом. А мы в такую же империалистическую эпоху совершенно никак не реагируем. Поэтому международная солидарность очень важна. Диссидентов в Советском Союзе была кучка, грубо говоря, но они опирались на эти международные ресурсы, поэтому их дело было достаточно успешным, как мы видим. Поэтому я не призывал бы только к таким двусторонним отношениям, хотя они полезны для такой взаимно интересной дискуссии, я призывал бы создавать такие ассоциации по гражданским интересам, в первую очередь среди большого количества гражданских организаций Европы в целом, и Кавказа в том числе.

Лариса Сотиева

С точки зрения работы с конфликтами, уже несколько лет успешно функционирует грузино-абхазский диалог, и вот сейчас налаживается грузино-осетинский диалог. Было бы очень интересно и полезно привлечь российскую сторону.

Александр Крылов

Я хотел бы предложить обсудить проблему этнических стереотипов в национальной мифологии, то, что сейчас очень активно пишутся национальные версии истории, роль этих стереотипов, как

воспринимают разные народы сами себя и как воспринимают соседей. По-моему, роль этого фактора очень часто совершенно не учитывается.

Николай Митрохин

Как мне кажется, действительно, нам надо определиться. Это уже наша вторая встреча российско-грузинского диалога, связанная с религией. Если мы будем проводить третью или четвертую встречу, связанную с различными аспектами религиозной жизни, это превратится в российско-грузинский диалог по вопросам религии. Для меня как специалиста по религии все замечательно, я могу обсуждать много и долго все это. Но будут ли таким образом реализоваться большие задачи? В какой форме выразить тот круг людей, которые принимают участие во встречах, является ли это основной темой нашей потенциальной дискуссии, и является ли тема сутью нашего диалога? Такое тоже возможно: мы обнаружили проблему и мы считаем, что на протяжении длительного времени это могло бы обсуждаться и принести какую-то пользу. Либо мы все-таки решаем, что мы все, что могли обсудить, обсудили. Те люди, которые наладили какие-то конкретные контакты друг с другом по линии журнала, передачи текстов, сайтов; либо, может быть, есть возможность кому-то с кем-то договориться о видении совместных проектов. Тогда мы переходим к другой проблематике, которую предложил Александр, это большая тема, мне даже очень интересно. Я думаю, что мы можем еще найти какие-то определенные параллели (деятельности НПО) или специально посвятить что-то журналистике, отражению России и Грузии именно глазами журналистов и формированию общественного мнения, что могли бы сделать неправительственные организации. Но для этого, мне кажется, если мы как-то представляем общественность, не надо перекладывать все на плечи организаторов, которых в данный момент представляет Фонд Белля. Мы, конечно, уважаем мнение этой стороны, но уже определилась какая-то группа, которая участвует во встречах. Мы должны и сами понимать, зачем нам это надо и что именно надо.

Эмиль Адельханов

Я насчет книжек. Тут некоторые скептически относятся к пользе от привоза книг в Тбилиси. Отчасти это, видно, обусловлено тем, что москвичи пресыщены богатством книжных магазинов. У нас, наоборот, голод. Поэтому я думаю, что было бы эффективнее сделать вот что: не просто подарить книги библиотеке и устроить двухчасовую встречу, а привезти книг в несколько раз больше, и все остальные продать там же, в зале библиотеки. Разойдутся как грибы, то есть расхватают, если цены не заломите невероятные...

Вальтер Кауфманн

Спасибо, Эмиль, спасибо всем. Наша встреча на этом закончена. Вы все сделали ее довольно живым форумом, не только тут, в зале, но и в кулуарах. Я с удовольствием прислушивался к разным разговорам, к разным рабочим контактам, которые были за эти дни. Я думаю, наш план в какой-то мере оправдался, потому что действительно было очень много интересных и важных аспектов. Много таких интересных моментов, которые можно и стоит углубить. Я, конечно, воздерживаюсь от какого-то содержательного заключения и просто хочу сердечно поблагодарить тех, кто участвовал в подготовке нашей встречи - и в содержательном, и в организационном смысле. С российской стороны это Николай Митрохин, который сделал очень много при составлении этой программы и списка участников. Это Люся Кабанова из московского офиса Фонда, которая взяла на себя все с российской стороны, и отлично справилась. И с грузинской стороны это мои коллеги Нино Лежава, которая тоже сделала замечательную работу, и Тамара Бердзенишвили. Всем, по-моему, было уютно и вкусно. Приезжайте чаще.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

Абашидзе Леван	Библейско-теологический институт, Тбилиси
Адельханов Эмиль	Правозащитник, Кавказский институт мира, демократии и развития, Тбилиси
Антадзе Иа	Журналист, Радио Свобода, Тбилиси
Анчабадзе Георгий	Историк, Институт истории и этнологии Академии наук Грузии
Баазов Заза	Корреспондент «Кавказского акцента», Тбилиси
Бакрадзе Лаша	Богослов, историк, Тбилиси
Беленкин Борис	Заведующий библиотекой общества «Мемориал», Москва
Бердзенишвили Леван	Генеральный директор Национальной библиотеки, Тбилиси
Верховский Александр	Директор Информационно-аналитического центра «Сова», Москва
Власов Дмитрий	Главный редактор Информационного агентства «Благовест-инфо», Москва
Воронков Виктор	Директор Центра независимых социологических исследований, С.-Петербург
Габович Михаил	Шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас» («Дебаты о политике и культуре»), Москва
Галдава Теа	Центр культурных взаимосвязей Грузии «Кавказский дом», Тбилиси
Дарчиашвили Давид	Политолог, Кавказский институт мира, демократии и развития, Тбилиси
Джаши Зура	Журнал «Згвари», Тбилиси
Джгеренаиа Эмзар	Социолог, Старший учитель факультета философии и социальных наук, Институт языка и культуры, Тбилиси
Закареишвили Паата	Политолог, богослов, Центр развития и сотрудничества – центр плюрализма, Тбилиси
Зигерт Йенс	Руководитель Фонда им.Генриха Белля в России, Москва
Ицкович Дмитрий	Генеральный директор Издательства «О.Г.И.» и Информационно-политического интернет-канала «POLIT.RU», Москва
Кабанова Людмила	Координатор программ Фонда им. Генриха Белля в России, Москва
Какабадзе Нана	НПО «Бывшие политзаключенные за права человека», Тбилиси

Картвелишвили Лела	Центр свободы вероисповедания, Тбилиси
Кириченко Наталья	Выпускающий редактор сайта «GIF.RU», ведущая Информационного агентства «Культура», Москва
(Кобахидзе) от. Басилий	Протоиерей, Православная Церковь Грузии, Тбилиси
Кордзая-Самадашвили Анна	Журналист газеты «24 саати», Тбилиси
Крылов Александр	Доктор исторических наук, Институт стратегических исследований , Москва
Ладария Нодар	Богослов, пресс-омбудсмен газеты «24 саати», Тбилиси
Маисурадзе Лухум	Баптистская семинария, Тбилиси
Меладзе Георгий	Юрисконсульт Института свободы, Тбилиси
Минаева Анна	Российский государственный гуманитарный университет, научный сотрудник, Москва
Миндиашвили Бека	ALPE/ Журнал «Згвари», Тбилиси
Митрохин Николай	Директор Института изучения религии в странах СНГ и Балтии, Москва
Отхозория Гурам (Павлов) от. Иннокентий	Историк, Тбилиси Заведующий кафедрой в Библейско-богословском институте св. апостола Андрея, Москва
Панченко Александр	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный сотрудник, С.-Петербург
Папуашвили Нугзар	Филолог, Институт рукописей им. Корнелия Кекелидзе АН Грузии, Тбилиси
Поппе Герд	Фонд им. Генриха Белля, Берлин
Сватиков Александр	Руководитель русского отделения «Кавказского дома», Тбилиси
Свердлова Елена	Директор издательских программ «Объединенного гуманитарного издательства» (О.Г.И.), Москва
Смолякова Юлия	Исполнительный директор Информационного центра «Панорама», Москва
Солдатов Александр	Главный редактор Информационно-аналитического интернет-издания о религии "Портал-Credo.Ru", Москва
Сонгулашвили от. Малхаз	Епископ Евангельско-Баптистской Церкви , Тбилиси
Сотиева Лариса	Координатор Кавказского Форума НПО по Северной Осетии, директор «Кавказского Совета по беженцам», Владикавказ
Субелиани Созар	Теолог, Институт свободы, Тбилиси

Сулханишвили Ирина	Международный центр конфликтов и переговоров, Тбилиси
Сумбадзе Нана	Institute for Policy Studies, Тбилиси
Тархан-Моурави Георгий	Institute for Policy Studies, Тбилиси
Тиканадзе Иа	Грузинское бюро фонда им. Фридриха Эберта, Тбилиси
Тимофеева Софья	Заместитель директора Института изучения религии в странах СНГ и Балтии, Москва
Фричева Магдалена	ОБСЕ, Тбилиси
Хаиндрава Ивлиан	Директор программы «Кавказские региональные исследования», Центр развития и сотрудничества – центр плюрализма , Тбилиси
Церетели Вера	Собкор газеты «Культура» (Москва) в Грузии, Тбилиси
Чихладзе Ираклий	Независимый журналист, Тбилиси
Чубинидзе Нино	Кутаисский филиал Института свободы, Кутаиси
Чхетия Гоча	Центр свободы вероисповедания, Кутаиси
Шамугия Медея	Студент Государственного педагогического университета им. Сулхан-Саба Орбелиани, Тбилиси
Шведов Григорий	Главный редактор периодических изданий общества «Мемориал», руководитель Информационного ресурса «Кавказский узел», Москва